

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2020

№ 15

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Елисеев С.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, председатель редколлегии (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Ведерников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голык Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головкин Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Дершев Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Елисеев С.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Зникин В.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Кемерово); **Николюк В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Прозументов Л.М.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолькова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Свообразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистами – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета

Редактор Е.Г. Шумская; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелюор; дизайн обложки Л.Д. Кривовой

Подписано в печать 03.06.2020 г. Формат 60x80^{1/8}. Усл.-печ. л. 13,3. Тираж 500 экз. Заказ № 4315. Цена свободная.

Дата выхода в свет 19.06.2020 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Антонов А.Г., Андреев С.П. К вопросу о содержании положения «совершение преступления впервые» как элемента освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа	5
Антонов А.Г. К вопросу о содержании принципа справедливости в уголовном праве	8
Бегишев И.Р., Кирпичников Д.В. Проблемные вопросы уголовно-правовой охраны персональных данных	11
Валеев М.Т. Проблемы и перспективы лишения криптовалюты посредством уголовного наказания	17
Каракулов Т.Г. Уголовная ответственность за побои (ст. 116 УК РФ): эволюция закона и проблемы квалификации	21
Лозинский И.В. Тенденции развития уголовного законодательства России, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, в историческом аспекте	28

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Варданын А.В., Варданын Г.А. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере теневого обращения фармацевтической продукции	36
Герцен П.О. Проблема обеспечения полноты и объективности предварительного расследования в период режима повышенной готовности к чрезвычайной ситуации	41
Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Актуальные проблемы обеспечения судом доступа к правосудию при возбуждении и расследовании уголовных дел	47
Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения, состоящие в изоляции несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого: реализация международных стандартов в отечественном законодательстве	54
Уваров О.Н., Киселев А.М. К вопросу об обеспечении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, находящихся на учете в уголовно-исполнительной инспекции	59

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Бякина С.И. Воспитательная работа с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, как основное средство их исправления	64
Гришко А.Я. А.Л. Ременсон о постпенитенциарном рецидиве и постпенитенциарное право	68
Кузьмин С.И., Чуканова Е.С. Нужны ли самодетельные организации осужденным? Приглашаем к дискуссии	72
Лелюх В.Ф., Обернихина О.В. Влияние международно-правовых стандартов обращения с осужденными на их ресоциализацию	77

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Мариничева А.Ю. О соотношении прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов с иными функциями и направлениями деятельности российской прокуратуры	81
---	----

КРИМИНАЛИСТИКА

Ахмедшин Р.Л. Предупреждение совершения преступлений террористической направленности	89
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Абдуллоев П.С. Передача лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания из международных уголовных судебных органов в государство в рамках уголовного процесса постсоветских стран	92
Кудратов Н.А. К вопросу о криминализации сепаратизма в уголовном законе Республики Таджикистан	97
Скаков А.Б. О перспективах развития процесса исполнения уголовных наказаний и пробации	103
Трефилов А.А. Развитие уголовного процесса в Княжестве Лихтенштейн	111
Сведения об авторах	117

CONTENTS

CRIMINAL LAW

Antonov A.G., Andreev S.P. On the Content of the Provision “Committing a Crime for the First Time” as an Element of Exemption from Criminal Liability with a Fine	5
Antonov A.G. On the Content of the Principle of Justice in Criminal Law	8
Begishev I.R., Kirpichnikov D.V. Problems of Personal Data Protection in Criminal Law	11
Valeev M.T. Problems and Prospects for Foreclosing Cryptocurrency through Criminal Punishment	17
Karakulov T.G. Criminal Liability for Battery (Article 116 of the Criminal Code of Russia): Evolution of the Law and Problems of Qualification	21
Lozinsky I.V. Tendencies in Development of Russian Criminal Law, Protecting Public Relations in the Field of Economic Activity, in Historical Perspective	28

CRIMINAL PROCEDURE

Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. On Initiation of Criminal Cases in Crimes Related to the Shadow Flows of Pharmaceutical Products	36
Gertsen P.O. Problem of Ensuring Completeness and Objectivity of the Preliminary Investigation During the Emergency Preparedness Regime	41
Maslennikova L.N., Sushina T.E. Topical Problems of the Court’s Access to Justice in the Initiation and Investigation of Criminal Cases	47
Muraviev K.V. Procedural Compulsion through Isolation of a Suspected and Accused Minor: Implementation of International Standards in Russian Law	54
Uvarov O.N., Kiselev A.M. On Safety of Criminal Proceedings Participants Registered by the Penal Enforcement Inspectorate.....	59

CRIMINAL AND PENAL LAW

Byakina S.I. Educational Work With Convicts Registered in Penal Inspectorates as the Main Means of Their Correction	64
Grishko A.Ya. Aleksandr L. Remenson on Post-Penitentiary Recidivism and Post-Penitentiary Law	68
Kuzmin S.I., Chukanova E.S. Do Inmates Need Amateur Organisations? An Invitation to a Discussion	72
Lelyukh V.F., Obernihina O.V. The Influence of International Legal Standards for the Treatment of Prisoners on Their Resocialization	77

PROSECUTOR SUPERVISION

Marinicheva A.Yu. On the Relationship Between the Prosecutor’s Supervision Over the Observance of Entrepreneurs’ Rights in the Implementation of State and Municipal Contracts and Other Functions and Areas of Activity of the Russian Prosecution Service	81
--	----

FORENSIC SCIENCE

Akhmedshin R.L. The Prevention of Crimes of Terrorism	89
--	----

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Abdulloev P.S. Transfer of Persons Sentenced to Imprisonment to Serve Their Sentences From International Criminal Judicial Bodies to Their States Within the Framework of the Criminal Procedure of Post-Soviet States	92
Kudratov N.A. On the Criminalisation of Separatism in the Criminal Law of the Republic of Tajikistan	97
Skakov A.B. On the Development Prospects for Criminal Sentence Enforcement and Probation	103
Trefilov A.A. The Development of the Criminal Procedure in the Principality of Liechtenstein	111
Information about the authors in Russian	117

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.2.7

DOI: 10.17223/23088451/15/1

А.Г. Антонов, С.П. Андреев

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОЛОЖЕНИЯ «СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВПЕРВЫЕ» КАК ЭЛЕМЕНТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

На основании российского уголовного законодательства и судебной практики рассматривается содержание одного из требований освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа – совершения лицом преступления впервые.

Ключевые слова: освобождение, уголовная ответственность, впервые, Верховный Суд.

Относительно недавно в Уголовный кодекс Российской Федерации было введено новое основание освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, которое закреплено в ст. 76.2. Согласно данной статье лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Как видно, для освобождения от уголовной ответственности виновного законодатель выдвигает ряд требований, среди которых в первую очередь отражено такое положение, как «совершение преступления впервые». Каковы его смысл и содержание?

Согласно п. 2. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19, в ст.ст. 75, 76, 76.1 и 76.2 УК РФ впервые совершившим преступление следует считать, в частности, лицо: а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено; б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу; в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости); г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности.

Исходя из изложенного, «совершение преступления впервые», в сущности, сводится к двум моментам: а) виновный и фактически, и юридически в первый раз

совершил преступление; б) лицо не имеет судимости, хотя ранее и совершало преступления.

При этом в п. 16.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 отмечается, что совершение лицом впервые нескольких преступлений небольшой и (или) средней тяжести не препятствует освобождению его от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ.

Тем самым Верховный Суд Российской Федерации допускает применение исследуемой нормы и при фактическом повторном совершении преступления, причем количество таких преступлений не ограничено. Если виновный совершил десять преступлений, за которые не был осужден, то суд последовательно, поочередно может принять десять решений об освобождении виновного от уголовной ответственности, разумеется, при соблюдении всех условий, закрепленных в ст. 76.2 УК РФ.

Но есть и другой вариант, который отражен в п. 9 обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г.). В нем отмечается: поскольку освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ – это единовременное решение суда в отношении одного лица, то с учетом всех обстоятельств, позволяющих судить о наличии оснований и условий для принятия такого решения, судом независимо от количества совершенных преступлений всегда вместо наказания применяется одна (единая, учитывающая в том числе количество и характер совершенных им общественно опасных деяний) мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. При определении размера судебного штрафа за несколько преступлений небольшой и (или) средней тяжести суды обоснованно исходят из санкции статьи, устанавливающей наиболее строгую ответственность.

Как подтверждение такого положения вещей в указанном обзоре приводятся следующие примеры. Постановлением Ленинского районного суда г. Кирова от 19 января 2017 г. уголовное дело в отношении П., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 116 (в ред. от 7 декабря 2011 г.

№ 420-ФЗ), ч. 1 ст. 166 УК РФ, прекращено в порядке ст. 25.1 УПК РФ. П. освобожден от уголовной ответственности с применением к нему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 5 тыс. руб. Постановлением Заводского районного суда г. Кемерово от 5 июля 2017 г. прекращено уголовное дело в отношении Л., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 166, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Согласно указанному постановлению Л. назначен судебный штраф в размере 5 тыс. руб. Таким образом, судебная практика идет по пути назначения одного судебного штрафа в случае совершения двух и более преступлений.

Нужно отметить постоянство и последовательность судебной практики в данном направлении. Такая позиция имела место и до введения нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с судебным штрафом. Так, согласно п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу или судимости за ранее совершенные преступления сняты и погашены в установленном законом порядке.

Соответствует ли такая судебная практика смыслу ст. 76.2 УК РФ и сущности одного из ее требований – «совершения преступления впервые»?

Общепризнано, что основанием освобождения от уголовной ответственности является утрата виновным общественной опасности [1, с. 277]. Следовательно, главным социально-криминологическим основанием освобождения от уголовной ответственности по общим основаниям, к коим относится и ст. 76.2 УК РФ, видимо, следует все же считать наличие определенного контингента лиц, в отношении которых можно достичь целей уголовного наказания без применения к ним уголовной ответственности.

Криминологическая обусловленность общих оснований освобождения от уголовной ответственности – утрата или снижение общественной опасности преступника. Об этом можно судить по таким обстоятельствам, как позитивная постпреступная деятельность виновного (ст.ст. 75 и 76 УК РФ), истечение определенных сроков с момента совершения преступления (ст. 78 УК РФ), постпреступное воздействие на несовершеннолетнего виновного (ст. 90 УК РФ) и, конечно, уплата определенной суммы в доход государства в совокупности с позитивным посткриминальным поведением лица (ст.ст. 76.1 и 76.2 УК РФ)¹. Такая утрата или снижение общественной опасности преступника свидетельствует о нецелесообразности применения к нему уголовной

ответственности и основывается в случае применения судебного штрафа, а также ряда других оснований освобождения от уголовной ответственности, помимо прочего, на таком требовании уголовного закона, как «совершение преступления впервые».

Если лицо впервые совершило преступление, то можно судить о его невысокой общественной опасности. Если совершено не одно преступление, то общественная опасность виновного увеличивается в соответствии с количеством преступлений. В первом случае может иметь место случайное стечение обстоятельств, второй же может свидетельствовать о достаточно стойкой антисоциальной направленности личности. Поэтому впервые совершившим преступление необходимо считать лицо, которое имеет преступного опыта, получившего ранее соответствующую оценку со стороны государства [2, с. 89].

Вместе с тем обратим внимание на цели введения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Так, в пояснительной записке «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» [3] Верховный Суд Российской Федерации отметил, что внесение в действующее законодательство предлагающихся изменений (в том числе и введение нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. – А.А., С.А.) создаст условия для выведения из-под действия уголовного закона или из сферы уголовной ответственности в общей сложности более 300 тысяч человек, что, в свою очередь, будет способствовать положительным изменениям в социальной структуре общества за счет значительного сокращения числа лиц, имеющих судимость.

Исходя из изложенного, цель введения ст. 76.2 в УК РФ вполне обоснована. Однако данная норма должна применяться именно к неопасным лицам. Иначе указанные в пояснительной записке положительные изменения не будут достигнуты. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа должно строиться на прогнозе несовершенности виновным преступления в будущем. Такой прогноз может оказаться достаточно точным в случае совершения лицом одного преступления. И напротив, он не будет достоверным в случае совершения лицом двух и более преступлений, так как это свидетельствует о его повышенной общественной опасности. В последнем случае возможность утраты или значительного снижения общественной опасности лица маловероятна.

Есть в пользу изложенной точки зрения и еще один аргумент, основанный на содержании уголовного закона. Он напрямую вытекает из текста ст. 76.2 УК РФ. В ней говорится об освобождении от уголовной ответственности при совершении преступления в единственном числе. То есть уголовный закон не позволяет реализовывать норму о судебном штрафе применительно к совершению двух и более преступлений, хотя это имеет место в ранее описанной судебной практике.

¹ Кроме ст. 78 УК РФ, общие виды освобождения от уголовной ответственности, наряду с указанными обстоятельствами, основываются на невысокой общественной опасности совершенного преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 279 с.
2. Ларина Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-litsa-vpervye-sovershivshogo-prestuplenie> (дата обращения: 10.01.2020).
3. К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: пояснительная записка. URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 03.05.2020).

On the Content of the Provision “Committing a Crime for the First Time” as an Element of Exemption from Criminal Liability with a Fine

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 5–7. DOI: 10.17223/23088451/15/1

Anton G. Antonov, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: antonovanton1@mail.ru

Semen P. Andreev, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: antonovanton1@mail.ru

Keywords: exemption, criminal liability, first time, Supreme Court.

Recently, the legislators have introduced a new ground for exemption from criminal liability in case of inflicted fine under Article 76.2 of the Criminal Code of Russia. One of the requirements for this provision to be applied is its being the first perpetration of the offender. However, Clause 16.1 of Decision No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of Russia dated June 27, 2013, claims that the first perpetration of several misdemeanors and (or) medium-gravity crimes does not prevent the offender’s exemption from criminal liability on the basis of Article 76.2 of the Criminal Code of Russia. This does not correlate with the socio-criminological conditionality of the considered provision, which can be applied to persons who pose no public danger. However, the criminal law does not allow implementing the norm of a court fine for two or more crimes, since Article 76.2 of the Criminal Code of Russia refers to a singular crime.

References

1. Filimonov, V.D. (2004) *Norma ugovnogo prava* [Criminal Law Provisions]. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press.
2. Larina, L.Yu. (2014) *Ponyatie litsa, vpervye sovershivshogo prestuplenie* [The first-time offender]. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science*. 1. pp. 87–90. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-litsa-vpervye-sovershivshogo-prestuplenie> (Accessed: 10.01.2020).
3. The State Duma of the Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska “K projektu Federal'nogo zakona ‘O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii po voprosam sovershenstvovaniya osnovaniy i poryadka osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti’”* [Explanatory note “On the draft Federal Law ‘On Amendments to the Criminal Code of Russia and the Code of Criminal Procedure of Russia on improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability’”]. [Online] Available from: <http://asozd.duma.gov.ru> (Accessed: 03.05.2020).

УДК 343.2

DOI: 10.17223/23088451/15/2

А.Г. Антонов

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Анализируется содержание принципа справедливости. В первую очередь обращено внимание на степень его влияния на уголовное законодательство Российской Федерации. Рассмотрены различные варианты трактовки исследуемого принципа.

Ключевые слова: *принцип, справедливость, уголовное право, законодательство.*

Принцип справедливости является одним из главных положений отечественного уголовного законодательства и ориентирован, конечно же, на уголовно-правовые отношения. От него не в последнюю очередь зависят гармоничность и эффективность уголовного закона. В какой мере упомянутый принцип охватывает его положения? Презюмируется, что в полной мере. Ведь принцип является основополагающей идеей и должен пронизывать всю отрасль уголовного законодательства. Но так ли это на самом деле?

Согласно ст. 6 УК РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Последнее положение вытекает из ч. 1 ст. 50 Конституции РФ. В ней закреплено, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. Тем самым очевидна взаимосвязь принципа справедливости и Конституции РФ.

Сердцевину содержания принципа справедливости составляет идея индивидуализации уголовной ответственности и наказания [1, с. 114]. Реализация данного принципа связана с соразмерностью содеянного лицом поступка и уголовной ответственности и наказания за него [2, с. 183–184].

Большой частью верно утверждение, что «справедливость в уголовном праве, являясь универсальным, связующим все остальные принципы права, положением, требует справедливости криминализации деяний, справедливости пенализации преступлений, справедливости привлечения к уголовной ответственности, справедливости назначения и реализации наказания и иных мер уголовно-правового характера» [3, с. 140]. Однако на сегодня содержание исследуемого принципа, закрепленного в уголовном законе, несколько уже.

Вместе с тем в приведенном утверждении спорным является положение о справедливости привлечения к уголовной ответственности. Это не уголовно-правовая, а уголовно-процессуальная категория. Если есть процессуальные основания для ее реализации, то она должна иметь место.

Что касается иных мер уголовно-правового характера, то отнесение их назначения и реализации к принципу справедливости требует дополнительного осмысления. В данном случае необходимо понимать наличие

справедливости в узком, специфическом смысле этого слова. Например, при конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления, справедливы установление и реализация нормы о конфискации такового. Справедливость же принудительных мер медицинского характера заключается как в их закреплении в УК РФ, так и в обоснованности их назначения с учетом характера и степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего, в том числе и особенностей его заболевания. Соответствие судебного штрафа рассматриваемому принципу уголовного права вытекает из ч. 2 ст. 104.5 УК РФ: «Размер судебного штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения указанным лицом заработной платы или иного дохода».

Из изложенного, очевидно, что наказание и иные меры уголовно-правового характера не являются однородными нормами. И влияние принципа справедливости на них неодинаково.

Следует отметить, что упомянутая ранее справедливость криминализации деяний не нашла своего отражения в современной формулировке принципа справедливости, что, на наш взгляд, является упущением. В связи с этим и другие авторы выделяют не только такие проявления категории «справедливость» в уголовном праве, как справедливость назначения наказания и определение справедливой санкции, но и формирование круга преступных деяний [4, с. 134–135]. Следовательно, принцип справедливости должен иметь два аспекта: справедливость уголовного закона и справедливость наказания, назначаемого судом за преступление [5, с. 75]. Действительно, на законодательном уровне определяются круг преступных деяний, границы наказания за конкретное преступление, а также соотношение типовой общественной опасности преступления и типового репрессивного потенциала наказания. На правоприменительном уровне учитываются индивидуальные особенности преступления и преступника с целью назначения конкретного наказания, соответствующего уровню их общественной опасности. При этом по упомянутым причинам включение в уголовный закон и реализация иных мер уголовно-правового характера органично вписываются в такое понимание принципа справедливости.

Однако очевидным недостатком текстуальной формулировки принципа справедливости является отсут-

стве в тексте ст. 6 УК РФ указания на другие нормы и институты уголовного права, помимо институтов наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Не относятся в соответствии со ст. 6 УК РФ к принципу справедливости, например, обстоятельства, исключающие преступность деяния, институты освобождения от уголовной ответственности и наказания и т.д. Тем самым, в сущности, в уголовном законе имеет место не принцип справедливости, а принцип справедливого наказания [6, с. 94]. Справедливость же в уголовно-правовом смысле не ограничивается соотношением преступления и наказания, оценкой иных мер уголовно-правового характера.

В связи с этим необходимо учесть мнение И.Э. Звечаровского, который отмечает, что принцип справедливости следует распространить и на поведение лица после совершения преступления. В этой связи о справедливости в уголовном праве необходимо говорить не только в плане оценки соотношения преступления и ответственности за него, но и более широко: об оценке соотношения уголовно-правового поведения и его уголовно-правовых последствий [7, с. 67].

Так, например, институт освобождения от уголовной ответственности в большинстве норм закрепляет в диспозиции положительное посткриминальное поведение, а в «положительной» санкции – освобождение от уголовной ответственности. Противоречия категории справедливости в этом случае нет. Здесь необходимо различать два аспекта принципа справедливости. Первый – справедливость закрепления рассматриваемого института в уголовном законе. При установлении его норм учитываются общественная опасность преступника, характер и степень общественной опасности преступления, а также ее специфика. Второй аспект рассматриваемого принципа заключается в справедливом применении норм об освобождении от уголовной ответственности, например к лицу, утратившему общественную опасность.

Исходя из изложенного, очевидна определенная ограниченность содержания принципа справедливости в действующей редакции ст. 6 УК РФ. В пользу расширения содержания данного принципа свидетельствует и его этимологическое значение.

Принцип является основополагающим началом, главной идеей чего-либо. Тем самым принцип справедливости должен распространяться на весь Уголовный кодекс РФ. Вместе с тем обратимся к значению слова «справедливость». На латыни это – *justitia* [8]. Юстиция! Еще одно значение этого латинского слова – правосудие [Там же]. Справедливость и есть правосудие в буквальном смысле этого слова. Происходит это слово от слова *jus* [9], что означает право. То есть само право и есть справедливость. Поэтому принцип справедливости является сущностью права, причем любой отрасли и, конечно же, уголовного. Тем самым все нормы права должны быть справедливыми, а не только должно быть справедливым наказание.

Следует отметить, что в других отраслях права нет такого четкого выделения принципа справедливости. Да и в Конституции РФ «справедливость» упоминается один раз, и то не применительно к праву. Это еще раз

подтверждает, что сущность права и есть справедливость. Если принцип справедливости не закреплен в какой-либо отрасли права, то это не значит, что она и нормы, в ней содержащиеся, несправедливы.

Поэтому, рассматривая принцип справедливости в уголовном праве на основе справедливости назначения наказания, определения справедливой санкции, формирования круга преступных деяний [4, с. 134–135], необходимо включать в его содержание и обстоятельства, исключающие преступность деяния, и нормы об освобождении от уголовной ответственности и наказания и т.д. Ведь реакция государства на деяние, закрепленное в УК РФ, может быть различна и не сводится к одному лишь наказанию. Также в УК РФ закрепляется и правомерное поведение лица, которое должно соответствовать пониманию справедливости. Помимо этого, справедливыми должны быть, например, и нормы о соучастии, о неоконченном преступлении и т.д.

Таким образом, принцип справедливости в уголовном праве можно понимать в широком и узком смысле. В широком смысле данный принцип должен пронизывать всю отрасль уголовного права, быть фундаментом всех норм уголовного закона, являться его сущностью. Здесь нужно исходить из того, что справедливость – понятие о должном, соответствующее определенным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах [10]. Данное положение отражает сущность права, в том числе и уголовного, относительно недопустимости причинения существенного вреда общественным отношениям посредством совершения преступления.

В узком смысле этот принцип существует в современной редакции ст. 6 УК РФ, где отражено его влияние на наказание и иные меры уголовно-правового характера, на фундаментальные категории уголовного права, являющиеся его яркими проявлениями. Это обусловлено его общепринятым пониманием. Так, понятие справедливости содержит в себе требование соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием (несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость) [11, с. 650].

Отсюда возникает три варианта отражения принципа справедливости в уголовном праве. Первый – оставить в неизменном виде действующую редакцию ст. 6 УК РФ. Второй – сформулировать принцип в отношении всего уголовного закона. Третий – вообще исключить принцип справедливости из текста УК РФ, так как справедливость и есть право.

Истина в данном случае, в прямом и переносном смысле этого слова, находится посередине. Отражение в уголовном законе рассмотренного принципа необходимо с практической точки зрения: как ориентир для законодателя и правоприменителя. При этом сформулирован он должен быть относительно всего уголовного закона, тем самым отразив его сущность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. 138 с.
2. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть : учебник. Краснодар, 1999. 280 с.
3. Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 297 с.
4. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М. : Наука, 1988. 175 с.
5. Кузнецова Н.Ф. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 1999. Т. 1: Учение о преступлении. 624 с.
6. Карамашев С.Б. Содержание восстановления социальной справедливости в уголовном праве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2001. № 1 (13). С. 93–96.
7. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 98 с.
8. *Justitia* // Linguaterna.com : официальный сайт. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=24793> (дата обращения: 19.03.2020).
9. *Jus* // Linguaterna.com : официальный сайт. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=24769> (дата обращения: 19.03.2020).
10. *Философский энциклопедический словарь*. URL: <https://runivers.ru/upload/iblock/1b4/filosofsky%20slovar.pdf> (дата обращения: 19.03.2020).
11. *Философский энциклопедический словарь* / ред.: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М. : Сов. энцикл., 1983. 840 с.

On the Content of the Principle of Justice in Criminal Law

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 8–10. DOI: 10.17223/23088451/15/2

Anton G. Antonov, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: antonovanton1@mail.ru

Keywords: principle, justice, criminal law, legislation.

The article analyses the content of the principle of justice. First of all, attention is drawn to its influence on the criminal legislation of the Russian Federation. The principle of justice is one of the main provisions of the Russian criminal law. The Russian criminal law demonstrates its ambiguous interpretations, partly due to its limited content in the current version of Article 6 of the Criminal Code of Russia, which substantiates the belonging of the principle under study only to the institution of punishment and other penal measures. However, the content of the principle of justice should not be limited to this, since it should apply to all norms of the criminal law.

References

1. Filimonov, V.D. (2002) *Printsipy ugolovnogo prava* [Principles of Criminal Law]. Moscow: Tsentr YurInfoR.
2. Galiakbarov, R.R. (1999) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
3. Pudovochkin, Yu.E. & Pirvagidov, S.S. (2003) *Ponyatie, printsipy i istochniki ugolovnogo prava: sravnitel'no-pravovoy analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv* [The concept, principles and sources of criminal law: a comparative legal analysis of the legislation of Russia and the countries of the Commonwealth of Independent States]. St. Petersburg: Yuridicheskii Tsentr Press.
4. Kelina, S.G. & Kudryavtsev, V.N. (1988) *Printsipy sovetskogo ugolovnogo prava* [The Principles of Soviet Criminal Law]. Moscow: Nauka.
5. Kuznetsova, N.F. (1999) *Kurs ugolovnogo prava. Obshchaya chast'* [Criminal Law. Common Part]. Vol. 1. Moscow: Zertsalo-M.
6. Karamashev, S.B. (2001) *Soderzhanie vosstanovleniya sotsial'noy spravedlivosti v ugolovnom prave* [The content of the restoration of social justice in criminal law]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 1(13). pp. 93–96.
7. Zvecharovsky, I.E. (2001) *Sovremennoe ugolovnoe pravo Rossii* [Modern Criminal Law of Russia]. St. Petersburg: Yuridicheskii Tsentr Press.
8. Linguaterna.com. (n.d.) Official website. [Online] Available from: <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=24793> (Accessed: 19.03.2020).
9. Linguaterna.com. (n.d.) Official website. [Online] Available from: <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=24769> (Accessed: 19.03.2020).
10. Runivers.ru. (n.d.) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. [Online] Available from: <https://runivers.ru/upload/iblock/1b4/filosofsky%20slovar.pdf> (Accessed: 19.03.2020).
11. Ilichev, L.F., Fedoseev, P.N., Kovalev, S.M. & Panov, V.G. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

И.Р. Бегишев, Д.В. Кирпичников

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Обосновывается необходимость проработки моделей уголовно-правовой охраны общественных отношений, обеспечивающих законный режим хранения, передачи и обработки персональных данных. Исследована детерминационная взаимосвязь между повышением роли цифровых технологий и возникновением криминологических рисков в области уголовно-правовой охраны персональных данных. На основе анализа имеющихся определений понятия «персональные данные» формулируется вывод об излишней абстракции данной дефиниции. Вносятся отдельные предложения по совершенствованию механизмов уголовно-правовой охраны персональных данных.

Ключевые слова: *персональные данные, цифровые технологии, уголовно-правовая охрана, цифровая информация, предмет преступления.*

Внедрение цифровых технологий во многие сферы человеческой деятельности в настоящее время стало очевидным фактом. Цифровая информация является неотъемлемой частью социальных практик [1, с. 10] и составляет основу современных информационных отношений [2–5].

Названными обстоятельствами предопределяется переход основных потоков данных в цифровое пространство, что образует криминологические риски их перехвата, копирования и незаконного использования.

В настоящее время имеется тенденция увеличения количества исковых заявлений о защите персональных данных в различных областях деятельности общества [6, с. 30]. Совершенно справедливы опасения, высказываемые в связи с неконтролируемой массовой рассылкой электронных сообщений в мессенджерах, содержащих персональные данные лиц и используемых для оказания на них неправомерного воздействия в корыстных целях [7, с. 37].

Усложнение порядка и способов использования современных цифровых устройств образует риски неправомерного получения информации о частной жизни пользователей третьими лицами, при этом зачастую пользователи формируют угрозу утечки данных собственным вictimным поведением, пренебрегая сообщениями безопасного использования цифровых устройств и технологий.

Стоит согласиться с мнением О.С. Капинус, которая полагает, что «скорость и объемы обрабатываемой информации, а также относительная доступность ее противоправного получения, в том числе из государственных и частных баз данных, образуют необходимость усиления защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в ст.ст. 23 и 24 Конституции Российской Федерации, в том числе связанных с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайны при аккумулировании, передаче, копировании и использовании персональных данных» [8, с. 11].

В настоящее время возможность охраны общественных отношений, обеспечивающих защищенность персональных данных, наличествует только в пределах составов преступлений, описанных в ст.ст. 137 и 272 УК РФ. Однако вряд ли возможно утверждать, что признаки,

описывающие объекты данных составов, исчерпывающе охватывают всю множественность персональных данных, неправомерное воздействие на которые способно образовать достаточную общественную опасность и повлечь тяжкие последствия.

Так, признак «сведения о частной жизни лица», характеризующий предмет состава ст. 137 УК РФ, не обеспечивает полноту защиты персональных данных как сведений, прямо или косвенно связанных с личностью. Вопросы толкования понятия «сведения о частной жизни лица» разъяснены в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1253, из которого следует, что «в понятие “частная жизнь” включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества или государства, если носит непротивоправный характер» [9]. Думается, что подобное толкование исключает возможность отождествления персональных данных и сведений о частной жизни лица, поскольку как минимум сведения о государственном регистрационном знаке транспортного средства, находящегося в собственности лица (соответственно, персональные данные), не являются сведениями о частной жизни лица, поскольку подлежат контролю со стороны государства.

Аналогичная ситуация складывается применительно к ст. 272 УК РФ, защищающей только те общественные отношения, которые охраняют персональные данные, обращающиеся в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Однако использование термина «электрические сигналы» не совсем точно, поскольку оно не учитывает волоконно-оптические и электромагнитные линии связи [4, с. 24], в которых также циркулирует информация, относящаяся к персональным данным.

Мы согласны с точкой зрения Р.Р. Гайфутдинова, полагающего, что «...объектом уголовно-правовой охраны ст. 272 УК РФ персональные данные становятся в случае их обработки в автоматизированных вычислительных системах в виде электронной информации» [10, с. 159].

Таким образом, с достаточной очевидностью образуется необходимость законодательного описания пер-

сональных данных как самостоятельного предмета состава преступления, что способно в полной мере исключить вышеописанную пробельность в охране общественных отношений.

Законодательное определение понятия, выступающего центром исследования, содержится в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», согласно которому «персональными данными признается любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [11]. Указанное определение несколько диссонирует с понятием, изложенным в ст. 2 Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» [12], согласно которому «к персональным данным следует относить сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность». Описанный дискурс определений не образует противоречия в правовом регулировании, поскольку последний из упоминаемых актов в настоящее время не действует. Однако мы находим возможным привести его в работе в целях иллюстрирования развития законодательной позиции относительно этого определения.

По нашему мнению, действующее определение понятия «персональные данные» обладает недопустимым уровнем законодательной абстракции, которая позволяет относить к рассматриваемой категории любую информацию, связанную с человеком. Относительную конкретизацию возможно обнаружить в положениях ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»: «в общедоступные источники персональных данных с письменного согласия субъекта персональных данных могут включаться его фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес, абонентский номер, сведения о профессии и иные персональные данные, сообщаемые субъектом персональных данных» [11]. Относительность конкретизации обусловлена употреблением оценочного признака «иные персональные данные», позволяющего относить к ним любую информацию лишь с тем ограничением, что источником ее распространения или предоставления должен быть непосредственно субъект персональных данных.

Для проведения сравнительно-правового анализа обратимся к положениям зарубежных правовых актов, раскрывающих рассматриваемое понятие. К примеру, согласно действующей редакции отраслевого закона Австрийской Республики, «персональные данные – информация, хранимая на носителе данных и имеющая отношение к некоему идентифицированному или имеющему высокую вероятность идентификации субъекту персональных данных» [13]. В данном определении обращает на себя внимание аналогичный отечественному законодательству уровень абстракции, вероятнее всего, вызванный фундаментальным характером правового акта.

Предположение о том, что законодательная абстракция присуща не только российскому праву, подтверждается при исследовании аналогичного закона

Королевства Дания. В данном законе исследуемое понятие определяется следующим образом: «Слова “персональные данные” должны пониматься как обозначение данных, которые могут быть отнесены к идентифицируемому индивидуумам, даже если такое отнесение предполагает знание персонального регистрационного номера или любых подобных персональных средств идентификации такого индивидуума» [14].

Национальное законодательство Республики Беларусь содержит более узкие критерии определения персональных данных, хотя и включает такие формулировки, как «а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо» [15, с. 199].

Законодательство Республики Исландия «распространяет понятие “персональные данные” также на информацию о юридических лицах, указывая, что к персональным данным относятся данные, связанные с частными, финансовыми или иными делами индивидов, институтов, компаний и юридических лиц, которые эти лица обоснованно должны держать в секрете» [16].

Приводимая интерпретация закономерно требует некоторых пояснений. Во-первых, применять для целей уголовно-правовой охраны используемый в исландском законодательстве прием распространения понятия персональных данных на сведения о юридических лицах (хотя уголовно-процессуальным законодательством и предусмотрено, что потерпевшим является юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу или деловой репутации) не представляется возможным, поскольку общественные отношения, обеспечивающие охрану деловой репутации юридического лица, как обстоятельство, образующее характер общественной опасности, не являются достаточными для уголовной пенализации. Во-вторых, применение оценочного признака «данные, которые обоснованно должны держаться в секрете», создает риски формирования противоречивой судебной практики в части толкования понятия, не обеспечивает его формальную определенность, точность, ясность, недвусмысленность, согласованность и непротиворечивость в системе правового регулирования.

Вышеперечисленным не исчерпываются легальные определения понятия «персональные данные»; их синтез позволяет прийти к закономерному выводу об использовании излишней абстракции, что, возможно, вполне приемлемо для отраслевого законодательства, однако совершенно недопустимо применительно к конструированию состава преступления и закреплению его в уголовном законе. Сказанным мы исключаем возможность имплементации понятия, что предопределило бы переход к его самостоятельному формулированию, однако составление дефиниции также встречает существенные затруднения, вызванные дискурсом относительно окончательной формулировки понятия, и в научной среде.

Так, некоторые исследователи интерпретируют персональную информацию (употребляемый термин синонимичен понятию «персональные данные») как «факты, сообщения и мнения, которые связаны с данным человеком и относительно которых можно было бы ожидать, что он считает их интимными и конфиденци-

альными и, следовательно, желает остановить или по крайней мере ограничить их циркуляцию» [17]. Оценить данное определение как удовлетворяющее требованиям построения эффективного правового регулирования не представляется возможным. Отмечая, что персональная информация должна считаться человеком интимной, автор предоставляет субъекту неоправданно широкую дискрецию при выборе спектра персональных данных.

Существует также мнение о том, что для уголовно-правовой охраны персональных данных не требуется формулирования их определения и выделения в качестве признака самостоятельного состава преступления, а обеспечение защиты указанных отношений возможно путем введения в УК РФ отдельной нормы о похищении у гражданина конфиденциальной информации [18, с. 114]. При этом предмет предлагаемого состава, по мнению автора, необходимо обозначить «конфиденциальную информацию гражданина». Полагаем, что рассматривать данное предложение как конструктивное нет достаточных оснований, поскольку потенциал абстракции применяемого словосочетания значительно превышает официальную трактовку понятия «персональные данные», что, очевидно, не соответствует требованиям формальной определенности правового регулирования и влечет невозможность для граждан соотносить свое поведение с требованиями нормативно-правовых актов.

Мы выражаем солидарность с теми исследователями, которые считают, что одним из возможных способов сужения понятия персональных данных может выступать имплементация ограничительных принципов, согласно которым будет определяться необходимость распространения правового режима персональных данных в отношении конкретной информации [19, с. 81].

Действительно, вряд ли возможно достаточно полное и всестороннее законодательное описание понятия «персональные данные» как признака, характеризующего предмет состава преступления, поскольку последний не поддается нормативному закреплению. Весь многообразный спектр массивов сведений о лице, неправомерным воздействием на которые может быть создана угроза причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, настолько широк, что возможностей юридической техники для его нормативного закрепления на современном этапе недостаточно.

На основании изложенного сформулируем следующие исходные тезисы.

1. Персональные данные следует ограничить исключительно теми сведениями, апеллируя которыми в конкретных условиях места, времени и обстановки виновный создает угрозу наступлению общественно опасного результата либо превращает такую угрозу в действительность.

В обоснование данного тезиса укажем, что перечень персональных данных, посредством противоправного воздействия на которые возможно причинение существенного вреда общественным отношениям, как ранее отмечалось, крайне многогранен, и при его описании вряд ли возможно соблюдение консенсуса между аб-

страктностью и казуистикой: излишне абстрактное описание способно повлечь необоснованно широкое усмотрение правоприменителя и легализовать объективно-репрессивное применение уголовно-правовых мер воздействия за деяния, не образующие достаточной общественной опасности.

В свою очередь, казуальность описания выводит за рамки уголовно-правовой охраны перечень сведений, воздействие на которые причиняет существенный вред. В контексте изложения принципиально следующее: в зависимости от конкретных условий времени, места и обстановки перечень персональных данных, воздействие на которые причиняет существенный вред или создает непосредственную угрозу причинения такого вреда, различен. К примеру, если лицо является участником уголовного судопроизводства (например, свидетелем обвинения), сведения о месте его жительства, месте работы, средствах и маршрутах проезда и передвижения способны поставить его под угрозу, исходящую от заинтересованных лиц. При этом в иных ситуациях сведения о месте жительства таковой опасности не образуют. Исходя из вышеизложенного, не представляется возможным описать персональные данные иначе как с использованием оценочных признаков, наполнение содержанием которых – прерогатива правоприменителя. При этом указанное толкование должно происходить из конкретных фактических обстоятельств времени, места и обстановки, образующих действительную, реальную угрозу причинения существенного вреда общественным отношениям.

2. Признаки, характеризующие деяние в составе посяательства на персональные данные, требуют детальной проработки и предметного описания, поскольку, как справедливо замечено Ю.Е. Пудовочкиным и Д.А. Дорогиным, в случае если признаки действия в законе не описываются и законодатель ограничивается только описанием общественно опасных последствий, их причиной может быть признано любое поведение, виновно приведшее к наступлению результата [20], что может повлечь неконструктивное применение нормы.

По нашему убеждению, признак «неправомерный доступ», описывающий деяние в составе преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, представляется конструктивным для целей уголовно-правовой охраны персональных данных и может быть заимствован. Законодателем не приводится разъяснения неправомерного доступа, что вызывает необходимость обращения к иным нормативно-правовым актам для его уяснения. Так, в п. 6 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» указано, что доступ к информации есть возможность получения информации и ее использования [21].

Как нам представляется, достаточно успешно признак неправомерного доступа описан в методических рекомендациях по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации [22]. Согласно данному документу под неправомерным доступом следует понимать незаконное либо не разрешенное собственником или иным законным владель-

цем использование возможности получения информации. При этом неправомерным считается доступ, полученный в отношении информации, для которой законом установлен специальный режим ее использования и охраны (персональные данные вполне охватываются этим понятием). Акцентируем внимание на наличии здесь обязательного условия – обеспеченности информации специальными средствами защиты. То есть в ситуациях, когда персональные данные находятся на носителе, доступ к которому не обеспечен специальными средствами защиты (парольная защита, средства идентификации и аутентификации, шифрование), констатировать неправомерность доступа не представляется возможным.

3. Следует установить те общественно опасные последствия, которые могут наступить в результате преступных посягательств.

По своей сути любое воздействие на персональные данные, сообразующееся с уголовно-правовыми средствами реагирования, можно описать как неправомерный доступ, т.е. любые деяния, которые приводят к нарушению конфиденциальности персональных данных. При этом для образования достаточной общественной опасности нарушение режима конфиденциальности персональных данных должно альтернативно влечь наступление или создавать непосредственную угрозу наступления общественно опасных последствий в виде:

- причинения смерти субъекту персональных данных;
- причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью субъекта персональных данных;
- уничтожения или повреждения имущества субъекта персональных данных в значительном размере;
- нарушения неприкосновенности частной жизни субъекта персональных данных;
- нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений субъекта персональных данных;

– внедрения в информационно-телекоммуникационные устройства, используемые субъектом персональных данных, вредоносной компьютерной программы либо иной компьютерной программы, заведомо предназначенной для неправомерного доступа к иным конфиденциальным сведениям;

- применения насилия к субъекту персональных данных;
- распространения сведений, позорящих субъекта персональных данных или его близких лиц;
- жестокого обращения с субъектом персональных данных или систематического унижения его человеческого достоинства.

Различность объектов в перечисленных последствиях обуславливает необходимость расположения их в квалифицированных составах преступления сообразно повышению степени общественной опасности и усилению ответственности.

4. Использование специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, однозначно предопределяет противоправность воздействия на персональные данные вне зависимости от наступления общественно опасных последствий. Иными словами, мы полагаем возможным сформулировать квалифицированный состав посягательства на персональные данные, предусматривающий в качестве квалифицирующего признака способ (с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации), сконструировав его как формальный. Заметим, что общественная опасность способа может быть выражена в равной степени нарушением систем защиты цифровой информации, что также требует нормативного закрепления в качестве признака состава.

5. Принимая во внимание, что в зависимости от статуса субъекта персональных данных характер общественной опасности преступления может дифференцироваться, предлагаем в квалифицированный состав преступления ввести признак «объект государственной охраны», характеризующий потерпевшего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефремова М.А.* Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. М. : Юрлитинформ, 2015. 200 с.
2. *Бегиев И.Р.* Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 204 с.
3. *Нечаева Е.В., Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М.* Посягательства на цифровую информацию: современное состояние проблемы // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 1. С. 80–86.
4. *Бегиев И.Р., Бикеев И.И.* Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань : Изд-во Казанского инновационного ун-та, 2020. 300 с.
5. *Хисамова З.И.* Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в финансовой сфере с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 222 с.
6. *Бегиев И.Р.* Безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2019. № 1. С. 27–32.
7. *Латыпова Э.Ю.* Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Экономика и право. 2019. № 2. С. 35–45.
8. *Катинус О.С.* Безопасность персональных данных как один из важнейших объектов конституционно-правовой охраны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации 2018. № 6 (68). С. 10–15.
9. *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации* : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 1253-О [Текст определения официально опубликован не был]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70105530/> (дата обращения: 03.05.2020).
10. *Гайфутдинов Р.Р.* Уголовно-правовая характеристика посягательств на персональные данные, обрабатываемые в автоматизированных системах // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 4. С. 158–164.

11. *О персональных данных* : федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.
12. *Об информации, информатизации и защите информации* : федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 8. Ст. 609.
13. *Bundesgesetz über den Schutz personenbezogener Daten (Datenschutzgesetz – DSGVO)*. Federal Act concerning the Protection of Personal Data (DSG). URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/ErV/ERV_1999_1_165/ERV_1999_1_165.html (das Datum des Zuganges: 20.04.2020).
14. *Lov om supplerende bestemmelser til forordning om beskyttelse af fysiske personer i forbindelse med behandling af personoplysninger og om fri udveksling af sådanne oplysninger (databeskyttelsesloven)*. URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/Ita/2018/502> (accessed: 20.04.2020).
15. *Вабищевич В.В.* Определение персональных данных в целях их уголовно-правовой охраны // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2018. С. 198–203.
16. *Lög um persónuvernd og vinnslu persónuupplýsinga*. URL: <https://www.althingi.is/lagas/nuna/2018090.html> (accessed: 20.04.2020).
17. *Wacks R.* The protection of Privacy. Sweet & Maxwell. London : Sweet & Maxwell, 1980. 185 p.
18. *Старцева Н.В.* К вопросу об уголовно-правовой охране персональных данных клиентов банка // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 112–115.
19. *Мираев А.Г.* Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском союзе // Юридическая наука. 2019. № 5. С. 76–82.
20. *Пудовочкин Ю.Е., Дорогин Д.А.* Учение о преступлении и о составе преступления : учеб. пособие. М. : Рос. гос. ун-т правосудия, 2017. 387 с.
21. *Об информации, информационных технологиях и о защите информации* : федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
22. *Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации*. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/nauka/execution/document-104550> (дата обращения: 20.04.2020).

Problems of Personal Data Protection in Criminal Law

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 11–16. DOI: 10.17223/23088451/15/3

Ildar R. Begishev, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Kazan, Russian Federation). E-mail: begishev@mail.ru

Danila V. Kirpichnikov, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Kazan, Russian Federation). E-mail: danila667@outlook.com

Keywords: personal data, digital technologies, criminal law protection, digital information, subject of crime.

The article substantiates the need for developing models of criminal law protection of public relations, providing a legal regime for the personal data storage, transfer and processing. The authors have investigated the determination relationship between the increasing role of digital technology and emerging criminological risks in the personal data protection. Having analyzed the existing definitions of the central concept of “personal data” in regulatory legal acts of the Russian Federation and a number of foreign countries and drawing on scholarly opinion, the authors conclude about an excessive abstraction of this definition. In the summary, the authors present the initial theses of understanding personal data as an object that forms public relations under the protection of criminal law. They also propose some ideas for improving the mechanisms of criminal law protection of personal data.

References

1. Efremova, M.A. (2015) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy* [Criminal liability for crimes committed using information and telecommunication technologies]. Moscow: Yurlitinform.
2. Begishev, I.R. (2017) *Ponyatie i vidy prestupleniy v sfere obrashcheniya tsifrovoy informatsii* [The concept and types of crimes in digital information circulation]. Law Cand. Diss. Kazan.
3. Nechaeva, E.V., Latypova, E.Yu. & Gilmanov, E.M. (2019) Attacks on digital information: the current state of the problem. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 27(1). pp. 80–86. (In Russian). DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).1.080-086
4. Begishev, I.R. & Bikeev, I.I. (2020) *Prestupleniya v sfere obrashcheniya tsifrovoy informatsii* [Crimes in the circulation of digital information]. Kazan: Kazan Innovative University.
5. Khisamova, Z.I. (2016) *Ugolovno-pravovye mery protivodeystviya prestupleniyam, sovershaемым v finansovoy sfere s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy* [Criminal law measures to counter crimes in the financial sphere using information and telecommunication technologies]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
6. Begishev, I.R. (2019) Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation. *Bezopasnost' biznesa – Business Security*. 1. pp. 27–32. (In Russian).
7. Latypova, E.Yu. (2019) Nekotorye aspekty ugolovnoy otvetstvennosti za deyaniya, posyagayushchie na neprikosnovennost' chastnoy zhizni [Some aspects of criminal liability for acts that infringe on privacy]. *Ekonomika i pravo*. 2. pp. 35–45.
8. Kapinus, O.S. (2018) Bezopasnost' personal'nykh dannykh kak odin iz vazhneyshikh ob'ektov konstitutsionno-pravovoy okhrany [The security of personal data as one of the most important objects of constitutional protection]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 6(68). pp. 10–15.
9. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2012) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 28 iyunya 2012 g. № 1253-O “Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Supruna Mikhaila Nikolaevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'ey 137 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii”*. *Tekst Opredeleniya ofitsial'no opublikovan ne byl* [Definition No. 1253-O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 28, 2012, “On the refusal to accept for consideration a complaint of citizen Suprun Mikhail Nikolaevich about violation of his constitutional rights by Article 137 of the

- Criminal Code of Russia”. The text of the Definition was not officially published]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70105530/> (Accessed: 03.05.2020).
10. Gayfutdinov, R.R. (2014) Criminal Characteristics of Infringement on Personal Data Undergoing Automated Processing. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series.* 156(4). pp. 158–164. (In Russian).
 11. The Russian Federation. (2006) Federal’nyy zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ “O personal’nykh dannykh” [Federal Law No. 152-FZ dated July 27, 2006, “On personal data”]. *Sobranie zakonodatel’sтва Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation.* 31(1). Art. 3451.
 12. The Russian Federation. (1995) Federal’nyy zakon ot 20 fevralya 1995 g. № 24-FZ “Ob informatsii, informatizatsii i zashchite informatsii” [Federal Law No. 24-FZ dated February 20, 1995, “On information, informatization and information protection”]. *Sobranie zakonodatel’sтва Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation.* 8. Art. 609.
 13. Austria. (n.d.) *Bundesgesetz über den Schutz personenbezogener Daten (Datenschutzgesetz – DSGVO)*. [Online] Available from: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/ErV/ERV_1999_1_165/ERV_1999_1_165.html (Accessed: 20.04.2020).
 14. Denmark. (2018) *Lov om supplerende bestemmelser til forordning om beskyttelse af fysiske personer i forbindelse med behandling af personoplysninger og om fri udveksling af sådanne oplysninger (databeskyttelsesloven)*. [Online] Available from: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2018/502> (Accessed: 20.04.2020).
 15. Vabishchevich, V.V. (2018) Opredelenie personal’nykh dannykh v tselyakh ikh ugovovno-pravovoy okhrany [The definition of personal data for the purpose of their criminal legal protection]. In: Demidov, I.A. (ed.) *Pravovaya kul’tura v sovremennom obshchestve* [Legal Culture in Modern Society]. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs. pp. 198–203.
 16. Iceland. (2018) *Lög um persónuvernd og vinnslu persónuupplýsinga*. [Online] Available from: <https://www.althingi.is/lagas/nuna/2018090.html> (Accessed: 20.04.2020).
 17. Wacks, R. (1980) *The Protection of Privacy*. London: Sweet & Maxwell.
 18. Startseva, N.V. (2011) To the problem of the criminal-legal protection of bank clients’ personal data. *Probely v rossiyskom zakonodatel’stve – Gaps in Russian Legislation.* 4. pp. 112–115. (In Russian).
 19. Miraev, A.G. (2019) The concept of personal data in the Russian Federation and the European Union. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science.* 5. pp. 76–82. (In Russian).
 20. Pudovochkin, Yu.E. & Dorogin, D.A. (2017) *Uchenie o prestuplenii i o sostave prestupleniya* [The doctrine of the crime and elements of crime]. Moscow: Russian State University of Justice.
 21. The Russian Federation. (2006) Federal’nyy zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ “Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii” [Federal Law No. 149-FZ dated July 27, 2006, “On information, information technologies and information protection”]. *Sobranie zakonodatel’sтва Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation.* 31(1). Art. 3448.
 22. Office of the Prosecutor General of the Russian Federation. (n.d.) *Metodicheskie rekomendatsii po osushchestvleniyu prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov pri rassledovanii prestupleniy v sfere komp’yuternoy informatsii* [Guidelines for the implementation of prosecutorial supervision of the implementation of laws in the investigation of crimes related to computer information]. [Online] Available from: <https://genproc.gov.ru/documents/nauka/execution/document-104550> (Accessed: 20.04.2020).

УДК 343.241

DOI: 10.17223/23088451/15/4

М.Т. Валеев

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИШЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ
ПОСРЕДСТВОМ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ**

Статья посвящена проблемам возможного правового регулирования оборота криптовалюты. Исследуются ее основные характеристики и их влияние на правовую регламентацию. Рассматриваются существующие в зарубежных странах законодательные решения в подходе к криптовалюте, а также отечественная правоприменительная практика. Автор, анализируя действующее законодательство, делает выводы об отсутствии в настоящее время правовых механизмов, которые сделали бы возможным обращение взыскания на криптовалюту посредством уголовного наказания. Предложены варианты возможного развития законодательства, которые делали бы такое взыскание реальным.

Ключевые слова: *криптовалюта, блокчейн, уголовное наказание.*

Важной тенденцией современных общемировых экономических процессов является цифровизация. Одним из ее проявлений выступает широкое распространение криптовалюты – аналога денежных средств, но, как правило, не имеющего единого эмитента, единого регулятора, единого реестродержателя, основанного на полном дублировании всей информации о ней во всех распределенных копиях (технологии блокчейн), позволяющей мгновенно обмениваться данными, минуя посредников. Криптовалюта имеет очевидную имущественную ценность в силу масштабного признания ее сетевыми пользователями, увеличения количества расчетных операций с ее помощью, использования для целей накопления капитала. Масштабы оборота криптовалют, внедрение их в различные сферы жизни общества позволяют утверждать, что в относительно скором будущем они наряду с традиционными, так называемыми «фиатными», валютами могут получить значение универсального средства обмена¹. Такое развитие событий способно изменить базовые представления о традиционных принципах построения правовой системы. Например, о государственном суверенитете, одной из неперемных составляющих которого является государственная денежная единица с эмитентом в лице государственного банка.

В среде исследователей криптовалюты идут дискуссии относительно основных ее преимуществ и недостатков и возможных угроз при использовании в качестве средств обмена и платежа [1, с. 889]. Что делает криптовалюту столь привлекательной для оборота и размещения капитала? Ее свойства, схожие со свойствами денег. Она служит средством для обмена и расчетов, ее используют как средство накопления, она обладает стоимостью, но, главное, она основывается на уникальной технологии блокчейн – системе, позволяющей ей иметь, помимо указанных, некоторые уникальные свойства. Во-первых, это отсутствие единого реестра данных и единого реестродержателя, единого системного администратора. Копия всей базы данных хранится у каждого пользователя. Применительно к наиболее известной криптовалюте – биткойну – это и

отсутствие единого эмитента. Распределенность постоянно синхронизирующегося реестра данных и осуществление транзакций с помощью сложной криптографии является технологической сутью блокчейна, ее основным преимуществом и причиной популярности. Для уничтожения базы данных надо уничтожить все узлы системы блокчейн, которые могут насчитывать десятки тысяч и находиться в разных странах. Все это страхует участников от возможности подделки реестра и ошибки реестродержателя. Во-вторых, это анонимность. Совершаемые транзакции по приобретению и отчуждению могут происходить и без идентификации сторон. В-третьих, неизменяемость внесенных в блокчейн данных. Последнее актуализирует ряд правовых вопросов правового регулирования. Например, о применении последствий недействительности сделки, опосредованной системой блокчейн. Реституция в ней невозможна. Техническая неизменяемость данных системы вступает здесь в прямое противоречие с правовым регулированием применения последствий недействительности сделок [2, с. 25].

Почему правовое регулирование криптовалюты все же необходимо, ведь отсутствие государственного регулирования никак не будет препятствовать дальнейшему развитию рынка криптовалют? Такое регулирование должно иметь место, так как оно препятствовало бы мошенничеству, недобросовестной конкуренции, легализации преступных доходов, коррупции, незаконному обороту наркотиков и оружия, финансированию терроризма, совершаемым с помощью криптовалюты. Кроме того, не регулируя оборот криптовалюты, государство не участвует и в получении доли от прибавочного продукта, формируемого при ее помощи, посредством налогообложения.

На сегодняшний день среди государств отсутствует универсальный подход к правовому регулированию крипторынка. В этом вопросе их условно можно разделить на три группы.

1. Легализовали криптовалюту в своем денежном обращении такие страны, как Япония, Канада, Белоруссия, Таиланд, Сингапур, Израиль, США.

Так, Республика Беларусь приняла Декрет от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», легализовавший оборот криптовалюты на территории

¹ В настоящее время по всему миру биткойн в качестве средства оплаты принимает более 200 тыс. компаний, включая Microsoft и Uber.

республики, а также деятельность криптобирж – резидентов Парка высоких технологий по обмену криптовалют между собой, на национальную и иностранную валюту. Белорусское законодательство предусматривает и порядок бухгалтерского учета криптовалют. Доход от реализации токенов рассматривается как выручка от реализации товаров, работ, услуг или как готовая продукция [3].

США, где зарегистрировано и функционирует наибольшее в мире количество компаний, занимающихся криптовалютой, выработало подход, согласно которому, если размещение токенов (ICO) распространяется (адресовано) на граждан США, то эмиссия таких токенов должна соответствовать и требованиям законодательства США о ценных бумагах независимо от государства нахождения эмитента. Аналогичное положение предусматривает законодательство Канады. В Великобритании и Швейцарии оборот криптовалюты приравнен в правовом режиме к иностранной валюте. Товары и услуги, оплачиваемые криптовалютой, подлежат налогообложению.

2. Вторую группу составляют страны, которые установили полный и категорический запрет на оборот криптовалюты под угрозой ответственности. Это Боливия, Киргизия, Непал, Египет, Иордания, Алжир, Вьетнам, Исландия.

3. Третья группа стран в настоящее время не запрещает, но и никак не регулирует криптовалюту. Это результат осознанной сформировавшейся позиции, что криптовалюты находятся вне поля возможного регулирования, а потому центральный банк не должен вмешиваться в их оборот (Дания, Бразилия, ЮАР).

В Российской Федерации в настоящее время также практически полностью отсутствует какое-либо правовое регулирование оборота (генерирование, хранение, обращение) криптовалюты¹. Сложилась довольно парадоксальная ситуация, когда криптовалюта, не являясь законным средством платежа и вообще не имея должной определенности своей природы, тем не менее довольно широко используется в гражданском обороте. Позиция государства в отношении оборота криптовалюты на своей территории за последние годы претерпела некоторую эволюцию – от полного отрицания и угрозы ответственностью за сделки с нею до признания ее права на существование и подготовки законопроектов, направленных на регулирование. Так, Центральный Банк РФ в информационной записке от 27 января 2014 г., опираясь на ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», согласно которой введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются, указал, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомни-

тельных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [5]. Минфин России подготовил в 2016 г. проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», предусматривающий введение в УК РФ ст. 187.1 «Оборот денежных суррогатов», которая устанавливала бы уголовную ответственность за изготовление (выпуск), приобретение в целях сбыта, а равно сбыт денежных суррогатов с наказанием в виде лишения свободы на срок до четырех лет².

Позднее, в записке от 4 сентября 2017 г., Центральный Банк РФ несколько смягчил риторику, указав, что совместно с заинтересованными федеральными органами государственной власти Банк России осуществляет мониторинг рынка криптовалют и вырабатывает подходы к определению и регулированию криптовалют в Российской Федерации. Банк России считает преждевременным допуск криптовалют, а также любых финансовых инструментов, номинированных или связанных с криптовалютами, к обращению и использованию на организованных торгах и в расчетно-клиринговой инфраструктуре на территории Российской Федерации для обслуживания сделок с криптовалютами и производными финансовыми инструментами на них [6].

Очевидно, принимая во внимание эту тенденцию, в 2019 г. Верховный Суд РФ внес изменения в ранее принятые постановления Пленума. Во-первых, в постановлении Пленума ВС РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» электронные денежные средства приравнены к денежным средствам в качестве предмета преступления. Кроме того, в постановление введен абз. 3 п. 1, согласно которому предметом преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления. Во-вторых, постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» цифровые права фактически приравнены к предмету взятки³.

² Законопроект не был внесен в Государственную Думу РФ.

³ Отметим, что несмотря на имеющуюся дискуссию о правовой природе криптовалюты, в настоящее время нет правовых оснований относить таковую к электронным денежным средствам или цифровым правам. Криптовалюты не подходят ни под подп. 18 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», где дается понятие «электронные денежные средства», ни под ст. 141.1 («Цифровые права») ГК РФ. Не существует закона, в котором какие-либо права были названы цифровыми. Президент РФ 27.02.2019 поручил Правительству РФ совместно с Государственной Думой в срок до 01.07.2019 обеспечить принятие федеральных законов, направленных на развитие цифровой экономики, в том числе определяющих порядок совершения гражданско-правовых сделок в электронной форме, а также предусматривающих регулирование цифровых финансовых активов и привлечение финансовых ресурсов с использованием цифровых технологий. На момент написания настоящей статьи такие законы еще не приняты.

¹ По требованиям, связанным с криптовалютой, судебная защита в настоящее время не предоставляется, но ее можно включить в конкурсную массу должника, в отношении которого судом возбуждено дело о банкротстве. Это подтверждается судебной практикой [4].

Учитывая изложенное, принимая все большее распространение криптовалюты как материальной ценности, актуальным становится вопрос о возможности ее принудительного лишения, в том числе посредством уголовного наказания. Стоит отметить, что практика арбитражных судов пошла по пути допустимости обращения взыскания на криптовалюту. Так, по одному из дел по банкротству должника-гражданина суд обязал должника предоставить арбитражному управляющему пароль от криптокошелька для последующего пополнения конкурсной массы [4].

Уместно предположить два варианта пенализации, направленных на решение этой проблемы. Первый – установление самостоятельного наказания, имеющего своим предметом криптовалюту – «криптоштраф». Второй – обращение взыскания на криптовалюту в рамках существующего наказания в виде штрафа. Последний вариант представляется более предпочтительным. Вряд ли всякий раз, когда появляется новый потенциальный объект лишения, имеет смысл изобретать новое наказание, если достижение цели допустимо уже имеющимися средствами.

ФЗ «Об исполнительном производстве» № 229-ФЗ, положения которого предусматривают порядок исполнения штрафа, содержит целый ряд правовых механизмов обращения взыскания на имущество осужденного. Среди них такие, как обращение взыскания на имущество должника, находящееся у третьих лиц (ст. 77), обращение взыскания на ценные бумаги и денежные средства должника, находящиеся на счетах у профессионального участника рынка ценных бумаг (ст. 73), обращение взыскания на бездокументарную ценную бумагу (ст. 73.1). Однако все они неприменимы к рассматриваемой ситуации. Конструкция блокчейн, как упоминалось выше, не подразумевает единого эмитента или держателя реестра прав, которому можно было бы адресовать требование взыскателя. Кроме того, ценные бумаги, согласно ч. 2 ст. 143 ГК РФ, признаются таковыми законом. Правовой же статус криптовалюты до настоящего времени законом не определен.

В настоящее время обращение взыскания на криптовалюту должника-осужденного практически невозможно: для этого отсутствуют как юридические, так и технические возможности. К правовым следует отнести, помимо указанных, и отсутствие легального понятия криптовалюты¹, определения правовой сущности, правового регулирования оборота². Более того, даже если осужденный предоставит доступ к идентификационному «ключу» своего актива в блокчейне, в отечественном законодательстве просто отсутствует правовой механизм его принудительного изъятия (идентификации, блокировки, последующей реализации, обращения в бюджет). Технические сложности составляют отсутствие централизованного эмитента, единого

центра контроля, анонимность транзакций. По большому счету, единственный способ «добраться» до активов в криптовалюте – это добровольное содействие самого осужденного, располагающего паролем (ключом) к блокчейну.

Таким образом, имеющимися правовыми средствами обратиться взыскание на криптовалюту при исполнении уголовного наказания в виде штрафа невозможно. Какие варианты развития законодательства делают это взыскание реальным?

1. Визуализируемая контрольными органами фиксация прав на криптовалюту, позволявшая бы индивидуализировать ее владельца. Конечно, можно возразить, что анонимность – это суть криптовалюты, именно это и делает ее привлекательной. Исчезновение такого свойства лишит смысла саму идею оборота активов в блокчейне. Однако анонимность в некоторой степени все же условна.оборот наличных денег тоже носит довольно анонимный характер, но это не значит, что их нельзя обнаружить физически. Как правило, для обмена криптовалют на фиатные валюты используются электронные кошельки электронных площадок (так называемые криптобиржи или криптообменники)³. Их деятельность вполне доступна для правового регулирования. Таких участников рынка возможно обязать идентифицировать своих пользователей и информацию об этом предоставлять в контролирующие органы. Взыскание стало бы возможным посредством направления соответствующего требования (исполнительного документа) о списании оператору электронной площадки, аналогичного направляемого лицу, осуществляющему учет прав должника на эмиссионные ценные бумаги в порядке ст. 73.1 ФЗ «Об исполнительном производстве».

2. Декларирование держателем криптовалюты соответствующих сведений о транзакциях в контролирующие органы под угрозой привлечения к ответственности за неисполнение этой обязанности. Это довольно затруднительный вариант, так как контроль исполнения такой обязанности практически невозможен, а кроме того, объем транзакций может исчисляться тысячами ежедневно.

Принципиально иной подход к правовому регулированию, целью которого является обращение взыскание на криптовалюту. Этот подход основан на презумпции, что принудительное (в смысле силами государственных органов, независимо от волеизъявления осужденного) изъятие такого имущества из системы блокчейн невозможно, так как нормативно невозможно регулировать (навязать правила, контролировать) сам блокчейн. Развитие этого подхода предполагает дальнейшее размывание традиционных границ метода уголовно-правового регулирования (к нормам, очевидно не свойственным методу уголовно-правового регулирования, можно отнести, например, ст. 76.1 УК РФ).

Вариантом мог бы служить правовой механизм взыскания штрафа, при котором его уплата становится

¹ В законодательстве Российской Федерации не закреплены такие понятия, как денежный суррогат, виртуальная валюта, криптовалюта.

² Открытым, на наш взгляд, является вопрос о реальности самой возможности правового регулирования криптовалюты посредством национального законодательства, помимо полного запрета, ведь процесс выпуска и обращения наиболее распространенных криптовалют полностью децентрализован, а ее оборот возможен и без какой-либо отчетной документации.

³ Хотя, при наличии соответствующего программного обеспечения, это возможно и минуя такое посредничество. Кроме того, будучи гражданином РФ, можно без проблем пользоваться услугами криптотрейдера, зарегистрированного, например, на Кипре.

«очень выгодной», а неуплата – «очень невыгодной». Это стимулировало бы осужденного добровольно «рассчитаться» с государством, нежели претерпевать длительные серьезные негативные последствия, связанные с неуплатой. Таким стимулом, например, могло бы служить сокращение размера штрафа в случае уплаты в сокращенный срок, например по аналогии с п. 1.3

ст. 32.2 КоАП РФ: в течение 30 дней со дня вступления приговора в законную силу оплата может быть осуществлена в размере половины суммы назначенного судом штрафа. Неуплата же, напротив, независимо от того, назначен штраф в качестве основного или дополнительного наказания, влекла бы замену на более суровое наказание в усиливающей кару пропорции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорощеева В.В., Каверзина Л.А., Жмуров Д.В., Краснова Т.Г., Бураков В.И. Криптовалюты: легальные и криминально-теневые аспекты оборота // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13, № 6. С. 884–894.
2. Нам К.В. Правовые проблемы, связанные с использованием блокчейна // *Судья*. 2019. Февраль. С. 24–27.
3. *Об утверждении национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Цифровые знаки (токены)» и внесении дополнений и изменений в некоторые постановления Министерства финансов Республики Беларусь* : постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 06.03.2018 № 16. URL: https://www.minfin.gov.by/upload/accounting/acts/postmf_060318_16.pdf (дата обращения: 03.05.2020).
4. *Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу А40-124668/2017*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056#0006543493743120132> (дата обращения: 03.05.2020).
5. *Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн* : информация Банка России от 27.01.2014 // *Вестник Банка России*. 2014. 5 февр. № 11.
6. *Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)* : информация Банка России от 04.09.2017 // *Вестник Банка России*. 2017. 14 сент. № 80.

Problems and Prospects for Foreclosing Cryptocurrency through Criminal Punishment

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 17–20. DOI: 10.17223/23088451/15/4

Marat T. Valeev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: cryptocurrency, blockchain, criminal punishment.

The article focuses on the problems of possible legal regulation of cryptocurrency turnover. Having analyzed the current legislation, the author concludes that currently there are no legal mechanisms that would make it possible to collect cryptocurrency through criminal penalties. The following measures are required to ensure the foreclosure of cryptocurrency. The regulatory authorities should visualize the rights to cryptocurrency that would allow personifying its owner. Of course, it can be argued that anonymity is the essence of cryptocurrency, which makes it attractive. With this feature gone, the idea of blockchain turnover of assets would be useless. However, anonymity is somewhat arbitrary. Cash turnover is also quite anonymous, but this does not mean that it cannot be detected physically. As a rule, electronic wallets of electronic platforms (the so-called crypto-exchanges or crypto exchangers) are used to exchange cryptocurrencies for fiat currencies. Their activities are quite accessible for legal regulation. It is possible to oblige such market participants to identify their users and provide information to regulatory authorities. The foreclosure would be possible by sending a corresponding demand (executive document) to write off to the operator of an electronic platform, similar to that sent to a person who takes into account the debtor's rights to equity securities in accordance with Article 73.1 of the Federal Law "On Enforcement Proceedings".

References

1. Dorofeeva, V.V., Kaverzina, L.A., Zhmurov, D.V., Krasnova, T.G. & Burakov, V.I. (2019) Cryptocurrencies: Legal and Shadow-Criminal Aspects of Turnover. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 13(6). pp. 884–894. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).884-894
2. Nam, K.V. (2019) Pravovye problemy, svyazannye s ispol'zovaniem blokcheyna [Legal issues related to the use of blockchain]. *Sud'ya*. 2. pp. 24–27.
3. The Ministry of Finance of the Republic of Belarus. (2018) *Postanovlenie Ministerstva finansov Respubliki Belarus' ot 6 marta 2018 goda №16 "Ob utverzhdenii natsional'nogo standarta bukhgalterskogo ucheta i otchetnosti 'Tsifrovye znaki (tokeny)' i vnesenii dopolneniy i izmeneniy v nekotorye postanovleniya Ministerstva finansov Respubliki Belarus'"* [Decree No. 16 of the Ministry of Finance of the Republic of Belarus dated March 6, 2018, "On approval of the national accounting and reporting standard 'Digital Signs (tokens)' and amendments and additions to some resolutions of the Ministry of Finance of the Republic of Belarus"]. [Online] Available form: https://www.minfin.gov.by/upload/accounting/acts/postmf_060318_16.pdf (Accessed: 03.05.2020).
4. The Arbitration Court of Appeal. (2018b) *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 15 maya 2018 g. № 09AP-16416/2018 po delu A40-124668/2017* [Decision No. 09АП-16416/2018 of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 15, 2018, in Case A40-124668/2017]. [Online] Available form: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056#0006543493743120132> (Accessed: 03.05.2020).
5. The Bank of Russia. (2014) *Informatsiya Banka Rossii ot 27.01.2014. "Ob ispol'zovanii pri sovershenii sdelok 'virtual'nykh valyut', v chastnosti, Bitkoin"* [Information of the Bank of Russia dated January 27, 2014, "On the use of 'virtual currencies' in transactions, in particular, Bitcoin"]. *Vestnik Banka Rossii*. 5th February.
6. The Bank of Russia. (2017) *Informatsiya Banka Rossii ot 04.09.2017. "Ob ispol'zovanii chastnykh 'virtual'nykh valyut' (kriptovalyut)"* [Information from the Bank of Russia dated September 4, 2017, "On the use of private 'virtual currencies' (cryptocurrencies)"]. *Vestnik Banka Rossii*. 14th September.

УДК 343.615

DOI: 10.17223/23088451/15/5

Т.Г. Каракулов

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОБОИ (ст. 116 УК РФ):
ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНА И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ**

Рассматривается эволюция норм об уголовной ответственности за побои в законодательстве Российской Федерации, дается общая характеристика преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, обосновывается вывод об общественной опасности побоев, в том числе и при нанесении одного удара потерпевшему.

Ключевые слова: удар, побои, уголовная ответственность.

Согласно ст. 157 УК РСФСР 1922 г. умышленное нанесение удара, побоев или иное насильственное действие, причинившее физическую боль, каралось лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года [1]. Указанная диспозиция уголовно-правового запрета была практически полностью сохранена и в ст. 146 УК РСФСР в редакции 1926 г., в которой говорилось о наказуемости умышленного нанесения удара, побоев и иных насильственных действий, сопряженных с причинением физической боли. Наказание за такое преступление было смягчено: лишение свободы не назначалось, срок принудительных работ сокращен до шести месяцев, в качестве еще одной альтернативы был предусмотрен штраф до трехсот рублей [2].

УК РСФСР 1960 г. отдельной нормы об ответственности за побои не предусматривал. В его ст. 112 говорилось о наказуемости умышленного причинения телесного повреждения или нанесения побоев, повлекших за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности [3]. В этом случае побои рассматривались как способ причинения легкого вреда здоровью.

Совершение указанных действий, которые к таким последствиям не привели, квалифицировалось по ч. 2 указанной статьи Кодекса и наказывалось лишением свободы, исправительными работами на срок до шести месяцев, штрафом до пятидесяти рублей либо влекло применение мер общественного воздействия. В случае совершения такого преступления впервые норма ст. 51 УК РСФСР 1960 г. допускала также возможность освобождения от уголовной ответственности с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда. Санкция указанной нормы предусматривала достаточно широкий выбор, в том числе и лишение свободы.

Как видно, УК РСФСР 1960 г. в отличие от предшествующих уголовных кодексов вообще не содержал указаний на какую-либо связь побоев и причинения боли, хотя и предусматривал за их нанесение достаточно суровое наказание. Обязательным же признаком составов побоев по УК РСФСР 1922 и 1926 гг. являлось наличие причинной связи между деянием и наступившими последствиями в виде физической боли.

Первоначально ст. 116 действующего УК РФ за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, предусматривала наказание штрафом в размере до ста мини-

мальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо арестом на срок до трех месяцев. Оставляя за скобками «виртуальное» наказание в виде ареста [4, с. 92–93; 5, с. 133–136], следует признать, что уголовная ответственность за побои была смягчена.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ ст. 116 УК РФ была дополнена частью второй, предусматривающей ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий из хулиганских побуждений. Для современного уголовного законодательства это явилось первой нормой, установившей ответственность за квалифицированные побои. Этим же законом по части первой статьи было ужесточено наказание: штраф мог достигать заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев.

Таким образом, законодательство в России, в том числе и ранее действующее, признавая, несмотря на отсутствие вреда здоровью потерпевшего, общественную опасность нанесения побоев и совершения иных насильственных действий, а до 1960 г. и нанесения одного удара, предусматривало за совершение подобных деяний уголовное наказание, притом не всегда самое мягкое из предусмотренных.

Норма ст. 116 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, содержится в разд. VII УК РФ «Преступления против личности», соответственно, родовым объектом этого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность, нормальное развитие личности.

Видовой объект такого преступления – совокупность общественных отношений, связанных с охраной жизни и здоровья личности. Здоровье – естественное состояние организма, характеризующееся его уравновешенностью с окружающей средой и отсутствием каких-либо болезненных изменений [6]. В результате противоправных действий при побоях нарушения анатомической целостности и физиологических функций органов и тканей человека, как при причинении вреда здоровью, не происходит, но причиняется физическая боль, которую можно определить как неприятное, гне-

тушее, иногда нестерпимое ощущение, возникающее преимущественно при сверхсильных или разрушительных воздействиях на организм человека и животных [7]. Объективно боль сопровождается рядом вегетативных реакций (расширение зрачков, повышение кровяного давления, бледность кожных покровов лица и др.), характерной позой и движениями, направленными на уменьшение боли [8].

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, гарантирующие физическую (телесную) неприкосновенность личности, безопасность здоровья человека.

В связи с особой социальной значимостью института семьи в литературе еще в 2003 г. предлагалось дополнить главу 20 УК РФ («Преступления против семьи и несовершеннолетних») ст. 157 (5), которая бы предусматривала уголовную ответственность за нанесение побоев члену своей семьи. В качестве признаков объективной стороны этого преступления указывались как нанесение побоев, так и совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ [9, с. 10]. При этом считалось необходимым установить такой запрет именно в главе 20 УК РФ, а не в главах 16–18 Кодекса, поскольку насилие в семье не только нарушает интересы личности, но и препятствует функционированию семейной организации как «первичной ячейки общества» [Там же, с. 18].

Возможно, руководствуясь схожими соображениями, законодатель Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, декриминализовал совершенные впервые побои, установив за указанное деяние административную ответственность, но оставив уголовно наказуемыми нанесение побоев и совершение насильственных действий в отношении близких родственников (супруга, супруги, родителей, детей, усыновителей, усыновленных (удочеренных) детей, родных братьев и сестер, дедушек, бабушек, внуков), опекунов, попечителей, а также лиц, состоящих в свойстве или ведущих с лицом, совершившим деяние, общее хозяйство).

Но уже в феврале 2017 г. впервые совершенные побои в отношении членов семьи, других близких лиц согласно примечанию к ст. 116 УК РФ были отнесены к административным правонарушениям. Таким образом, по логике авторов законопроекта, устранялась неоднозначность толкования положений уголовного закона о побоях.

Полагая правильным такое решение законодателя, отметим, что установление уголовной ответственности за побои близким лицам в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ не вызывалось необходимостью, а само определение термина «близкие лица» (в частности отнесение к таким и лиц, ведущих совместное хозяйство с обидчиком) позволяло считать потерпевшим от таких преступлений чрезвычайно широкий круг субъектов, что не отвечало общей идее закона о декриминализации побоев.

Кроме этого, такой подход был в определенном смысле, во-первых, формальным, так как не принимались во внимание конкретные данные о личности потерпевшего, свидетельствующие о более высокой

общественной опасности деяния, необходимой для его криминализации, а было достаточно лишь установление факта родства, а во-вторых, – противоречивым: с одной стороны, как преступление могло быть квалифицировано деяние, совершенное в отношении лица, лишь фактически создавшего семью с преступником и *de jure* родственником ему не приходящимся; с другой стороны, преступлением было бы и нанесение побоев лицу, прямо указанному в примечании к ст. 116 УК РФ, но не поддерживающему с субъектом преступления семейных отношений *de facto*.

С объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 116 УК РФ, характеризуется следующими формами действия: нанесением побоев (ударов, толчков); совершением иных насильственных действий (щипание, сечение, выкручивание рук, термическое воздействие, нанесение повреждений тупыми и острыми предметами [10], использование для укусов животных и насекомых [11], сдавливание какой-либо части тела потерпевшего [12], защемление, связывание [13], заламывание рук [14], вырывание волос [15] и прочие подобные действия, вызывающие физическую боль у потерпевшего при отсутствии легкого вреда здоровью).

Некоторые исследователи считают, что состав ст. 116 УК РФ формальный, а преступление окончено с момента совершения действий [16; 17, с. 236]. Обосновывая такую позицию, авторы исходят прежде всего из того, что объектом побоев являются общественные отношения, охраняющие телесную неприкосновенность, следовательно, преступление окончено с момента совершения действий, нарушающих соответствующее право человека. Наличие физической боли не может быть установлено при судебно-медицинской экспертизе, а потому утверждается, что этот факт обусловлен субъективной оценкой потерпевшего, не всегда являющейся истинной [12].

Однако такая точка зрения прямо противоречит диспозиции ст. 116 УК РФ, устанавливающей обязательное наличие физической боли вследствие побоев или насильственных действий для квалификации содеянного как преступления, и ставит множество вопросов, связанных прежде всего с обоснованностью уголовной ответственности за деяния, фактически не повлекшие каких-либо объективных негативных последствий для потерпевшего. Кроме того, вполне очевидно, что вследствие побоев у потерпевшего могут возникнуть повреждения (ссадины, царапины, кровоподтеки), не свидетельствующие о кратковременном расстройстве здоровья либо о незначительной стойкой утрате общей трудоспособности. Сам факт наличия этих повреждений указывает, по общему правилу, на причинение потерпевшему физической боли. О наличии таковой могут свидетельствовать и конкретные обстоятельства содеянного (локализация воздействия, используемые при этом предметы, физические кондиции нападающего и потерпевшего в их сравнении), учитываемые судом в совокупности с показаниями в том числе потерпевшего, что позволяет дать оценку таким показаниям на предмет их достоверности.

Среди ученых нет однозначного мнения о характеристике интенсивности преступного поведения, дающей

основания для квалификации действий лица в качестве побоев. Как было сказано ранее, и УК РСФСР 1960 г., и УК РФ 1996 г. уже не содержат указания о наказуемости одного удара. По всей видимости, именно поэтому некоторые исследователи пишут, что побоями является нанесение потерпевшему не менее двух ударов [18, с. 185]. А.И. Коробеев, полагая необходимым нанесение при побоях не менее трех ударов, указывает, что квалификация по ст. 116 УК РФ при нанесении однократного удара вообще исключается, а нанесение двух ударов может квалифицироваться как покушение на данное преступление [19, с. 226]. Другие считают, что побои характеризуются многократным нанесением ударов по телу потерпевшего [20; 21, с. 51], а нанесение единственного удара может рассматриваться как оскорбление действием или способ совершения иного насильственного преступления [22, с. 116].

На принципиально иной позиции по этому вопросу настаивают другие авторы, считая, что «понятием побоев должно охватываться нанесение как одного удара, так и нанесение многочисленных ударов...» [23, с. 221]. Количество ударов и толчков, по мнению А.Н. Попова, не имеет никакого уголовно-правового значения, поскольку слово «побои» с точки зрения русского языка не может употребляться в единственном числе. Поэтому даже один удар должен расцениваться как побои [24].

Различие мнений по указанному вопросу подпитывается и судебной практикой. Приведем некоторые примеры.

Так, отменяя состоявшиеся судебные решения по делу в связи с отсутствием состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, Верховный Суд РФ 11 января 2007 г. указал, что согласно закону с объективной стороны побои представляют собой нанесение неоднократных ударов. Нанесение одного удара не может расцениваться как побои [25]. Но уже в 2008 г. Верховный Суд высказал иную позицию. По приговору суда А. был признан виновным в нанесении побоев, причинивших физическую боль, не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ. Оценивая доводы жалобы о том, что один удар не может расцениваться как побои, Верховный Суд с ними не согласился и указал следующее. Статья 116 УК РФ именуется «Побои» и предусматривает уголовную ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ. Из этого следует, что побои являются частным случаем уголовно наказуемого насильственного действия. Поэтому в соответствии с диспозицией указанного Закона виновный несет уголовную ответственность за совершение любого насильственного действия, в том числе и такого, которое выражается в нанесении одного удара, при условии что потерпевшему причинена физическая боль без наступления указанных в ст. 115 УК РФ последствий. Как установлено, А. нанес удар рукой по лицу потерпевшей, причинив ей физическую боль и телесное повреждение в виде ссадины на лице, не повлекшее указанных в ст. 115 УК РФ последствий. При таких данных суд обоснованно квалифицировал дей-

ствия А. по ст. 116 УК РФ [26]. По приговору суда Ч. признана виновной в нанесении побоев К. В жалобе утверждалось, что нанесение одного удара не может расцениваться как побои. С юридической оценкой действий Ч., нанесшей потерпевшему один удар, Верховный Суд согласился [27].

Таким образом, в настоящее время высшая судебная инстанция России и один удар, причинивший физическую боль потерпевшему, относит собственно к побоям.

Некоторые региональные суды исходят из таких же соображений [28, 29], однако другие придерживаются иных позиций.

Первая из них сводится к тому, что нанесение однократного удара, причинившего физическую боль, расценивается не как собственно побои, а так иные насильственные действия. Так, Президиум Нижегородского областного суда, рассмотрев 5 июня 2013 г. уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 116 УК РФ, счел, что нанесение потерпевшему одного удара, не причинившего вреда здоровью, не может быть квалифицировано как побои, а является иным насильственным действием. Приговор по делу отменен не был, так как действия Б., нанесшего потерпевшему один удар, суд первой инстанции квалифицировал как нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, совершенное из хулиганских побуждений. Квалификация действий Б. как нанесение побоев признана излишней и исключена из обвинения [30]. Схожие доводы изложены в судебных решениях иных судов [31–36], и такой подход в судебной практике наиболее распространен.

Другие суды, также полагая, что побои, причинившие физическую боль, представляют собой нанесение неоднократных ударов, а нанесение одного удара не может расцениваться как побои, под иными насильственными действиями, причинившими физическую боль потерпевшему, понимают умышленные деяния, совершенные способами, не связанными с нанесением ударов. В отношении лиц, нанесших потерпевшему один удар, выносится оправдательный приговор [37].

Толковый словарь русского языка определяет побои как удары по живому телу, избивание [38]. В пользу трактовки побоев как нанесения ударов свидетельствует и история отечественного уголовного законодательства: УК РСФСР 1922 и 1926 г. г. в рамках одной нормы разграничивали нанесение удара, побоев или иное насильственное действие.

Следовательно, нужно признать правильным, что собственно побои представляют собой хотя бы два удара, причинивших потерпевшему физическую боль, т.е. действие более однократного.

Действительно, отмечая совершенно разный характер действий при нанесении удара (ударов) и, например, щипании, вырывании волос, квалификация которых как насильственных действий вопросов не вызывает, следует признать, что ударное воздействие и иное насильственное действие существенно различаются. Вместе с тем позиция судов, в соответствии с которой при нанесении одного удара отсутствует состав преступления, по нашему мнению, приведет к необосно-

ванному освобождению от уголовной ответственности лиц, применивших насилие к потерпевшему.

На недопущение подобного направлена правовая аргументация судов, признающих нанесение однократного удара потерпевшему насильственными действиями, влекущими ответственность по ст. 116 УК РФ, которая, однако, исходя из смысла термина «побои», придаваемого в русском языке, безупречна.

При определении одного удара как частного случая уголовно наказуемого насильственного действия наличие логическая ошибка, так как понятие «побои» в заглавии соответствующей нормы уголовного закона диспозицией этой статьи определяется как «побои или иные насильственные действия».

Бесспорно, и один удар может вызвать при определенных обстоятельствах (учитывая состояние потерпевшего, уровень физической подготовки нападавшего, локализацию противоправного физического воздействия, используемые при этом предметы) более интенсивную физическую боль, нежели несколько ударов в иной ситуации. В практике автора был случай, когда даже один удар ногой повлек тупую травму живота с внутрибрюшинным разрывом мочевого пузыря, раз-

витием обильной кровопотери, относящуюся к тяжкому вреду здоровья, повлекшую по неосторожности смерть потерпевшего через несколько часов [39].

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что в целом в большинстве случаев лица, нанесшие побои другим, в том числе и путем нанесения лишь одного удара, привлекаются к ответственности, что оправданно, так как и при нанесении одного удара потерпевшему может быть причинена физическая боль.

Однако отнесение одного удара к собственно побоям противоречит принятому в русском языке толкованию этого слова.

Устранение обозначенной правовой проблемы при квалификации указанных деяний возможно, если изложить наименование ст. 116 УК РФ с использованием общего термина: «Насильственные действия, причинившие физическую боль», а также внести изменения в указанную норму уголовного закона в части определения объективной стороны преступления: «...удар, побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса».

ЛИТЕРАТУРА

1. *О введении* в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42602#04231259787419619> (дата обращения: 20.04.2020).
2. *О введении* в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=45499#07609772365504013> (дата обращения: 20.04.2020).
3. Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2020).
4. Уткин В.А. «Виртуальное» уголовное и уголовно-исполнительное законодательство // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 92–98.
5. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2018. 240 с.
6. *Здоровье* // Большая Советская Энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article045255.html/> (дата обращения: 12.01.2020).
7. *Боль (физиологич.)* // Большая Советская Энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article127618.html/> (дата обращения: 12.01.2020).
8. *Боль* // Медицинская энциклопедия. URL: <http://www.medical-enc.ru/2/bol.shtml/> (дата обращения: 12.01.2020).
9. Шахов В.И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 25 с.
10. *Уголовное право России. Части Общая и Особенная* : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2020).
11. Казакова В.А. Проблемы квалификации преступлений против здоровья. М. : РУСАЙНС, 2018. 436 с.
12. Коротков А.В., Еремина Н.В. Внутрисемейное насилие в пределах ответственности за побои // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2. С. 208–215.
13. Жирова М.Ю. О некоторых проблемах, возникающих при рассмотрении мировыми судьями дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116 УК РФ // Мировой судья. 2012. № 4. С. 27–30.
14. Абрамова Н.Г. Некоторые вопросы квалификации побоев // Эксперт-криминалист. 2010. № 1. С. 21–26.
15. *Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник* / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др. ; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М. : КОНТРАКТ, 2017. 384 с.
16. Смоляков П.Н. Ответственность за побои в действующем законодательстве // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2020).
17. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург : Гуманит. университет, 2000. 348 с.
18. Шагалев Р.М. Некоторые вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации побоев и истязания // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 3. С. 183–188.
19. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М. : Юрлитинформ, 2012. 320 с.
20. Рубцова А.С. Проблемы охраны здоровья и телесной неприкосновенности личности в свете частичной декриминализации побоев // Адвокат. 2017. № 3 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2020).
21. *Уголовное право. Особенная часть* : учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прокументова. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2019. 844 с.
22. Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : учеб.-практ. пособие. М. : Зерцало-М, 2006. 144 с.
23. Юрченко И.А. Понятие побоев: анализ судебной практики. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. М. : Проспект, 2013. 422 с.

24. *Комментарий* к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 2: Особая часть. Разделы VII–VIII. Постатейный // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2020).
25. *Определение* Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 18-Д06-114. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=39124> (дата обращения: 12.01.2020).
26. *Определение* Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 85-Д08-17. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=68623#06560795293040801> (дата обращения: 12.01.2020).
27. *Кассационное определение* Верховного Суда РФ от 08.04.2009 № 67-О09-24. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=68623#09480621423918962> (дата обращения: 12.01.2020).
28. *Кассационное определение* Амурского областного суда от 24.11.2011 по делу № 22-2189/11. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=27247#0664954862626994> (дата обращения: 12.01.2020).
29. *Постановление* Президиума Московского областного суда от 09.07.2014 № 397 по делу № 44у-211/2014. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=234225#06389484696186261> (дата обращения: 12.01.2020).
30. *Обзор* судебной практики по уголовным делам президиума Нижегородского областного суда за второй квартал 2013 года : (утв. постановлением Президиума Нижегородского областного суда от 07.08.2013). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=267960#06469570870703775> (дата обращения: 12.01.2020).
31. *Постановление* Президиума Камчатского краевого суда от 28.07.2014 № 4-У-21. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=50086#045876526166746456> (дата обращения: 12.01.2020).
32. *Постановление* Президиума Оренбургского областного суда от 20.04.2015 № 44у-62. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=190083#008857150133247804> (дата обращения: 12.01.2020).
33. *Постановление* Президиума Верховного суда Республики Татарстан от 16.05.2012 по делу № 44-у-368. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=86441#07632667030014414> (дата обращения: 12.01.2020).
34. *Постановление* Президиума Верховного суда Республики Тыва от 10.12.2015 по делу № 44У-38/2015. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=150448#05635928831703789> (дата обращения: 12.01.2020).
35. *Обобщение* судебной практики Челябинского областного суда от 18.11.2015 «Обобщение судебной практики Челябинского областного суда за третий квартал 2015 года» (утв. постановлением президиума Челябинского областного суда от 18.11.2015). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=69781#07286286562889043> (дата обращения: 12.01.2020).
36. *Постановление* Президиума Астраханского областного суда от 08.09.2015 № 44у-84/2015. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUT&n=81326#06185518995067261> (дата обращения: 12.01.2020).
37. *Кассационное определение* Суда Ненецкого автономного округа от 29.03.2012 по делу 3 22-25/2012. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=46557#006115807649777194> (дата обращения: 12.01.2020).
38. *Побои* // Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/23334-РОВОИ/> (дата обращения: 12.01.2020).
39. *Приговор* Первомайского районного суда Томской области от 01.06.2015 № 1-2/2015 // Архив суда.

Criminal Liability for Battery (Article 116 of the Criminal Code of Russia): Evolution of the Law and Problems of Qualification
Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 21–27. DOI: 10.17223/23088451/15/5
 Timofey G. Karakulov, Pervomayskoe District Court of Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation). E-mail: timofeykarakulov@yandex.ru
Keywords: blow, beatings, criminal liability.

The article discusses the evolution of the norms of criminal liability for battery in the Russian legislation. Drawing on a general description of crime under Article 116 of the Criminal Code and the norms of criminal law, the author concludes that there is a public danger of striking, beating and other violent acts and substantiates the materially defined crime under Article 116 of the Criminal Code. Having analyzed the scholarly opinions about the intensity of criminal behavior needed to qualify actions as battery and drawing on materials of judicial practice, the author argues that battery is at least two hits that cause physical pain; however, a single blow causing physical pain should be held criminally liable.

References

1. The All-Russian Central Executive Committee. (1922) *Postanovlenie VTsIK* от 01.06.1922 “O vvedenii v deystvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R.” (vmeste s “Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.”) [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of June 1, 1922, “On the entry into force of the Criminal Code of the RSFSR (together with the “Criminal Code of the RSFSR”).] *SU RSFSR*. 15. Art. 153. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42602#04231259787419619> (Accessed: 20.04.2020).
2. The All-Russian Central Executive Committee. (1926) *Postanovlenie VTsIK* от 22.11.1926 “O vvedenii v deystvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R. redaktsii 1926 goda” (vmeste s “Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.”) [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926, “On the Enactment of the Criminal Code of the RSFSR, Version of 1926” (together with the “Criminal Code of the RSFSR”).] *SU RSFSR*. 80. Art. 600. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=45499#07609772365504013> (Accessed: 20.04.2020).
3. The Supreme Council of the RSFSR. (1960) *Vedomosti VS RSFSR*. 40. Art. 591. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus. (Accessed: 20.04.2020).
4. Utkin, V.A. (2014) “Virtual’noe” ugovolnoe i ugovolno-ispolnitel’noe zakonodatel’stvo [“Virtual” criminal and penal legislation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4(14). pp. 92–98.
5. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugovolnykh nakazaniy* [Problems of the Theory of Criminal Punishments]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Frolov, V.A. (n.d.) Zdorov’e [Health]. In: *Bol’shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. [Online] Available from: <http://bse.sci-lib.com/article045255.html/> (Accessed: 12.01.2020).
7. Kassil, G.N. (n.d.) Bol’ [Pain]. In: *Bol’shaya Sovetskaya Entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. [Online] Available from: <http://bse.sci-lib.com/article127618.html/> (Accessed: 12.01.2020).

8. Anon. (n.d.) Bol' [Pain]. In: *Meditsinskaya entsiklopediya* [Medical Encyclopedia]. [Online] Available from: <http://www.medical-enc.ru/2/bol.shtml/> (Accessed: 12.01.2020).
9. Shakhov, V.I. (2003) *Nasilie v sem'e: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe znachenie* [Domestic violence: criminal law and criminological significance]. Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
10. Brilliantov, A.V. (2015) *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal Law of Russia. General and Special Parts]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
11. Kazakova, V.A. (2018) *Problemy kvalifikatsii prestupleniy protiv zdorov'ya* [Problems of qualification of crimes against health]. Moscow: RUSAYNS.
12. Korotkov, A.V. & Eremina, N.V. (2017) Intrafamily violence within the limits of liability for beating. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Law Journal*. 2. pp. 208–215. (In Russian).
13. Zhirova, M.Yu. (2012) O nekotorykh problemakh, vznikayushchikh pri rassmotrenii mirovymi sud'yami del o prestupleniyakh, predusmotrennykh ch. 1 st. 116 UK RF [On some problems that arise when magistrates consider cases of crimes under Part 1 of Art. 116 of the Criminal Code]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 4. pp. 27–30.
14. Abramova, N.G. (2010) Nekotorye voprosy kvalifikatsii poboev [Some questions of the battery qualification]. *Ekspert-kriminalist – Expert-Criminalist*. 1. pp. 21–26.
15. Gracheva, Yu.V. & Chuchaev, A.I. (eds) (2017) *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [The Criminal Law of Russia. General and Special Parts]. Moscow: KONTRAKT.
16. Smolyakov, P.N. (n.d.) *Otvetstvennost' za poboi v deystvuyushchem zakonodatel'stve* [Liability for battery in the current legislation]. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus. (Accessed: 03.05.2020).
17. Kondrashova, T.V. (2000) *Problemy ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni, zdorov'ya, polovoy svobody i polovoy neprikosnovennosti* [Problems of criminal liability for crimes against life, health, sexual freedom and sexual integrity]. Ekaterinburg: Gumanit. Universitet.
18. Shagaliev, R.M. (2010) Nekotorye voprosy ugolovno-pravovoy reglamentatsii i kvalifikatsii poboev i istyazaniya [Some issues of criminal regulation and qualifications of battery and torture]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 3. pp. 183–188.
19. Korobeev, A.I. (2012) *Prestupnye posyagatel'stva na zhizn' i zdorov'e cheloveka* [Criminal attacks on human life and health]. Moscow: Yurlitinform.
20. Rubtsova, A.S. (2017) Problemy okhrany zdorov'ya i telesnoy neprikosnovennosti lichnosti v svete chastichnoy dekriminalizatsii poboev [Problems of protecting health and bodily integrity of a person in the light of partial decriminalization of battery]. *Advokat*. 3 (Accessed: 12.01.2020).
21. Prozumentov, L.M. (ed.) (2019) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal Law. Special Part]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Borzenkov, G.N. (2006) *Kvalifikatsiya prestupleniy protiv zhizni i zdorov'ya* [Qualification of crimes against life and health]. Moscow: Zertsalo-M.
23. Yurchenko, I.A. (2013) [The concept of beatings: an analysis of judicial practice]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century]. Proc. of the 10th International Conference. Moscow: Prospekt. (In Russian).
24. Lebedev, V.M. (ed.) (2017) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Vol. 2. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus. (Accessed: 12.01.2020).
25. The Supreme Court of the Russian Federation. (2007) *Opreделение Verkhovnogo Suda RF ot 11.01.2007 N 18-D06-114* [Resolution N 18-D06-114 of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 11, 2007]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=39124> (Accessed: 12.01.2020).
26. The Supreme Court of the Russian Federation. (2008) *Opreделение Verkhovnogo Suda RF ot 24.06.2008 N 85-D08-17* [Resolution N 85-D08-17 of the Supreme Court of the Russian Federation of June 24, 2008]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=68623#06560795293040801> (Accessed: 12.01.2020).
27. The Supreme Court of the Russian Federation. (2009) *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 08.04.2009 N 67-O09-24* [Cassation Resolution N 67-O09-24 of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 8, 2009]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=68623#09480621423918962> (Accessed: 12.01.2020).
28. The Supreme Court of the Russian Federation. (2011) *Kassatsionnoe opredelenie Amurskogo oblastnogo suda ot 24.11.2011 po delu N 22-2189/11* [The cassation ruling of the Amur Regional Court of November 24, 2011, in Case N 22-2189/11]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=27247#0664954862626994> (Accessed: 12.01.2020).
29. The Moscow Regional Court. (2014) *Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo oblastnogo suda ot 09.07.2014 N 397 po delu N 44u-211/2014* [Decision N 397 of the Presidium of the Moscow Regional Court of July 9, 2014, in Case N 44u-211/2014]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=234225#06389484696186261> (Accessed: 12.01.2020).
30. The Nizhny Novgorod Regional Court. (2013) *Obzor sudebnoy praktiki po ugovolnym delam prezidiuma Nizhegorodskogo oblastnogo suda za vtoroy kvartal 2013 goda (utv. postanovleniem Prezidiuma Nizhegorodskogo oblastnogo suda ot 07.08.2013)* [Review of judicial practice in criminal matters of the Presidium of the Nizhny Novgorod Regional Court for the second quarter of 2013 (approved by the decision of the Presidium of the Nizhny Novgorod Regional Court of August 7, 2013)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=267960#06469570870703775> (Accessed: 12.01.2020).
31. The Kamchatka Regional Court. (2014) *Postanovlenie Prezidiuma Kamchatskogo kraevogo suda ot 28.07.2014 N 4-U-21* [Decision N 4-U-21 of the Presidium of the Kamchatka Regional Court of July 28, 2014]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=50086#045876526166746456> (Accessed: 12.01.2020).
32. The Orenburg Regional Court. (2015) *Postanovlenie Prezidiuma Orenburgskogo oblastnogo suda ot 20.04.2015 N 44u-62* [Resolution N 44y-62 of the Presidium of the Orenburg Regional Court of April 20, 2015]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=190083#008857150133247804> (Accessed: 12.01.2020).
33. The Supreme Court of the Republic of Tatarstan. (2012) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo suda Respubliki Tatarstan ot 16.05.2012 po delu N 44-u-368* [Decision of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated May 16, 2012 in Case N 44-y-368]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=86441#07632667030014414> (Accessed: 12.01.2020).

34. The Supreme Court of the Republic of Tuva. (2015) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo suda Respubliki Tyva ot 10.12.2015 po delu N 44U-38/2015* [Decision of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Tuva dated December 10, 2015, in Case N 44U-38/2015]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=150448#05635928831703789> (Accessed: 12.01.2020)..
35. The Chelyabinsk Regional Court. (2015) *Obobshchenie sudebnoy praktiki Chelyabinskogo oblastnogo suda ot 18.11.2015 "Obobshchenie sudebnoy praktiki Chelyabinskogo oblastnogo suda za tretiy kvartal 2015 goda" (utv. postanovleniem prezidiuma Chelyabinskogo oblastnogo suda ot 18.11.2015)* [Summarizing the judicial practice of the Chelyabinsk Regional Court of November 18, 2015, "Summarizing the judicial practice of the Chelyabinsk Regional Court for the third quarter of 2015" (approved by the decision of the Presidium of the Chelyabinsk Regional Court of November 18, 2015)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=69781#07286286562889043> (Accessed: 12.01.2020).
36. The Astrakhan Regional Court. (2015) *Postanovlenie Prezidiuma Astrakhanskogo oblastnogo suda ot 08.09.2015 N 44u-84/2015* [Decision N 44y-84/2015 of the Presidium of the Astrakhan Regional Court dated September 8, 2015]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUG&n=81326#06185518995067261> (Accessed: 12.01.2020).
37. The Nenets Autonomous Okrug. (2012) *Kassatsionnoe opredelenie Suda Nenetskogo avtonomnogo okruga ot 29.03.2012 po delu N 22-25/2012* [Cassation ruling of the Court of the Nenets Autonomous Okrug dated March 29, 2012, in Case N 22-25/2012]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=46557#006115807649777194> (Accessed: 12.01.2020).
38. Anon. (n.d.) Poboï [Battery]. In: *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <https://ozhegov.slovaronline.com/23334-POBOI/> (Accessed: 12.01.2020).
39. The Pervomayskoe District Court of Tomsk Region. (2015) *Prigovor Pervomayskogo rayonnogo suda Tomskoy oblasti ot 01.06.2015 N 1-2/2015* [Sentence N 1-2/2015 of the Pervomayskoe District Court of Tomsk Region dated June 1, 2015]. [Archive of the Court].

УДК 343.533

DOI: 10.17223/23088451/15/6

И.В. Лозинский

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Исследуются источники уголовного законодательства как Российской империи, так и РСФСР. Анализируются составляющие его нормы, аналогичные нормам главы 22 УК РФ. Рассматривается, насколько необходимыми были изменения в уголовном законодательстве различных исторических периодов в части охраны отношений, аналогичных отношениям, охраняемым нормами указанной главы. Дается предложение о необходимости совершенствования главы 22 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное законодательство России; общественные отношения в сфере экономической деятельности; история.

Уголовная ответственность за совершение деяний, аналогичных преступлениям в сфере экономической деятельности и наказуемых нормами главы 22 УК РФ, впервые была установлена в России в XVII в., с момента вступления ее в период сословно-представительной монархии. Указанный период, в отличие от предыдущих, характеризовался значительным ростом ремесел, развитием торговых отношений, укреплением внутренних и международных рынков. В связи с этим было принято новое уголовное законодательство, соответствующее данным изменениям, – Соборное Уложение 1649 г.

Соборным Уложением были криминализованы такие деяния, как подделка денег (фальшивомонетничество), наказуемое нормами главы V, и корчемство, наказуемое нормами главы XXV. По своей правовой природе фальшивомонетничество являлось аналогичным деянию, запрещаемому ст. 186 действующего УК РФ. Корчемство, по нашему мнению, по своей правовой природе было аналогично незаконному предпринимательству, запрещаемому ст. 171 УК РФ 1996 г., поскольку под ним понималось «содержание питейных заведений без особого разрешения», что соответствует такому элементу диспозиции ст. 171, как «осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии)». Обозначенные деяния относились к преступлениям против порядка управления [1, с. 121]. Таким образом, в уголовном законодательстве этого исторического периода данные деяния не рассматривались как посягающие на исследуемые общественные отношения. То же имело место и в принятом Петром I Артикуле воинском 1714 г.

В 1832 г., в связи со вступлением в силу Свода Законов Российской Империи (далее – Свод Законов), отечественное уголовное законодательство дополнилось новеллой, неизвестной Соборному Уложению 1649 г., – «Нарушение уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности» (глава 14 раздела 8 «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» тома XV Свода Законов). Наказуемое ею деяние состояло в устройстве заводов, фабрик и мануфактур без соответствующего права, что позволяет рассматривать его, как и корчемство, наказуемое по Соборному Уложению 1649 г.,

аналогичным незаконному предпринимательству, запрещаемому ст. 171 УК РФ. Криминализация этого деяния, по нашему мнению, позволила исключить применение по аналогии нормы, устанавливающей уголовную ответственность за совершение корчемства. Таким образом, дополнение Свода Законов рассматриваемой нормой, повлекшее «расширение» уголовно-правового вмешательства в данную сферу, правомерно.

Как новеллы следует рассматривать «нарушение уставов торговых» (глава 13 этого же раздела / тома Свода Законов) и «нарушение уставов таможенных» (глава 7 раздела 7 «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» тома XIV Свода Законов). На наш взгляд, целью введения в Свод Законов этих новелл было, как и в предыдущей ситуации, исключение применения по аналогии отдельных его норм. Поэтому указанная уголовно-правовая «экспансия» вполне обоснована. Проанализировав правовую природу этих деяний, следует отметить их «сходство» со следующими деяниями, запрещаемыми УК РСФСР 1960 года: ст. 156.5 – «Нарушение правил торговли» (введена в 1993 г.); ст. 169.1 – «Нарушение таможенного законодательства Российской Федерации» (введена в 1994 г.). Последнее представляло собой разновидность контрабанды. В действующем УК РФ ответственность за совершение контрабанды также установлена законодателем. Одновременно в указанном Кодексе не предусмотрено уголовной ответственности за нарушение правил торговли. Следует отметить, что в настоящее время для борьбы с данными нарушениями эффективными являются менее репрессивные виды ответственности.

Ответственность за известное предыдущему уголовному законодательству фальшивомонетничество в соответствии со Сводом Законов устанавливалась нормами главы 2 раздела 7 тома XIV – «О нарушении уставов монетных». Таким образом, имел место «перевод» фальшивомонетничества из разряда преступлений против порядка управления в разряд преступлений, посягающих на денежно-кредитную систему государства, что следует из названия этой главы. По нашему мнению, данный «перевод» правомерен, поскольку фактически это деяние посягало именно на денежно-кредитную систему нашего государства. При этом объ-

ектом аналогичного ему преступления, наказуемого по ст. 186 УК РФ, также является денежно-кредитная система государства [2, с. 385].

Следующим за Сводом Законов отечественным уголовным законодательством – Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – также предусматривалась ответственность за большинство из рассмотренных ранее преступлений. В частности, раздел 7 и глава 2 указанного Уложения носили те же наименования, что и в ранее действовавшем Своде Законов. Одновременно обозначенный раздел был дополнен главой 6, предусматривавшей уголовную ответственность за «нарушения постановлений по питейному сбору и акцизу». Проанализировав деяния, запрещаемые этой главой, следует отметить частичное их «сходство» с налоговыми преступлениями, запрещаемыми ст.ст. 198–199.4 УК РФ. Таким образом, имело место «расширение» уголовно-правового вмешательства в исследуемую сферу. Как и в предыдущих, в данной ситуации цель такого «расширения» состояла в исключении применения уголовного законодательства по аналогии. Предусмотренная Сводом Законов уголовная ответственность за нарушение таможенных уставов в указанном Уложении также имела место – она устанавливалась главой 8 обозначенного раздела – «О нарушении уставов таможенных». Таким образом, кроме дополнения раздела 7 новой главой, иных значительных изменений в рассматриваемом уголовном законодательстве не наблюдалось.

В Уголовном Уложении 1903 г. – последнем уголовном кодексе Российской империи – ответственность за исследуемые преступления предусматривалась нормами уже нескольких глав: главы 16 – «О нарушении постановлений о надзоре за промыслами и торговлею»; главы 20 – «О подделке монеты, ценных бумаг и знаков»; главы 29 – «Об оглашении тайны»; главы 34 – «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». На основании анализа содержания указанных глав следует отметить, что деяния, запрещаемые нормами глав 16 и 20 данного Уложения по своей сути аналогичны деяниям, запрещаемым ст.ст.171, 186 УК РФ. Уголовная ответственность за совершение деяний, запрещаемых нормами этих глав, была предусмотрена и в ранее действовавшем уголовном законодательстве.

Также на основании обозначенного анализа следует выделить и серьезные изменения по сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством, в частности криминализация оглашения тайны в соответствии с названием главы 29 указанного Уложения. Ст. 543 данной главы предусматривала уголовную ответственность за «оглашение приемов производства, особо употребляемых на заводе, фабрике», ст. 544 – за «умышленное оглашение сведений, заведомо составляющих тайну и не подлежащих огласке», ст. 545 – за «оглашение коммерческой тайны торгового предприятия с целью причинения вреда или получения имущественной выгоды для себя», ст. 546 – за «оглашение подлежащих тайне сведений по имущественному положению, долговым обязательствам, оборотам и приходам плательщиков государственного промыслового

налога». Проанализировав правовую природу обозначенных деяний, следует отметить, что они являются аналогичными деянию, запрещаемому ст. 183 УК РФ. По нашему мнению, криминализация этих деяний была обусловлена наблюдавшимся в рассматриваемый период бурным развитием как промышленности, так и конкуренции, которое не исключало использования различных противоправных способов извлечения прибыли, в том числе и путем получения сведений о возможных конкурентах, являющихся их «коммерческой тайной». Таким образом, отмеченное «расширение» уголовно-правового вмешательства в исследуемую сферу правомерно.

Также отдельными нормами главы 34 Уголовного Уложения 1903 г., озаглавленной «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу», предусматривалась ответственность и за деяния, аналогичные иным деяниям, запрещенным нормами, составляющими главу 22 УК РФ. В частности, ст. 599 указанного Уложения предусматривала ответственность за: «1) сокрытие, при объявлении несостоятельности, своего имущества умалчиванием или ложным о нем показанием, с целью избежать платежа долгов; 2) выдачу уменьшающего конкурсную массу обязательства по долгу, вполне или в части вымышленному, или в безвозмездной передаче, или сокрытию иным способом своего имущества, после объявления несостоятельности с целью избежать платежа долгов; 3) выдачу обязательства по долгу, вполне или в части вымышленному, или в безвозмездной передаче или сокрытию иным способом своего имущества, хотя и до объявления несостоятельности, но в предвидении неизбежности такого объявления с целью избежать платежа долгов», частично аналогичных неправомерным действиям при банкротстве, запрещенным ст. 195 УК РФ. Статьей 601 этой главы предусматривалась ответственность за то же деяние, совершаемое «в товариществе на паях или акционерном обществе», которое по своей правовой природе также аналогично деянию, запрещенному ст. 195 УК РФ. Статьей 616 данной главы предусматривалась ответственность за «приобретение, принятие для хранения или для сокрытия или в заклад, или для сбыта, или в сбыт чужого имущества, заведомо добытого преступлением», ст. 617 – за совершение того же деяния, но торговцем. Обозначенные деяния схожи с таким деянием, как приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, наказуемым ст. 175 УК РФ. Таким образом, Уголовным Уложением 1903 г. уже была установлена ответственность за совершение некоторых деяний, аналогичных деяниям, запрещаемым нормами главы 22 УК РФ, в частности криминальных банкротств, а также разглашения сведений, составляющих «коммерческую тайну».

Установление советской власти в 1917 г. привело к серьезным изменениям в экономике нашего государства. Прежде всего были национализированы объекты промышленности и торговли и отменена частная собственность [3, с. 13]. Результатом этого стала административно-плановая социалистическая экономика, которая жестко регулировалась государством, что по-

требовало создания нового уголовного законодательства, соответствующего указанным изменениям. Уже в первом Уголовном кодексе советского периода – УК РСФСР 1922 г. (далее – УК 1922 г.) – законодатель установил ответственность за совершение таких деяний, как бесхозяйственность (ст.ст. 127–129), неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным учреждением или предприятием, если доказан заведомо злонамеренный характер неисполнения договора или иные заведомо недобросовестные по отношению к государству действия (ст. 130), нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий (ст. 136), искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки торговцев между собой или путем злостного невыпуска товаров на рынок (ст. 137), спекуляция с иностранной валютой в обмен на советские денежные знаки или наоборот (ст. 138), приготовление с целью сбыта вин, водок и иных спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без надлежащего разрешения или свыше установленной законом крепости, а равно незаконное хранение с целью сбыта таких напитков и веществ (ст. 140). Обозначенные деяния законодателем были объединены в единую главу IV, озаглавленную «Преступления хозяйственные». Проанализировав их, следует отметить, что по своей правовой природе указанные деяния представляли собой посягательства на социалистические общественные отношения, построенные на господстве государственной собственности и подавлении любой частнопредпринимательской деятельности, осуществление которой могло привести к извлечению нетрудовых доходов, для борьбы с которыми и предназначались ст.ст. 137, 138, 140 данного Кодекса.

Одновременно была предусмотрена уголовная ответственность и за иные нарушения правил ведения социалистического хозяйства, в частности за бесхозяйственное отношение к государственной собственности, различные неисполнения договорных обязательств (ст.ст. 127–130). УК 1922 г. предусматривал ответственность за совершение и таких деяний, по своей сущности представляющих собой извлечение нетрудовых доходов, как ростовщичество (ст. 193), самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием (ст. 199). Последнее аналогично деянию, запрещаемому ст. 180 УК РФ. Данные деяния были отнесены в главу VI – «Имущественные преступления». По нашему мнению, отнесение этих деяний к обозначенным преступлениям было обусловлено тем, что законодателем они рассматривались как посягательства лишь на имущественные интересы частных лиц, но не на условия ведения социалистического хозяйства. Существование ст. 199 в УК 1922 г. объясняется тем, что указанный Кодекс принимался в условиях нэпа, когда конкуренция была возможной.

Таким образом, в рассматриваемый исторический период наблюдалась уголовно-правовая «экспансия» в рассматриваемую нами сферу. На наш взгляд, это объяснялось стремлением со стороны государства жестко

регулировать развитие именно социалистической плановой экономики, которая не предусматривала проявления какой-либо хозяйственной инициативы.

В следующем Уголовном кодексе советского периода – УК РСФСР 1926 г. (далее – УК 1926 г.) – ответственность за преступления исследуемой группы была предусмотрена следующими нормами: ст. 59.5 – «массовый отказ от внесения налогов денежных или натуральных или от выполнения повинностей»; ст. 59.8 – «подделка денег, государственных ценных бумаг и других знаков государственной оплаты»; ст. 59.9 – «контрабанда»; ст. 59.11 – «нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий»; ст. 59.12 – «нарушение правил о валютных операциях»; ст. 101 – «приготовление с целью сбыта вин, водок и вообще спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без надлежащего разрешения или свыше установленной законом крепости, а равно самый сбыт или незаконное хранение с целью сбыта таких напитков или веществ»; ст. 102 – «изготовление и хранение самогона для сбыта, а равно торговля им в виде промысла»; ст. 107 – «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок»; ст. 128 – «бесхозяйственность»; ст. 164 – «покупка заведомо краденого»; ст. 172 – «изготовление и хранение с целью сбыта поддельного пробирного клейма, клеймение таковым изделий и слитков из золота, серебра и платины, наложение на изделия из иных металлов клейм и марок, имеющих сходство с пробирным клеймом, а равно сбыт указанных изделий»; ст. 173 – «ростовщичество»; ст. 178 – «самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, а равно и чужой фирмой или чужим наименованием». Указанные нормы в этом УК, как и в УК 1922 г., оказались «разбросанными» по различным его главам – в частности, ст.ст. 59.5–107 были отнесены к нормам, предусматривающим ответственность за совершение преступлений против порядка управления – глава II. Как и в УК 1922 г., в УК 1926 г. бесхозяйственность относилась к хозяйственным преступлениям, наказуемым нормами его главы V. Преступления, ответственность за совершение которых предусматривалась ст.ст. 164, 172, 173, 178 данного УК, были отнесены в главу VII – «Имущественные преступления».

Рассмотрев указанные нормы, следует отметить, что некоторые из них имели место и в УК 1922 г., в частности предусматривающие ответственность за совершение деяний, наказуемых ст.ст. 107, 128, 173, 178 УК 1926 г. Одновременно в УК 1926 г. появились и новеллы, неизвестные УК 1922 г., такие как «контрабанда» (ст. 59.11), «покупка заведомо краденого» (ст. 164), «изготовление и хранение с целью сбыта поддельного пробирного клейма, клеймение таковым изделий и слитков из золота, серебра и платины, наложение на изделия из иных металлов клейм и марок, имеющих сходство с пробирным клеймом, а равно сбыт указанных изделий» (ст. 172). Проанализировав обозначенные деяния, возможно выделить в них сходство с такими деяниями, составляющими главу 22 УК РФ, как «кон-

трабанда» (ст. 188 – декриминализована в 2011 г.), «приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» (ст. 175), а также «нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм» (ст. 181). Таким образом, уголовная ответственность за совершение некоторых деяний, наказуемых нормами обозначенной главы, имела место и в первых советских УК РСФСР. При этом законодателем ст.ст. 164, 172 УК 1926 г. были помещены в главу VII – «Имущественные преступления». По нашему мнению, обозначенные деяния законодателем рассматривались как посягательства на социалистическую собственность, но не на нормальное функционирование плановой социалистической экономики.

Таким образом, в период действия УК 1926 г., как и в период действия УК 1922 г., наблюдалось «расширенное» уголовно-правовое вмешательство в обозначенную сферу. Круг деяний, относящихся к преступлениям данной группы, в УК 1926 г. был «расширен» за счет криминализации некоторых деяний, неизвестных УК 1922 г. Как и в предыдущей, в этой ситуации уголовно-правовая «экспансия» объяснялась необходимостью борьбы с различными посягательствами на социалистические общественные отношения.

В последнем Уголовном кодексе советского периода – УК РСФСР 1960 года (далее – УК 1960 г.) – нормы, устанавливающие ответственность за совершение преступлений рассматриваемой группы, в отличие от ранее действовавших УК 1922, 1926 гг., были объединены в отдельную главу 6 – «Хозяйственные преступления». Поскольку УК 1960 г., принятый еще в советский период, незначительный промежуток времени действовал и после распада СССР, на наш взгляд, возможно выделение нескольких редакций этой главы. В первоначальной редакции ее составляли нормы, предусматривавшие уголовную ответственность за совершение таких деяний, как «приписки и другие искажения отчетности о выполнении плана» (ст. 152), «частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» (ст. 153), «спекуляция» (ст. 154), «незаконное пользование товарными знаками» (ст. 155), «обман потребителей» (ст. 156), «выпуск или продажа товаров, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» (ст. 157), «изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки» (ст. 158), «подделка знаков почтовой оплаты и проездных билетов» (ст. 159), «подделка марок и специальных марок акцизного сбора» (ст. 159.1), «нарушение ветеринарных правил» (ст. 160), «нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений» (ст. 161), «занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности» (ст. 162), «незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами» (ст. 163), «незаконный промысел котиков и бобров» (ст. 164), «производство лесосплава или взрывных работ с нарушением правил охраны рыбных запасов» (ст. 165), «незаконная охота» (ст. 166), «продажа, скупка, обмен шкур пушных зверей» (ст. 166.1), «нарушение правил разработки недр и сдачи государству золота» (ст. 167), «умышленная потрава посевов и повреждение полевых культур и иных насаж-

дений» (ст. 168), «незаконная порубка леса» (ст. 169). Как и ранее, в этой редакции главы 6 УК 1960 г. имело место «расширение» уголовно-правового вмешательства в область экономики. Данное «расширение» объяснялось не только жесткой регламентацией государством осуществления любой хозяйственной (экономической) деятельности, но и усилением уголовной ответственности в сфере борьбы с нетрудовыми доходами, о чем свидетельствует отнесение к преступлениям обозначенной группы таких деяний, как «незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами», наказуемое по ст. 163 УК 1960 г., «незаконный промысел котиков и бобров», наказуемый по ст. 164 УК 1960 г., «незаконная охота», наказуемая по ст. 166 этого УК, поскольку цель их совершения, по мнению законодателя, состояла именно в извлечении гражданами нетрудовых доходов, но не в причинении вреда окружающей среде [4, с. 16].

После распада СССР и начала перехода экономики нашего государства к новым социально-экономическим отношениям, базирующимся на свободе предпринимательства и конкуренции, в течение 1991–1996 гг. имела место новая, последняя, редакция рассматриваемой главы, которая подверглась значительным изменениям и дополнениям. В связи с указанными изменениями в 1991 г. были декриминализованы частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество, а также спекуляция – ст.ст. 153–154. Одновременно, в 1992 г. эта глава была дополнена новеллой – ст. 167.2, предусматривавшей уголовную ответственность за «самовольную добычу янтаря». Представляется, что по своей правовой природе обозначенное деяние аналогично деяниям, наказуемым ст.ст. 163, 164, 166 УК 1960 г., поскольку в результате его совершения также было возможным извлечение нетрудовых доходов. По нашему мнению, введение данной новеллы объяснялось отсутствием у законодателя какой-либо стратегии развития уголовного законодательства, охраняющего новые общественные отношения. Как видно, последний «руководствовался» еще советской уголовно-правовой доктриной, основными положениями которой были подавление любой частнопредпринимательской инициативы, отсутствие конкуренции, а также тотальное государственное вмешательство в экономику [5, с. 4]. Таким образом, в рассматриваемой ситуации, как и ранее, имело место «расширение» уголовно-правового вмешательства в исследуемую сферу.

Обозначенное «расширение» имело место и далее – в 1993 г. глава 6 УК 1960 г. была дополнена целым рядом новелл: ст. 154.3 – «Незаконное повышение или поддержание цен»; ст. 156.5 – «Нарушение правил торговли»; ст. 156.6 – «Нарушение государственной дисциплины цен»; ст. 162.4 – «Незаконное предпринимательство»; ст. 162.5 – «Незаконное предпринимательство в сфере торговли». По своей правовой природе деяние, запрещаемое ст. 154.3, являлось аналогичным деянию, запрещаемому ст. 178 УК РФ 1996 г. – «Ограничение конкуренции». Криминализация деяний, запрещаемых ст.ст. 156.5, 156.6 УК 1960 г., объяснялась, на наш взгляд, желанием законодателя исключить применение по аналогии ст. 156 УК 1960 г., предусматривавшей

ответственность за «обман потребителей», поскольку по своей сущности рассматриваемые деяния представляли собой случаи обмана потребителей. Таким образом, введение уголовной ответственности за совершение данных деяний выглядело обоснованным.

Следует отметить, что в УК РФ 1996 г. ответственность за совершение деяний, аналогичных деяниям, запрещаемым этими нормами УК 1960 г., не предусмотрена, поскольку в настоящее время борьба с различными нарушениями правил торговли ведется более эффективно менее репрессивными мерами, в частности административно-правовыми. Запрещаемые же ст.ст. 162.4, 162.5 УК 1960 г. деяния являлись аналогичными «незаконному предпринимательству», запрещаемому ст. 171 УК РФ. Данный вывод возможен в результате анализа диспозиций этих норм, в которых «незаконное предпринимательство», как и «незаконное предпринимательство в сфере торговли», представляет собой противоправную деятельность, если «осуществляется без специального разрешения». Одновременно, в связи с либерализацией внешнеэкономической деятельности, в 1993–1994 гг. были криминализованы такие деяния, как «незаконный экспорт товаров, научно-технической информации и услуг, используемых при создании вооружения и военной техники, оружия массового уничтожения» (ст. 78.1 УК 1960 г.), «невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран (ст. 78.2 УК 1960 г.), «уклонение от уплаты таможенных платежей» (ст. 162.6 УК 1960 г.), «нарушение таможенного законодательства Российской Федерации» (ст. 169.1 УК 1960 г.).

Проанализировав указанные деяния, следует отметить, что деяние, запрещаемое ст. 78.1 УК 1960 г., по своей правовой природе аналогично деянию, запрещаемому ст. 189 УК РФ – «незаконный экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники»; деяние, запрещаемое ст. 78.2 УК 1960 г., является аналогичным деянию, запрещаемому ст. 190 УК РФ – «невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей»; деяние, запрещаемое ст. 162.6 УК 1960 г., аналогично деянию, запрещаемому ст. 194 УК РФ – «уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица». Проанализировав деяние, запрещаемое ст. 169.1 УК 1960 г., следует отметить, что по своей правовой природе оно являлось видом контрабанды (ст. 78 этого УК), поскольку также представляло собой «перемещение через таможенную границу Российской Федерации товаров или иных предметов, за исключением указанных в ст. 78, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманом использованием документов или средств таможенной идентификации, либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием». До криминализации данного деяния вне зоны действия УК 1960 г.

оказывалась контрабанда иных товаров, не указанных в диспозиции его ст. 78, получившая достаточно широкое распространение после распада СССР и последовавшей за ним либерализацией порядка осуществления внешнеэкономической деятельности. Таким образом, дополнив УК 1960 г. ст. 169.1, был устранен пробел в сфере охраны обозначенных отношений. Следует отметить, что сферой действия ст. 188 УК РФ 1996 г., устанавливавшей ответственность за совершение контрабанды и действовавшей до декабря 2011 г., также «охватывалась» контрабанда любых товаров, перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации.

Из деяний, наказуемых ст.ст. 78.1, 78.2, 162.6, 169.1 УК 1960 г., только два последних относились к хозяйственным преступлениям, наказуемым нормами главы 6 указанного Кодекса. Остальные представляли собой «Иные государственные преступления», наказуемые нормами ч. II главы 1 данного УК – «Государственные преступления». Как и в действующем УК РФ, деяния, запрещаемые ст.ст. 78.1, 78.2 УК 1960 г., по своей правовой природе являлись разновидностью контрабанды, запрещаемой ст. 78. В ныне действующей редакции УК РФ 1996 г. нормы, предусматривающие ответственность за совершение контрабанды, так же как и в УК 1960 г., оказались «разбросанными» законодателем по разным его главам: главе 22 – «Преступления в сфере экономической деятельности» (ст.ст. 200.1, 200.2, введенные в нее в 2014 г.); главе 24 – «Преступления против общественной безопасности»; главе 25 – «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». При этом нормами главы 22 предусмотрена уголовная ответственность за контрабанду денежных средств и отдельных товаров, главы 24 – за контрабанду оружия, главы 25 – за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ.

В 1996 г. глава 6 УК 1960 г. вновь дополнилась новеллами: ст. 152.2 – «Необеспечение маркировки марками установленных образцов при производстве подакцизных товаров»; ст. 159.1 – «Подделка марок и специальных марок акцизного сбора». По своей сущности обозначенные деяния аналогичны деяниям, запрещаемым следующими нормами УК РФ 1996 г.: ст. 171.1 – «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации»; ст. 327.1 – «Изготовление, сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использование», криминализованным законодателем в июле 1999 г.

Таким образом, уголовная ответственность за совершение некоторых преступлений, аналогичных запрещаемым нормами, составляющими главу 22 Уголовного кодекса РФ, уже имела место в ранее действовавшем уголовном законодательстве, особенно в законодательстве досоветского периода. Первыми были криминализованы в XVII в. фальшивомонетничество и корчемство – уголовная ответственность за их совершение имела место в Соборном Уложении 1649 г. По своей правовой природе они аналогичны деяниям,

запрещаемым ст.ст. 186 и 171 действующего УК РФ 1996 г., поскольку под корчемством понималось «содержание питейных заведений без особого (специального) разрешения». Указанное определение корчемства аналогично такому элементу незаконного предпринимательства, как «осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии)», имеющему место в ст. 171 УК РФ. Аналогично незаконному предпринимательству и криминализованное в XIX в. деяние, ответственность за совершение которого была предусмотрена Сводом Законов, – «нарушения уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности», которые представляли собой устройство фабрик, заводов и мануфактур без соответствующего права. Все указанные деяния первоначально были отнесены к преступлениям против порядка управления. Впоследствии только фальшивомонетничество, начиная со Свода Законов, рассматривалось уже как преступление, посягающее на денежно-кредитную систему государства. При этом далее круг исследуемых деяний постоянно подвергался изменениям. В частности, и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., и в Уголовном Уложении 1903 г. имело место достаточно большое количество норм, предусматривающих ответственность за совершение этих деяний. Таким образом, наблюдалось «расширение» уголовно-правового вмешательства в рассматриваемую область, что объяснялось развитием как промышленности, так и торговли, имевшим место в обозначенные периоды. То же «расширение» имело место и в периоды действия УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг., охраняющих административно-плановую экономику, в условиях которой велась активная борьба с «теневой экономикой» и с извлечением нетрудовых доходов, а также с невыполнением установленных государством для предприятий и организаций планов.

При этом не во всех рассмотренных уголовно-правовых источниках нормы, устанавливающие ответственность за совершение исследуемых преступлений, были объединены в отдельную главу: в указанных источниках XIX в., а также в Уголовном Уложении 1903 г. эти нормы были «разбросаны» по различным главам. Объединение обозначенных норм в отдельную главу имело место лишь в советских УК 1922, 1926 и 1960 гг. В последней редакции УК 1960 г., действовавшей до утраты им силы в 1997 г., также была предусмотрена ответственность за совершение некоторых деяний, запрещенных нормами главы 22 УК РФ 1996 г.

По нашему мнению, «расширенное» уголовно-правовое вмешательство в исследуемую сферу имеет место и сегодня. Свидетельство тому – существование в главе 22 УК РФ 1996 г. достаточно большого количества норм. На наш взгляд, это объясняется тем, что на момент принятия указанного УК не было четкого и однозначного представления о сущности уголовной политики в сфере охраны экономических отношений, так как не были понятны пути и перспективы их развития. Одновременно в данный период в отечественной юридической науке еще преобладали советские уголовно-правовые идеи, указывающие на необходимость «расширенного» уголовно-правового вмешательства

в сферу экономической деятельности [2, с. 4]. В результате данного подхода в главе 22 УК РФ оказалась сохраненная норма, предусматривавшая ответственность за обман потребителей (ст. 200). По своей правовой природе обозначенное деяние аналогично деянию, наказуемому по ст. 156 УК РСФСР 1960 г. Следует отметить, что в советский период рассматриваемое деяние было общественно опасным с точки зрения государственных интересов, поскольку обман потребителей в Советском Союзе посягал на интересы советской торговли, которая являлась государственной. В Российской Федерации в результате совершения указанного деяния вред причинялся только потребителям путем либо их обсчета, либо продажи товаров с просроченным сроком реализации. Данный вред при этом был незначительным [5, с. 86]. Поэтому в 2003 г. обман потребителей был декриминализован. В условиях рыночной экономики любые нарушения правил торговли лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, не являются общественно опасными для потребителей и могут быть устранены либо самими потребителями в гражданско-правовом порядке или административно-правовым способом, либо же самими субъектами предпринимательства, так как им невыгодно обманывать потребителей.

Одновременно, в 2003 г. была декриминализована и заведомо ложная реклама (ст. 182). Как и обман потребителей, обозначенное деяние являлось преступлением небольшой тяжести. По мнению судей, декриминализация заведомо ложной рекламы является обоснованной, поскольку для борьбы с указанным деянием, как и с обманом потребителей, достаточно эффективны менее репрессивные меры, чем уголовная ответственность [Там же, с. 116].

Кроме того, в 2010–2011 гг. были декриминализованы лжепредпринимательство (ст. 173) и контрабанда (ст. 188). Декриминализация лжепредпринимательства научно обоснована, поскольку ст. 173 УК РФ устанавливала ответственность за создание организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность. Предпринимательским отношениям в данной ситуации не мог быть причинен какой-либо вред. По своей правовой природе лжепредпринимательство представляло собой разновидность мошенничества, и квалификация преступлений только по ст. 173 не представлялась возможной, поскольку ввиду ее сложной законодательной конструкции требовалась дополнительная квалификация, например по ст. 176 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконное получение кредита, либо по ст.ст. 198–199.2 УК РФ, предусматривающим ответственность за уклонение от уплаты налогов. Также лжепредпринимательство могло рассматриваться и как специальная норма к ст. 316 УК РФ, предусматривающей ответственность за укрывательство преступлений [Там же, с. 68].

Одновременно с декриминализацией «товарной» контрабанды (ст. 188) была установлена уголовная ответственность за контрабанду оружия (ст. 226.1), а также наркотических средств и психотропных веществ (ст. 229.1). Таким образом, законодателем «объединены» в отдельные главы УК РФ все нормы, уста-

навливающие ответственность за незаконный оборот как различных видов оружия, так и наркотических средств и психотропных веществ.

Необходимо отметить, что за период действия УК РФ 1996 г. рассмотренные факты декриминализации деяний, наказуемых нормами главы 22, были единственными. В основном совершенствование указанной главы представляло собой криминализацию новых деяний, большинство из которых не посягает на общественные отношения в сфере экономической деятельности, в частности деяние, запрещаемое ст. 171.1 УК РФ, которое по своей правовой природе, как и деяние, запрещаемое ст. 327.1, представляет собой посягательство на порядок управления, наказуемый нормами главы 32 данного УК. Ранее нами уже отмечалась ошибка законодателя, состоящая в отнесении деяния, запрещаемого ст. 171.1 УК РФ, к преступлениям в сфере экономической деятельности [5, с. 46].

Также ошибочным является и «восстановление» в 2014 г. норм, предусматривающих уголовную ответственность за контрабанду некоторых групп товаров и денежных средств именно в главу 22 УК РФ, поскольку контрабанда – преступление против порядка управления, о чем нами отмечено ранее [6, с. 55 – 56].

При этом отдельными из указанных норм предусмотрена уголовная ответственность за совершение деяний, которые по своей правовой природе не являются преступлениями рассматриваемой группы, например деяния, запрещаемого нормой ст. 200.6 УК РФ, фактически посягающего на здоровье населения и общественную безопасность. Приведенный пример не является единичным. Также «лишними», по нашему мнению, для обозначенной главы являются нормы, предусматривающие уголовную ответственность как за «отмывание» денежных средств, добытых преступным

путем, так и за приобретение либо сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем (ст.ст. 174–175). По своей правовой природе эти деяния представляют собой посягательства на правосудие, наказуемые нормами главы 31 УК РФ.

Таким образом, как показывает исторический опыт, «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности не является правильным. Несмотря на это, для устранения отдельных законодательных пробелов окажется необходимым и введение в главу 22 УК РФ новелл, что следует рассматривать как «расширение» уголовно-правового вмешательства в исследуемую сферу. Одновременно дальнейшее развитие отечественной экономики предполагает и постепенное «отмирание» некоторых уголовно-правовых запретов, составляющих указанную главу, и, как результат, декриминализацию соответствующих деяний. На наш взгляд, в связи с либерализацией отечественного уголовного законодательства, имеющей место в настоящее время, необходимо «сокращение» уголовно-правового вмешательства в рассматриваемую сферу, результат которого – декриминализация некоторых деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими главу 22 УК РФ. Представляется, что к последним следует отнести незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ) и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), поскольку по своей правовой природе они представляют собой специальные нормы по отношению к нормам, устанавливающим уголовную ответственность за деяния, не являющиеся преступлениями данной группы. Так, деяние, наказуемое ст. 176, является разновидностью мошенничества, а деяние, наказуемое ст. 177, является разновидностью преступлений против правосудия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соборное Уложение 1649 года* : текст, комментарии / под ред. А.Г. Манькова. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 448 с.
2. *Пикалов И.А.* Уголовное право в схемах и таблицах: Общая и Особенная части. М. : Эксмо, 2014. 688 с.
3. *Чистяков О.И.* Правовое закрепление экономических завоеваний Октябрьской революции // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1978. № 5. С. 13–21.
4. *Чугунов А.А.* Уголовно-правовая охрана свободы предпринимательской деятельности : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
5. *Лозинский И.В.* Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 168 с.
6. *Лозинский И.В.* Проблемы реализации принципов криминализации и положений законодательной техники применительно к нормам главы 22 УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 231 с.

Tendencies in Development of Russian Criminal Law, Protecting Public Relations in the Field of Economic Activity, in Historical Perspective

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 28–35. DOI: 10.17223/23088451/15/6

Igor V. Lozinsky, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kafedra.ups@mail.ru

Keywords: Russian criminal law, public relations in economic activity, history.

The article considers the sources of criminal legislation of both the Russian Empire and the RSFSR Criminal Code of 1960 as amended in 1996, which contain standards similar to those that make up Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. It has been found out that criminal liability for committing acts similar to those prohibited by the norms that make up the specified Chapter was first provided for by the Council Code of 1649, according to which only the counterfeiting and corrupted rule were referred to the designated acts. The same concerns the Military Article 1714. The Code of Laws of the Russian Empire of 1832 as well as the Criminal and Correctional Penal Code of 1845 expanded the scope of these acts, with violations of the Customs Regulations and regulations on drinking taxes and excise taxes added to counterfeiting and corruption. The same could be found in the Criminal Code of 1903, which included liability for the disclosure of secrets and unscrupulous bankruptcy. The Soviet criminal law with its Criminal Code of the RSFSR of

1922, 1926, and 1960 also had an expanded scope of acts, which were defined as the norms of the Chapters on economic crimes. Liability for acts similar to those prohibited by the norms of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation can be found only in the last edition of the Criminal Code of the RSFSR of 1960, which was in force until 1997. Thus, the previous criminal legislation, especially the pre-Soviet criminal legislation, envisaged the liability for certain crimes similar to those prohibited by the norms of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. Having analyzed the range of crimes in the designated legislation with the use the comparison method, the author has concluded that the range of crimes had constantly been expanded. The same “expansion” was observed in the 1996 Criminal Code. The author concludes that the separate norms of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation also provide for liability for acts that, by their legal nature, do not belong to the group in question. Thus, as historical experience shows, the “expansion” of criminal law interference in the sphere of economic activity is erroneous. Currently, the liberalization of Russian criminal legislation should bring about the tendency to decriminalize acts under Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Mankova, A.G. (ed.) (1987) *Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Tekst, kommentarii* [The Council Code of 1649: Text, comments]. Leningrad: Nauka.
2. Pikalov, I.A. (2014) *Ugolovnoe pravo v skhemakh i tablitsakh: Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal Law in Diagrams and Tables: General and Special Parts]. Moscow: Eksmo.
3. Chistyakov, O.I. (1978) Pravovoe zakreplenie ekonomicheskikh zavoevaniy Oktyabr'skoy revolyutsii [The legal consolidation of the economic gains of the October Revolution]. *Vestnik MGU. Seriya 11. Pravo*. 5, pp. 13–21.
4. Chugunov, A.A. (2001) *Ugolovno-pravovaya okhrana svobody predprinimatel'skoy deyatel'nosti* [Criminal law protection of entrepreneurial activity freedom]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
5. Lozinsky, I.V. (2013) *Realizatsiya printsipov kriminalizatsii i zakonodatel'noy tekhniki v sfere bor'by s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Implementation of the principles of criminalization and legislative technology in the fight against economic crime]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Lozinsky, I.V. (2010) *Problemy realizatsii printsipov kriminalizatsii i polozheniy zakonodatel'noy tekhniki primenitel'no k normam Glavy 22 UK RF* [The problems of the implementation of criminalization principles and provisions of legislative technology in relation to the norms of Chapter 22 of the Criminal Code of Russia]. Law Cand. Diss. Tomsk.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.985.1

DOI: 10.17223/23088451/15/7

А.В. Варданян, Г.А. Варданян

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В СФЕРЕ ТЕНЕВОГО ОБРАЩЕНИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

Проанализирована правоприменительная практика, сформировавшаяся после вступления в силу ст.ст. 235.1, 238.1, 327.2 УК РФ, в части специфики выявления указанных деяний. Эмпирическое обобщение позволило определить наиболее актуальные и востребованные разновидности способов совершения преступлений в сфере теневого обращения фармацевтической продукции, которые оказались коррелятивно взаимосвязанными с соответствующими поводами для возбуждения уголовных дел о преступлениях указанной категории.

Ключевые слова: лекарственные средства, медицинские изделия, биодобавки, фармацевтическая продукция, возбуждение уголовного дела.

Реагируя на запросы теории и практики борьбы с преступностью постсоветского периода, возникновение такого нового социального явления, как экономическая преступность в служебной сфере [1, с. 67–71; 2; 3, с. 9–15], законодатель пополнил Уголовный кодекс Российской Федерации новыми составами преступлений, представляющими собой уголовно-правовые меры борьбы с повсеместным распространением медикаментов и иной фармацевтической продукции, созданной и реализуемой вопреки существующим правилам и технологиям.

После принятия Федерального закона РФ от 12 февраля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», урегулировавшего правоотношения в данной сфере, отечественный фармацевтический рынок продолжал быть переполненным фальсифицированными или недоброкачественными лекарственными средствами, медицинскими изделиями, биологически активными добавками, а также различной фармацевтической продукцией, произведенной вопреки отсутствию соответствующей лицензии либо разрешения. Достаточно вспомнить резонансные уголовные дела по обвинению О. Рассохина и других членов организованной группы, изготавливающей в особо крупных размерах фальсифицированные лекарственные средства, призванные бороться с онкологическими заболеваниями, Т. Брынцаловой, по указанию которой предприятие изготавливало ряд лекарственных средств без необходимой лицензионно-разрешительной документации. И хотя названные и иные лица были привлечены к уголовной ответственности и осуждены за иные смежные деяния, носящие более универсальный характер, очевидно, что в обществе назрела потребность в криминализации противоправных действий именно в связи с обращением теневой фармацевтической продукции, будь такие действия связаны с сокрытием данной продукции от учета, производством без лицензии или разрешения, представлением ложной информации об изготовителе или фармацевтических свойствах фармацевтических изделий, а равно представлением продукции, не отвечающей соответствующим стандартам, не прошедшей

необходимые исследования (испытания), не имеющей регистрационного удостоверения и т.д.

Итак, Федеральным законом РФ от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ были введены следующие нормы: незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235.1 УК РФ); обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238.1 УК РФ); подделка документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий (ст. 327.2 УК РФ).

Представленные нормы криминализируют различные грани теневого фармацевтического бизнеса, являясь базовыми. Их анализ показывает, что в зависимости от содержания противоправных действий в одних случаях предусматривается ответственность за действия в отношении всех форм предмета преступного посягательства (лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки), в иных случаях рамками уголовной ответственности охватываются лекарственные средства и медицинские изделия. Также наступление уголовной ответственности зависит от того, относится ли предмет преступного посягательства к фальсифицированным, недоброкачественным либо незарегистрированным препаратам. Например, с точки зрения ст. 238.1 УК РФ биологически активные добавки могут быть только фальсифицированными, тогда как лекарственные средства и медицинские изделия – фальсифицированными, недоброкачественными или незарегистрированными. С точки зрения ст. 235.1 УК РФ наказуемо производство в целях сбыта и сбыт лекарственных средств и / или медицинских изделий вопреки отсутствию лицензии, но не предусмотрена аналогичная ответственность за незаконное производство биодобавок. Кроме того, указанные нормы не исключают при наличии соответствующих оснований привлечения к уголовной ответственности и по иным статьям уголовного закона, по совокупности с ними либо без таковой, в отношении деяний, предметом пре-

ступного посягательства по которым выступают фальсифицированные (недоброкачественные, незарегистрированные) лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки.

Опыт правоприменительной практики позволяет оценить эффективность данных уголовно-правовых новелл, проанализировав реальную статистику возбуждения уголовных дел и их расследования. Казалось бы, наиболее социально опасной формой преступлений, связанных с теневым распространением различной фармацевтической продукции, представлялось серийное производство и оптово-розничный сбыт, в том числе через сеть аптечных и даже лечебно-профилактических учреждений, фальсификатов сильнодействующих лекарственных средств, имеющих высокую рыночную стоимость и пользующихся повышенным спросом у потребителей.

В то же время, анализ эмпирических материалов свидетельствует, что наиболее выявляемыми разновидностями указанных деяний являются:

- сбыт незарегистрированных лекарственных средств – 43,7%;
- незаконное производство медицинских изделий – 26,9%.

Все остальные разновидности анализируемых деяний, выступающие элементами ст.ст. 235.1, 238.1, 327.2 УК РФ, в частности производство и сбыт фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий или биодобавок, выявляются значительно реже.

Такое соотношение наиболее типичных способов совершения деяний в сфере теневого оборота фармацевтической продукции, а также присущая им обстановка (обоюдная заинтересованность сторон в совершении сделок по передаче-приобретению данной фармацевтической продукции, отсутствие пострадавших, мотивированных отстаивать свои права) вполне корреспондируют с соотношением типичных источников первичной информации о преступлении.

Как известно, стадия возбуждения уголовного дела, несмотря на продолжающуюся острую дискуссию о сущности и содержании [4, с. 109–112; 5, с. 5–11; 6, с. 13–17; 7, с. 61–69], по мнению большинства исследователей, нацелена на обеспечение гарантий защиты прав и свобод личности, в том или ином качестве вовлекаемой в уголовно-процессуальные отношения. Но для инициации данной стадии требуются определенные первичные информационные источники о признаках преступления, которые именуется в правовой и научной литературе по уголовному процессу и криминалистике поводами к возбуждению уголовного дела.

Перечень поводов для возбуждения уголовного дела приведен в ст. 140 УПК РФ, а их сущность и содержание раскрыты в ст.ст. 141–143 УПК РФ. Итак, с точки зрения уголовно-процессуального закона поводами для возбуждения уголовного дела являются: заявление о преступлении (ст. 141 УПК РФ); явка с повинной (ст. 142 УПК РФ); сообщение о преступлении, полученное из иных источников (ст. 143 УПК РФ); постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного следствия для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

Сопоставляя указанные уголовно-процессуальные нормы с материалами изученных уголовных дел, авторы пришли к выводу, что данная группа деяний фактически пополнила категорию «инициативных преступлений», т.е. раскрываемых преимущественно благодаря активной и наступательной деятельности правоохранительных органов, обладающих полномочиями по выявлению преступных деяний.

Казалось бы, производство фальсифицированных лекарственных средств рассчитано на их приобретение конечными потребителями, т.е. неопределенно широкими категориями лиц, нуждающимися в соответствующем (в том числе интенсивном) лечении. Закономерно, что квалифицированный и особо квалифицированный составы ст. 238.1 УК РФ предусматривают ответственность за неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти (а также смерти двух и более лиц). Иными словами, предполагается, что конечные потребители, не получив ожидаемого лечебного воздействия вследствие приема фальсифицированного или недоброкачественного препарата, а то и пострадав в результате неблагоприятного фармацевтического воздействия, должны обратиться с заявлением о преступлении. Однако практика показывает, что заявление о преступлении как повод для возбуждения уголовного дела встречается достаточно редко – в 8,3%. Почти не встречаются (по крайней мере в материалах изученных уголовных дел) заявления от имени частных лиц. На практике более реальны заявления от имени юридических лиц [8, с. 8–14] – официальных производителей либо аптечных учреждений, приобретших партию продукции, оказавшейся фальсифицированной.

Поскольку анализируемые деяния относятся к группе умышленных преступлений, субъектам преступления изначально присуща целеустремленность к достижению умысла, значительная часть деяний совершается под воздействием корыстной мотивации (за исключением действий в отношении орфанных препаратов, заказываемых для личного потребления либо для лечения родственников), то явка с повинной не типична. Мы говорим о явке с повинной именно как о поводе к возбуждению уголовного дела, т.е. как об источнике первичной информации о преступлении. Законодатель весьма лаконично формулирует данный повод для возбуждения уголовного дела в ст. 142 УПК РФ.

В то же время, обращаясь к системному толкованию понятия «повод для возбуждения уголовного дела», а также дифференцируя явку с повинной от возбуждения уголовного дела в результате непосредственного усмотрения следователем, органом дознания, дознавателем признаков преступления в ходе их повседневной профессиональной деятельности, очевидно, что о наличии явки с повинной как повода для возбуждения уголовного дела можно говорить, если лицо сообщает информацию о совершении им деяния, имеющего признаки преступления, о котором ранее не было известно правоохранительным органам. Если же речь идет о деянии, которое уже попало в орбиту правоохранительных органов (тем более осуществлено задержание с поличным), но лицу предлагается добровольно признать свою вину в совершенном преступлении, что

оформляется заявлением о явке с повинной, а также впоследствии трактуется как содействие следствию, то здесь нельзя говорить о явке с повинной именно как о поводе для возбуждения уголовного дела. Раскаяние, способствование раскрытию и расследованию преступлений, признание вины и дальнейшее согласие с обвинением, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, заглаживание причиненного вреда – все эти механизмы, свидетельствующие в пользу обвиняемого, тем не менее не требуют изначального оформления явки с повинной. Разумеется, отбирая у лица заявление о явке с повинной, которое нередко также дублируется протоколом о принятии явки с повинной, соответствующее должностное лицо формирует позицию подозреваемого, сущностью которой является сотрудничество со следствием. Положительно оценивая практику правомерного психологического воздействия на подозреваемого или обвиняемого с целью принятия им линии поведения, направленной на сотрудничество со следствием, тем не менее неверно говорить о том, что это лицо явилось с личным в значении повода для возбуждения уголовного дела.

Таким образом, в российском уголовном процессе термин «явка с повинной» имеет неоднозначный смысл, который иногда смешивается практическими работниками.

Как видно, абсолютное большинство анализируемых деяний возбуждается в результате наступательной деятельности правоохранительных органов [9, с. 20–24] по выявлению признаков преступлений – 91,3%. При этом в результате осуществления оперативно-розыскных мероприятий выявлено 74,6% деяний, а в результате осуществления иной профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, направленной на охрану общественного порядка и обеспечение безопасности уполномоченными сотрудниками, например патрулирования, личного досмотра транспортных средств и тому подобного – 16,7% деяний. Обычно выявление деяний по инициативе сотрудников правоохранительных органов осуществляется тогда, когда преступление не предполагает наличия в качестве потерпевших конкретных лиц либо они не способны в силу своего состояния самостоятельно проявить свою гражданскую позицию, не заинтересованы в ее выражении в силу зависимости от субъекта преступления или иных обстоятельств.

С одной стороны, это отражает профессиональную заинтересованность уполномоченных сотрудников правоохранительных органов предотвратить дальнейшую эскалацию продукции теневого фармацевтического рынка. С другой стороны, современное построение учета раскрываемости преступлений способствует такому неблагоприятному явлению, как «погоня за высокими показателями», создание видимости эффективной борьбы с преступностью за счет инициативного выявления деяний, носящих очевидный характер, не требующих долгой и кропотливой работы, т.е., говоря условно, сосредоточенности на «быстрых и легких делах» в сочетании с нежеланием осуществлять трудоемкую работу по заявлениям пострадавших о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности. Однако такая

позиция опасна злоупотреблениями полномочиями со стороны должностных лиц, уполномоченных принимать решение в стадии возбуждения уголовного дела, о чем справедливо предупреждают О.И. Андреева, В.Н. Григорьев, О.А. Зайцев, Т.В. Трубникова [10, с. 9–14].

При этом основным ресурсом выявления таких деяний выступает проведение оперативно-розыскных мероприятий, в особенности оперативного эксперимента и проверочной закупки, в том числе в рамках оперативно-тактической операции [11, с. 133–134], которые по определению предполагают моделирование ситуации, побуждающей лицо, вовлеченное в те или иные стороны оборота фармацевтических средств, совершить определенные юридически значимые действия (оцениваемые с позиции уголовного кодекса) либо отказать от их совершения. Общеизвестна тонкая грань оперативного эксперимента, как и проверочной закупки, от провокации преступления, которая далеко не всегда соблюдается на практике. До сих пор не изжиты случаи, когда объективно фигурант не совершил бы данное деяние, если бы не поддавался настойчивым уговорам и просьбам со стороны лица, действующего под контролем правоохранительных органов. Особенно неоднозначна ситуация, когда контакт с фигурантом и его побуждение на совершение определенных действий сопровождается активным психологическим воздействием – использованием эмоциональных легенд, побуждающих к сочувствию, состраданию, в особенности якобы касающихся жизни и здоровья близких лиц, в том числе ребенка и т.д. На наш взгляд, такое недопустимо, в особенности если в распоряжении правоохранительных органов отсутствуют надлежащим образом задокументированные материалы, отражающие достоверную информацию о совершении фигурантом аналогичных деяний ранее, без оказания на него какого-либо психологического воздействия.

Наиболее заметны подобные «перегибы» в случаях, когда к уголовной ответственности привлекаются родители, близкие родственники или иные близкие лица людей, страдающих редкими генетическими (орфанными) и быстро прогрессирующими заболеваниями, для лечения которых эффективны только импортные медикаменты, не поставляемые в Россию, а потому не прошедшие регистрацию на территории нашей страны. Нераспространенность этих заболеваний означает потенциальное отсутствие широкого спроса на соответствующий препарат импортного производства, а потому отсутствие инициативы со стороны государственных органов по организации процедуры его регистрации, а также проведения необходимых испытаний (исследований). Не являются заинтересованными в поставке таких препаратов и иностранные производители по причине как небольшого спроса, так и сложной процедуры регистрации препаратов на территории Российской Федерации, требующей проведения испытаний с участием определенного количества испытуемых, носящих достаточно продолжительный характер и сопровождающихся определенными финансовыми затратами. В результате родители, иные близкие родственники или близкие лица, разочаровавшиеся в сложном и гро-

моздком бюрократическом механизме законного снабжения такими препаратами, вынуждены самостоятельно заказывать их из-за рубежа. Но нередко они оказываются задержанными с поличным уже в почтовом отделении при получении почтового отправления.

С другой стороны, причастными к преступлениям этой же разновидности нередко оказываются субъекты и даже организованные группы, специализирующиеся на контрабандной поставке лекарственных средств, не зарегистрированных на территории Российской Федерации, но пользующихся спросом у населения (например, препараты Daclatasvir, Daclavir, Mprivir производства Египта, предназначенные для лечения вирусного гепатита С) с последующим их серийным сбытом заказчикам.

Типичным поводом для возбуждения уголовного дела в обоих случаях будет являться сообщение о признаках готовящегося или совершенного преступления, полученное из иных источников, сущностью которого выступает непосредственное обнаружение признаков преступления сотрудниками правоохранительного органа в ходе текущей профессиональной деятельности. Однако, осуществляя проверочные мероприятия в рамках ч. 1 ст. 144 УПК РФ, необходимо установить наличие в ставшем известном факте признаков преступления,

а именно: общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости. Рассматривая такой критерий, как виновность, нужно определить не только умысел, но и цель и мотивы деятельности лиц. Если лицо руководствовалось целью и мотивами материальной выгоды вследствие сбыта пользующихся спросом незарегистрированных лекарственных средств, то оно, безусловно, подлежит привлечению к уголовной ответственности (при условии установления в ходе расследования всех обстоятельств, подлежащих доказыванию). Если же субъект преследовал такую цель, как вынужденное обеспечение эффективным лекарственным препаратом своего тяжело больного ребенка или иного близкого лица, и при этом получение данного препарата в предусмотренном порядке требовало бы больших временных и организационных затрат, что могло бы принести гораздо больший вред здоровью лица, нуждающегося в интенсивном лечении, то налицо наличие ситуации крайней необходимости, выступающей основанием для отказа или прекращения уголовного преследования. Соответственно, при выявлении факта обращения незарегистрированных средств наряду с объективными признаками преступления не меньшую значимость приобретает доказывание субъективной стороны этого деяния, а также причин и условий совершения преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов М.Г. К вопросу о методологии исследования служебно-экономической преступности // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 2 (16). С. 67–71.
2. Пучнин А.В. Особенности расследования экономических преступлений, связанных со служебной деятельностью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012. 24 с.
3. Айвазова О.В. Криминалистические аспекты изучения юридических лиц как адекватное реагирование на современные тенденции преступности служебно-экономической направленности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 4 (83). С. 9–15.
4. Андреева О.И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 109–112.
5. Володина Л.М. Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2013. № 4. С. 5–11.
6. Азаров В.А. Целесообразно ли наличие в отечественном уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 13–17.
7. Свиридов М.К. Содержание стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 61–68.
8. Айвазова О.В. Юридическое лицо как заявитель о преступлении // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2019. С. 8–14.
9. Азаров В.А., Константинов В.В. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Российский следователь. 2013. № 11. С. 20–24.
10. Андреева О.И., Григорьев В.Н., Зайцев О.А., Трубникова Т.В. Стадия возбуждения уголовного дела: созданы ли достаточные гарантии от злоупотребления правом? // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 9–14.
11. Князьков А.С. Оперативно-тактическая операция и предмет криминалистики // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. // ред. кол.: О.И. Андреева, С.А. Елисеев, Л.М. Прозументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин, Н.С. Дергач ; Том. гос. ун-т. Томск, 2011. С. 133–134.

On Initiation of Criminal Cases in Crimes Related to the Shadow Flows of Pharmaceutical Products

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 36–40. DOI: 10.17223/23088451/15/7

Akop V. Vardanyan, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Rostov-on-the Don, Russian Federation). E-mail: avardanyan@yandex.ru

Galina A. Vardanyan, South Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-the Don, Russian Federation). E-mail: avardanyan@yandex.ru

Keywords: medicines, medical products, dietary supplements, pharmaceutical products, initiation of criminal case.

Having analyzed the law enforcement practice that emerged after Art. 235.1, 238.1, 327.2 of the Criminal Code of the Russian Federation have entered into force, the authors employ an empirical generalization to identify the most relevant and sought-after methods for committing crimes related to the shadow circulation of pharmaceutical products, which turned out to be correlatively interconnected with the corresponding reasons for initiating criminal cases in crimes of this category. Due to the Federal Law No. 532-FZ of the Russian

Federation dated December 31, 2014, the Criminal Code of Russia has included the following norms: illegal production of medicines and medical devices (Article 235.1 of the Criminal Code of Russia); circulation of counterfeit, substandard and unregistered medicines, medical devices, and circulation of counterfeit biologically active additives (Article 238.1 of the Criminal Code of Russia); forgery of documents for medicines or medical products or packages of medicines or medical products (Article 327.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). The empirical analysis allows us to conclude that the most detectable methods are: sales of unregistered drugs (43.7%); illegal production of medical devices (26.9%), and the most relevant reason for initiating a criminal case is a crime report received from other sources. The authors identify typical problem situations and propose recommendations for their minimization.

References

1. Ivanov, M.G. (2014) K voprosu o metodologii issledovaniya sluzhebno-ekonomicheskoy prestupnosti [On the methodology of economic crime investigation]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii - Vestnik of the Russian University of Cooperation*. 2(16). pp. 67–71.
2. Puchnin, A.V. (2012) *Osobennosti rassledovaniya ekonomicheskikh prestupleniy, svyazannykh so sluzhebnoy deyatelnost'yu* [Investigation of economic crimes related to official activity]. Abstract of Law Cand. Diss. Voronezh.
3. Ayvazova, O.V. (2017) Forensic aspects of legal entities as an adequate response to modern trends of crime office-economic orientation. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii – Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 4(83). pp. 9–15. (In Russian).
4. Andreeva, O.I. (2012) On the necessity of criminal case instituting in present-day criminal proceedings in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 356. pp. 109–112. (In Russian).
5. Volodina, L.M. (2013) Problemy reglamentatsii vzbuzhdeniya ugolovnoogo dela [Problems of the regulation of criminal case initiation]. *Biblioteka kriminalista*. 4. pp. 5–11.
6. Azarov, V.A. (2014) Is the stage of criminal case initiation necessary in the Russian criminal procedure? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2(4). pp. 13–17. (In Russian).
7. Sviridov, M.K. (2016) The content of the stage of instituting criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2(20). pp. 61–68. (In Russian).
8. Ayvazova, O.V. (2019) [Legal entity as a crime applicant]. In: *Kriminalistika: aktual'nye voprosy teorii i praktiki* [Forensics: topical issues of theory and practice]. Proc. of the International Conference. Rostov-on-the-Don. pp. 8–14. (In Russian).
9. Azarov, V.A. & Konstantinov, V.V. (2013) The peculiarities of investigator's using the results of operative work for proving malfeasances committed by the workers of home affairs organs. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 11. pp. 20–24. (In Russian).
10. Andreeva, O.I., Grigoriev, V.N., Zaytsev, O.A. & Trubnikova, T.V. (2018) The stage of a criminal case initiation: are there sufficient guarantees from abuse of right? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 11. pp. 9–14. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/11/2
11. Knyazkov, A.S. (2011) Operativno-takticheskaya operatsiya i predmet kriminalistiki [Tactical operation and the subject of forensics]. In: Andreeva, O.I., Eliseev, S.A., Prozumentov, L.M., Sviridov, M.K., Utkin, V.A. & Dergach, N.S. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 133–134.

УДК 343.131

DOI: 10.17223/23088451/15/8

П.О. Герцен

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛНОТЫ И ОБЪЕКТИВНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ПЕРИОД РЕЖИМА ПОВЫШЕННОЙ ГОТОВНОСТИ К ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

Рассматриваются проблемы обеспечения полноты и объективности расследования преступлений в период распространения коронавирусной инфекции в Российской Федерации: как установленные мероприятия, сдерживающие распространение инфекции, влияют на возможности осуществления предварительного расследования. В результате исследования автором делается вывод о необходимости соблюдения баланса выполнения требования всестороннего, полного и объективного расследования преступлений и права граждан на охрану жизни и здоровья при приоритете последнего.

Ключевые слова: *предварительное расследование, полнота и объективность расследования, режим повышенной готовности к чрезвычайной ситуации.*

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР определял всесторонность, полноту и объективность расследования как одно из основополагающих требований к деятельности правоохранительных органов и один из принципов уголовного процесса (ст. 20 УПК РСФСР). Данный принцип подразумевал необходимость установления всех обстоятельств дела, выявления как изобличающих виновного доказательств, так и оправдывающих его, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств. К сожалению, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ данный принцип не закреплен, а отсылки к необходимости полного и объективного установления обстоятельств дела можно вычленивать только из анализа отдельных его статей [1, с. 315]. Проблема всесторонности, полноты и объективности расследования тесно связана с проблемами достижения истины в уголовном процессе, реализации принципа состязательности и является поводом для множества дискуссий в науке уголовного процесса.

В научной литературе в настоящее время сформировалось несколько позиций относительно существования в уголовном процессе требования всесторонности, полноты и объективности расследования. Так, С.Б. Россинский выделяет три группы авторов, позиции которых выражают отношение к необходимости достижения истины в процессе, а следовательно, и к существованию требования полноты и объективности расследования: одни авторы категорически отрицают категорию истины как цели доказывания, видя в ней угрозу принципу состязательности, другие всецело поддерживают необходимость закрепления в законе истины как цели доказывания, третьи же в поисках компромисса ратуют за восстановление требования всесторонности и объективности расследования, не противопоставляя его принципу состязательности [2, с. 31–32]. Третья, наименее радикальная, позиция представляется предпочтительной. Требование полноты и объективности предварительного расследования как основополагающее руководство к деятельности следственных органов влечет за собой всестороннее установление обстоятельств дела и, как следствие, позволяет вынести законное и обоснованное решение.

М.С. Строгович определял «объективность следствия как выяснение и исследование следователем всех обстоятельств дела, как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а равно всех обстоятельств, усиливающих или смягчающих степень его ответственности» [3, с. 287]. В свою очередь, полноту следствия он определял как «исчерпывающее и полное исследование всех существенных обстоятельств дела, выяснение всех обстоятельств, которые могут иметь значение для суда при вынесении приговора». В настольной книге следователя принцип полноты расследования выражен в следующем требовании к следователю: «Не оставляй не расследованным ни одного обстоятельства, если это обстоятельство может пролить свет на преступление» [4, с. 69]. М.С. Строгович считал, что «существенным препятствием для правильного разрешения дела является односторонность, неполнота исследования», при этом «объективность следствия может быть достигнута только тогда, когда следователь производит все необходимые следственные действия» [3, с. 288]. К требованию всесторонности, объективности и полноты расследования обращается и Конституционный Суд РФ. Например, в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» Конституционный Суд РФ указал, что «досудебное производство призвано служить целям полного и объективного судебного разбирательства по делу. В результате проводимых в ходе предварительного расследования следственных действий устанавливается и исследуется большинство доказательств по делу, причем отдельные следственные действия могут проводиться только в этой процессуальной стадии» [5]. Именно на досудебном этапе должны быть изучены полно и объективно все обстоятельства дела, в том числе и в связи с тем, что ряд дел не доходит до судебных стадий и завершается вынесением следователем окончательного решения, например о прекращении уголовного дела.

Требование полноты и объективности относится к стадии предварительного расследования и не распро-

страняется на стадию возбуждения уголовного дела, задачей которой не является установление всех обстоятельств дела. В то же время в ходе проверки должен быть выполнен достаточный объем процессуальных действий для установления наличия или отсутствия поводов и оснований к возбуждению уголовного дела. Игнорирование требования о необходимости установления повода и оснований, т.е. достаточных данных, указывающих на признаки преступления, может повлечь за собой незаконное и необоснованное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении, что, в свою очередь, либо может привести к незаконному вовлечению лица в процедуры расследования преступления, либо оставит виновника безнаказанным [6, с. 54].

В настоящее время в государстве сложилась обстановка, в результате которой был актуализирован вопрос о возможности выполнения требования полноты и объективности предварительного расследования. Указами Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» [7] и от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [8] в Российской Федерации были введены нерабочие дни, а высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации отдано поручение разработать и применить на подведомственных им территориях комплекс ограничительных мер. В частности, на территории Томской области распоряжением Администрации Томской области от 18 марта 2020 г. № 156-ра «О введении режима функционирования “повышенная готовность” для органов управления и сил звеньев территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на территории Томской области» введен режим повышенной готовности и установлен ряд ограничений для жителей региона, в том числе запрет покидать место жительства, за исключением случаев, прямо указанных в распоряжении. Большинство регионов страны ввело аналогичные запреты и так называемый «режим самоизоляции» на своей территории, в связи с чем в ходе расследования уголовных дел сотрудники следственных органов столкнулись с рядом сложностей, так или иначе повлиявших на полноту и объективность расследования преступлений.

В первую очередь стоит обратить внимание на решения, принимаемые ведомственными структурами с целью ограничения распространения коронавируса среди сотрудников. Так, решением председателя Следственного комитета РФ максимально сокращено присутствие на рабочих местах женщин, проходящих службу в Следственном комитете РФ. На время самоизоляции всех женщин Следственного комитета РФ их обязанности председатель поручил выполнять в полном объеме мужчинам-офицерам. Это коснулось не только обеспечивающих структур ведомства, но и мужчин-следователей, которые должны были при необходимости принять к своему производству уголовные дела, расследуемые следователями-женщинами [9]. Таким

образом, от работы в следственных органах было отстранено около половины сотрудников, а нагрузка по расследуемым уголовным делам распределилась по сотрудникам-мужчинам. Стоит отметить, что другими следственными органами, в частности органами внутренних дел, решений об отстранении сотрудников женского пола от службы в период неблагоприятной эпидемиологической обстановки не принималось.

Большой проблемой стала опасность распространения вируса внутри отделов правоохранительных органов. Согласно временному руководству Всемирной Организации Здравоохранения от 19 марта 2020 г. «Рекомендации по помещению людей в карантин в контексте сдерживания вспышки коронавирусной болезни (COVID-19)» в случае выявления заболевания у лица его, а также лиц, которые имели с ним контакты, необходимо поместить на 14-дневный карантин [10]. В России были отмечены случаи помещения на карантин целых отделов. К примеру, отдел полиции в Челябинской области в полном составе был отправлен на карантин в связи с выявлением коронавирусной инфекции у ряда сотрудников [11]. Подобные решения, приводящие к сокращению рабочих единиц, не могли не отразиться на качестве предварительного расследования.

Проблемы функционирования правоохранительных органов в период пандемии – не единственный фактор, сказывающийся на полноте и объективности расследования. Безусловно, возникает и большое количество вопросов, которые носят процессуальный характер.

Так, практически неразрешимые ситуации возникли уже на стадии возбуждения уголовного дела. Как было отмечено ранее, проверка сообщения о преступлении хоть и не требует полного и всестороннего изучения обстоятельств дела, все же предполагает установление достаточных данных для принятия решения по материалу. В ходе проверки основными инструментами получения сведений об обстоятельствах произошедшего являются получение объяснений, осмотры, освидетельствование, привлечение специалистов и др. (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В силу установления в регионах режима повышенной готовности и вытекающей из него самоизоляции граждан следователи в отдельных случаях стали получать в ответ на вызов для дачи объяснений или для производства процессуальных действий закономерный ответ о невозможности явиться в следственный отдел в связи с установленными ограничениями. Несмотря на то, что вызов в орган расследования, который можно будет подтвердить повесткой, является уважительной причиной для оставления лицом места проживания, возникает угроза заражения вызываемого лица, т.е. угроза его жизни и здоровью. Явка следователя по месту нахождения лица для проведения процессуального или следственного действия также сопряжена с угрозой инфицирования как самого следователя, так и указанного лица.

Таким образом, следователь встает перед выбором: обеспечить выполнение требования об установлении достаточных данных для принятия решения по материалу проверки или соблюсти требование о непричинении вреда жизни и здоровью граждан. Выбор в пользу обеспечения прав человека не может не отразиться на

сроках проверки, которая не только в трехсуточный, но и в тридцати суточный срок фактически невозможна. В любом случае по истечении срока проверки следователю необходимо принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела или о его возбуждении. Следует отметить, что как решение о возбуждении, так и решение об отказе в возбуждении уголовного дела в случае, когда проверка проведена неполно, является незаконным и имеет последствием нарушение прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Последующая отмена решения об отказе в возбуждении уголовного дела позволит устранить недостатки первоначальной проверки, но следователь окажется в ловушке принятого ранее решения, ведь, возбудив дело из материала, по которому уже было принято решение об отказе, он признает первое решение незаконным. Такая практика в следственных органах воспринимается негативно, и следователь может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за вынесение незаконного решения.

Не меньшее количество проблем возникает и на стадии предварительного расследования, так как производство большинства следственных действий предполагает непосредственный контакт с участниками судопроизводства, что затруднено ограничениями в период режима самоизоляции граждан. По аналогии с ситуацией в рамках процессуальной проверки сообщения о преступлении свидетели могут не являться по вызовам следователя, а постановление следователя о приводе на практике признается незаконным и нарушающим основополагающие права граждан.

Определенные сложности в проведении следственных действий возникают в случаях, когда требуется обязательное участие защитника. Так, Совет Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката опубликовал разъяснение № 14 «Об особенностях оказания адвокатами профессиональной юридической помощи в условиях угрозы распространения в городе Москве новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)», согласно которому «недопустимо осуществление адвокатами профессиональной деятельности в условиях, создающих угрозу их жизни и здоровью. Каждый адвокат обязан неукоснительно соблюдать распространяющиеся на него в силу возраста, состояния здоровья или по иным критериям, запреты и / или ограничения, устанавливаемые решениями уполномоченных органов государственной власти и управления, включая режим самоизоляции и / или изоляции (карантина). При этом невозможность участия адвоката в судебном заседании, следственном или ином процессуальном действии в силу распространяющихся на него запретов и / или ограничений должна признаваться уважительной причиной неявки данного адвоката» [12]. На практике имели место случаи, когда адвокаты не являлись по вызовам следователя для производства следственных действий, в связи с чем возникала необходимость продления сроков предварительного расследования. Подобные ситуации имеют последствием затягивание производства по делу, нарушение требования о соблюдении разумного срока расследования, а значит и нарушение прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Особые правила работы с обвиняемыми, находящимися под стражей, установили и в органах ФСИН. Главным государственным санитарным врачом ФСИН России вынесено постановление «О введении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мер, направленных на недопущение возникновения и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», в соответствии с которым временно не предоставляются длительные и краткосрочные свидания, запрещен допуск посетителей и сотрудников УИС с повышенной температурой тела и лиц, прибывших в течение последних 14 дней из государств с неблагоприятной ситуацией с распространением коронавирусной инфекции, а также организуется и реализуется комплекс санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий [13]. Кроме того, с апреля 2020 г. в различных регионах начала работать система предварительной записи следователей и адвокатов в следственные изоляторы ФСИН России через интернет-портал fsin-vizit.ru, с помощью которого они могут удаленно занять очередь на посещение СИЗО [14]. Таким образом, посещение следователями обвиняемых, заключенных под стражу, не запрещено, в то же время с отсутствием такого запрета повышается угроза распространения коронавирусной инфекции в учреждениях ФСИН.

Особое внимание на это обратил Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, который опубликовал свод принципов [15], а также Всемирная организация здравоохранения, опубликовавшая временные рекомендации по мерам предупреждения коронавирусного заболевания (COVID-19) в местах лишения свободы и содержания под стражей [16]. В соответствии с данными актами основным требованием является реализация любых возможных мероприятий для недопущения распространения коронавирусной инфекции в учреждениях, при этом отмечаются опасность вспышки заболевания и скорость распространения инфекции в местах ограничения и лишения свободы. Выходом из сложившейся ситуации при необходимости сохранения качества предварительного расследования и обеспечения безопасности здоровья лица, содержащегося под стражей, является введение дополнительных ограничений, в том числе и для посещения учреждений системы исполнения наказаний следователями и адвокатами, которые могут стать источниками распространения инфекции, например соблюдение особых условий посещения, которые бы предполагали общение с обвиняемым через стеклянные перегородки, регулярное тестирование на коронавирусную инфекцию сотрудников правоохранительных органов и адвокатов, соблюдение масочного режима и т.д. Рекомендовано при невозможности соблюдения таких условий разработать порядок взаимодействия с использованием систем видеоконференцсвязи. Между тем подобные ограничения делают практически невозможным проведение с обвиняемым, содержащимся под стражей, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, очной ставки, что также не может не отразиться на выполнении тре-

бования о всестороннем, полном и объективном расследовании.

Лица, осуществляющие предварительное расследование, вынуждены во всех указанных случаях либо неоднократно продлевать срок предварительного расследования, либо приостановить предварительное расследование по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с тем, что место нахождения подозреваемого, обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует. Следует отметить, что приостановление расследования по такому основанию в сложившихся обстоятельствах возможно только в случае, если обвиняемый не содержится под стражей. Кроме того, приостановление уголовного дела невозможно в случае отсутствия реальной возможности участия в производстве следственных действий иных участников уголовного судопроизводства.

На основе вышеизложенного можно прийти к выводу, что лица, осуществляющие предварительное рас-

следование, столкнулись со значительными трудностями в период распространения коронавирусной инфекции. Противоречивые и не всегда последовательные ведомственные акты порождают больше вопросов, чем ответов, а отсутствие в законодательстве механизмов, позволяющих своевременно реагировать на сложившуюся ситуацию, существенно влияет на качество и сроки расследования. Первой жертвой введенного в стране режима повышенной готовности становятся всесторонность и полнота расследования, когда следователь не может провести следственные действия, необходимые для установления значимых для дела обстоятельств. Наиболее остро проблема стоит на стадии возбуждения уголовного дела в связи с ограниченными сроками проверки сообщения о преступлении. Тем не менее, когда на одной чаше весов находится полнота расследования, а на второй – человеческая жизнь, здоровье человека, приоритет должен отдаваться сохранению жизни и здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелегов Ю.В. Всесторонность, полнота и объективность исследования дела в условиях измененного баланса состязательных и розыскных начал в отечественном уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 315–319.
2. Россинский С.Б. Несколько слов о цели доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 31–34.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
4. Сафонов Г.Н. Настольная книга следователя. М., 1949. 843 с.
5. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ 08.12.2003 № 18-П // Рос. газ. 2003. 23 дек. № 257.
6. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7 (115). С. 52–66.
7. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней : Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206 // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.04.2020).
8. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.04.2020).
9. Меры по предупреждению распространения коронавирусной инфекции. URL: <https://sledcom.ru/news/3/?to=&from=&type=&dates=> (дата обращения: 03.05.2020).
10. Рекомендации по помещению людей в карантин в контексте сдерживания вспышки коронавирусной болезни (COVID-19) : временное руководство Всемирной Организации Здравоохранения от 19.03.2020 // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.04.2020).
11. Следственный отдел помещен на карантин в Челябинской области. URL: https://yandex.ru/news/story/Otdel_policii_otpravili_na_karantin_v_Chelyabinskoy_oblasti--8722c875aee8a1ddce31e3e74ec70e78?fan=1&from=newswizard&persistent_id=95343608&wizard=story (дата обращения: 20.04.2020).
12. Об особенностях оказания адвокатами профессиональной юридической помощи в условиях угрозы распространения в городе Москве новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) : разъяснение № 14 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6551/> (дата обращения: 03.05.2020).
13. О введении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мер, направленных на недопущение возникновения и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : постановление главного государственного санитарного врача ФСИН России от 30.03.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2020).
14. Система «ФСИН-ВИЗИТ» для предварительной записи следователей и адвокатов в следственные изоляторы ФСИН России. URL: <https://fsin-vizit.ru/info> (дата обращения: 03.05.2020).
15. Statement of principles relating to the treatment of persons deprived of their liberty in the context of the coronavirus disease (COVID-19) pandemic: issued on 20 March 2020 by European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. URL: <https://rm.coe.int/16809cfa4b> (дата обращения: 03.05.2020).
16. Preparedness, prevention and control of COVID-19 in prisons and other places of detention Interim guidance issued on 15 March 2020? / World Health Organization. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0019/434026/Preparedness-prevention-and-control-of-COVID-19-in-prisons.pdf (дата обращения: 03.05.2020).

Problem of Ensuring Completeness and Objectivity of the Preliminary Investigation During the Emergency Preparedness Regime *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*, 2020, no. 15, pp. 41–46. DOI: 10.17223/23088451/15/8

Polina O. Gertsen, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stenwaysfiringlight@gmail.com

Keywords: preliminary investigation, completeness and objectivity of investigation, emergency preparedness regime.

The article discusses the problem of ensuring the completeness and objectivity of preliminary investigation during the spread of coronavirus infection (COVID-19). At present, a regime of emergency preparedness has been introduced in the territory of the Russian Federation, which implies a significant number of restrictions, including the “self-isolation” regime in regions. Such restrictions makes it difficult to conduct a preliminary investigation in compliance with the requirements of completeness, objectivity and comprehensiveness, which is a principles of the criminal process that requires a comprehensive study of the circumstances. There are a number of problems that affect the completeness of the investigation, including: 1) a number of law enforcement officers are off work; the introduction of quarantine in the investigation and police departments where the cases of infection have been identified; 2) the “self-isolation” regime has been introduced in the regions of the Russian Federation, that implies a ban on free movement of citizens around the city without a good reason; 3) there are cases when defenders refuse to come and participate in the investigative actions in connection with the “self-isolation” regime; 4) restrictions on visits to the accused detained in the FSIN institutions in order to prevent the spread of infection. In this situation, it becomes impossible to conduct a preliminary investigation in compliance with the requirements of completeness and objectivity and without violating the reasonable terms of criminal proceedings. The author notes that similar problems affect the adoption of a legitimate and reasonable decision at the stage of criminal proceedings. The deadline for the crime report verification makes it impossible to provide a sufficient amount of information to make a lawful and justified decision concerning the institution of criminal proceedings or refuse to initiate a criminal case. The author concludes that it is necessary to find a balance between ensuring the completeness and objectivity of the investigation and respect for the right to life and human health, with the latter being a priority.

References

1. Shelegov, Yu.V. (2018) Comprehensiveness, completeness and objectivity of the case study in altered balance of competition and search began in the domestic criminal proceedings. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve - Gaps in Russian Legislation*. 4. pp. 315–319. (In Russian).
2. Rossinsky, S.B. (2015) A few words about the purpose of evidence in adversarial criminal proceedings. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 10. pp. 31–34. (In Russian).
3. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa* [The Soviet Criminal Process]. Vol.1. Moscow: Nauka.
4. Safonov, G.N. (1949) *Nastol'naya kniga sledovatelya* [A Handbook of Investigator]. Moscow: [s.n.].
5. The Russian Federation. (2003) Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy statey 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 i 408, a takzhe glav 35 i 39 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosami sudov obshchey yurisdiksiy i zhalobami grazhdan : postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF 08.12.2003 N 18-P [On verification of the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as Chapters 35 and 39 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with requests of courts of general jurisdiction and complaints of citizens: Decree N 18-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 8, 2003]. *Rossiyskaya gazeta*. 23rd December.
6. Bykov, V.M. (2006) Problemy stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela [Problems of the stage of criminal prosecution]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 7(115). pp. 52–66.
7. President of the Russian Federation. (2020a) *Ob ob'yavlenii v Rossiyskoy Federatsii nerabochikh dney: Ukaz Prezidenta RF ot 25.03.2020 N 206* [On the announcement of non-working days in the Russian Federation: Decree N 206 of the President of the Russian Federation of March 25, 2020]. [Online] Available from: SPS “Garant” (Accessed: 20.04.2020).
8. President of the Russian Federation. (2020b) *O merakh po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya na territorii Rossiyskoy Federatsii v svyazi s rasprostraneniem novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19): Ukaz Prezidenta RF ot 02.04.2020 N 239* [On measures to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation in connection with the spread of a new coronavirus infection (COVID-19): Decree N 239 of the President of the Russian Federation of April 2, 2020]. [Online] Available from: SPS “Garant” (Accessed: 20.04.2020).
9. The Investigative Committee of Russia. (n.d.) *Mery po preduprezhdeniyu rasprostraneniya koronavirusnoy infektsii* [Measures to prevent the spread of coronavirus infection]. [Online] Available from: <https://sledcom.ru/news/3/?to=&from=&type=&dates=> (Accessed: 03.05.2020).
10. WHO. (2020a) *Rekomendatsii po pomeshcheniyu lyudey v karantin v kontekste sderzhivaniya vspyshki koronavirusnoy bolezni (COVID-19): Vremennoe rukovodstvo Vsemirnoy Organizatsii Zdravookhraneniya ot 19 marta 2020 g.* [Guidelines for placing people in quarantine in the context of controlling the outbreak of coronavirus disease (COVID-19): Interim Guidelines of the World Health Organization March 19, 2020]. [Online] Available from: SPS “Garant” (Accessed: 20.04.2020).
11. Gazeta.ru. (2020) *Sledstvennyy otdel pomeshchen na karantin v Chelyabinskoy oblasti* [The investigative department has been quarantined in Chelyabinsk region]. [Online] Available from: https://yandex.ru/news/story/Otdel_policii_otpravili_na_karantin_v_CHelyabinskoy_oblasti-8722c875aee8a1ddce31e3e74ec70e78?fan=1&from=newswizard&persistent_id=95343608&wizard=story (Accessed: 20.04.2020).
12. The Council of the Moscow City Law Chamber. (2019) *Ob osobennostyakh okazaniya advokatami professional'noy yuridicheskoy pomoshchi v usloviyakh ugrozy rasprostraneniya v gorode Moskve novoy koronavirusnoy infektsii (2019-nCoV): raz'yasnenie № 14 Soveta Advokatskoy palaty goroda Moskvy po voprosam professional'noy etiki advokata* [On the provision of professional legal assistance by lawyers under the threat of a new coronavirus infection spread in Moscow (2019-nCoV): Clarification No. 14 of the Council of the Moscow City Law Chamber on the professional ethics of a lawyer]. [Online] Available from: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6551/> (Accessed: 03.05.2020).
13. The Federal Penitentiary Service of Russia. (2020) *O vvedenii dopolnitel'nykh sanitarno-protivoepidemicheskikh (profilakticheskikh) mer, napravlennykh na nedopushchenie vzniknoveniya i rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19): postanovlenie glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha FSIN Rossii ot 30.03.2020* [On the introduction of additional sanitary and anti-epidemic (preventive) measures aimed at preventing the occurrence and spread of a new coronavirus infection (COVID-19): Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Federal Penitentiary Service of Russia dated March 30, 2020]. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus. (Accessed: 20.04.2020).
14. The Federal Penitentiary Service of Russia. (n.d.) *Sistema “FSIN-VIZIT” dlya predvaritel'noy zapisi sledovatelye i advokatov v sledstvennye izolyatory FSIN Rossii* [The FSIN-VISIT system for pre-registering investigators and lawyers in pre-trial detention facilities of the FSIN of Russia]. [Online] Available from: <https://fsin-vizit.ru/info> (Accessed: 03.05.2020).

15. The European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. (2020) *Statement of principles relating to the treatment of persons deprived of their liberty in the context of the coronavirus disease (COVID-19) pandemic: issued on 20 March 2020 by European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/16809cfa4b> (Accessed: 03.05.2020).
16. WHO. (2020b) *Preparedness, prevention and control of COVID-19 in prisons and other places of detention Interim guidance issued on 15 March 2020*. [Online] Available from: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0019/434026/Preparedness-prevention-and-control-of-COVID-19-in-prisons.pdf (Accessed: 03.05.2020).

УДК 343.112

DOI: 10.17223/23088451/15/9

Л.Н. Масленникова, Т.Е. Сушина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДОМ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16018.*

На основе анализа судебной статистики и практики рассмотрения судами ходатайств и жалоб в досудебном производстве при возбуждении и расследовании уголовных дел сделан вывод о недостаточной эффективности данного направления судебной деятельности, предназначением которого является, прежде всего, реализация государственной гарантии на доступ к правосудию. Сформулированы актуальные проблемы обеспечения судом доступа к правосудию на начальном этапе уголовного судопроизводства, обострившиеся в условиях пандемии при длительно действующем режиме самоизоляции граждан. Выявлены причины данных проблем, внесены предложения законодательного и организационного характера, основанные на положительном опыте построения уголовного судопроизводства в зарубежных государствах и учитывающие достижения современных цифровых технологий. Использование последних позволит обеспечить дистанционное взаимодействие государственных органов (предварительного расследования, прокуратуры и суда) и населения, в том числе при наступлении обстоятельств непреодолимой силы (карантин, пандемия и др.).

Ключевые слова: доступ к правосудию, пандемия, судебный контроль, цифровые технологии.

Сегодня самой актуальной проблемой обеспечения судом доступа к правосудию на начальном этапе уголовного судопроизводства (при возбуждении и расследовании уголовного дела) является организация судебной деятельности в условиях пандемии¹ при отсутствии законодательного регулирования деятельности суда, прокурора, следователя, дознавателя в подобных случаях.

В связи с пандемией с 19 марта 2020 г. в судах введен мораторий на рассмотрение дел, за исключением дел безотлагательного характера и дел, не требующих участия сторон [1].

Результаты работы российской судебной системы за этот непродолжительный период не только выявили новые, но и обнажили ранее существовавшие проблемы, в том числе проблемы, связанные с обеспечением судом доступа к правосудию на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Суды в различных регионах Российской Федерации вынуждены действовать в зависимости от конкретной ситуации. Для населения создалось серьезные препятствия, чтобы подать документы в суд: личный прием приостановлен, большинство отделений почтовой связи закрыто. Достаточно сложно, а порой невозможно провести судебные заседания в отсутствие сторон. Прогнозируемый в условиях пандемии рост преступности² требует как судебной защиты конституционных

прав посредством правосудия, так и обеспечения доступа к правосудию. Поэтому внедрение цифровых технологий в сферу уголовного судопроизводства, направленное на дистанционное взаимодействие государственных органов между собой и с населением, сегодня оказалось как никогда актуальным, ибо стало фактором, позволяющим обеспечить доступ к правосудию граждан, находящихся в самоизоляции.

Однако следует понимать, что пандемия не является долговременным фактором. Рано или поздно она пойдет на спад и прекратится. Но не исчезнут проблемы, обострившиеся сегодняшней чудовищной эпидемиологической реальностью, в том числе проблемы в организации и регулировании судебной деятельности в уголовном судопроизводстве. При решении этих проблем будет нужно учитывать тот опыт, который мы сейчас наблюдаем и обсуждаем. Ввиду стремления людей рассредоточиться и дистанцироваться друг от друга отдаленный режим судебной деятельности, обеспечиваемый цифровыми технологиями, станет еще более востребованным. Но активному внедрению цифровых технологий, а точнее, продуктов, созданных на их основе, должна предшествовать концептуальная и законодательная проработка вопроса обеспечения доступа к правосудию, и в частности роли суда в обеспечении доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий.

Гарантия судебной защиты, закрепленная в ст. 46 Конституции Российской Федерации, обязывает государство предоставить каждому реальную возможность отстаивать в суде свои права в споре с любыми органами и должностными лицами, в том числе осуществляющими уголовное преследование. Реализация данного конституционного принципа невозможна без создания конкретных правовых механизмов, обеспечивающих доступ к правосудию.

Понятие «доступ к правосудию», несмотря на его широкое использование, законодательно не закреплено.

¹ Всемирная организация здравоохранения в марте 2020 г. объявила вспышку новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) пандемией. Распространение данной инфекции признано в России обстоятельством непреодолимой силы. См.: Указ мэра Москвы о дополнительных ограничительных мерах от 29 марта 2020. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Fmoscow%2F2020-03-29%2F100_ukaz230320.html (дата обращения: 01.04.2020).

² Например, в России появились мошенники-дезинфекторы квартир от коронавируса. В Нью-Йорке (США) вводятся войска для борьбы с возможными социальными последствиями распространения коронавируса, а население раскупает оружие для защиты от возможных нападений с целью хищения имущества.

С учетом разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации и практики Европейского Суда по правам человека можно определить, что доступ к правосудию включает в себя беспрепятственное обращение в суд, рассмотрение дела в разумные сроки законным составом суда, своевременное исполнение судебных решений [2, с. 56–67].

В уголовном судопроизводстве суд осуществляет правосудие посредством рассмотрения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных споров [3, с. 33–49]. Основным выступает уголовно-правовой спор о виновности подсудимого в инкриминируемом ему преступлении. Рассмотрение этого спора происходит в суде первой инстанции, который в порядке подготовки уголовного дела к судебному заседанию обеспечивает и доступ к правосудию. Мировой судья, разрешая заявления граждан о возбуждении уголовных дел частного обвинения, обеспечивает их доступ к правосудию. Доступ к рассмотрению уголовно-процессуальных споров в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также доступ к процедурам пересмотра судебных решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств обеспечиваются соответствующими судами (ст.ст. 389.3–389.8, 401.7, 401.8, 401.15, 415, 417 УПК РФ).

На стадиях возбуждения и расследования уголовных дел, называемых досудебным производством, или начальным этапом уголовного процесса [4, с. 137–146], доступ к правосудию любых заинтересованных участников обеспечивают органы расследования под надзором прокурора и суд. Деятельность суда в досудебном производстве в уголовно-процессуальной теории получила название судебного контроля [5, с. 181–190].

Нынешний судебный контроль осуществляется в форме рассмотрения жалоб и ходатайств. Уголовно-процессуальные споры по жалобам (ст.ст. 125, 125.1 УПК РФ) направлены на восстановление нарушенных прав и свобод лиц и не затрагивают уголовно-правового спора о виновности. Признавая незаконными действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора, затрудняющие (блокирующие) доступ к правосудию, суд восстанавливает нарушенное право на доступ к правосудию, чем и обеспечивает доступ к правосудию.

По ходатайствам органов предварительного расследования и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, суд принимает решения о мерах процессуального принуждения, о даче разрешений на проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, о проверке законности проведенных следственных действий, обеспечивая тем самым доступ к правосудию и само правосудие. Также суд в ходе досудебного производства разрешает ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовно-го преследования и назначении судебного штрафа. В последнем случае суд не обеспечивает доступ к правосудию в смысле рассмотрения уголовно-правового спора, а оценивает достаточность оснований для отказа от правосудия в связи с назначением меры уголовно-правового характера (ст. 446.2 УПК РФ).

Деятельность суда в досудебном производстве – в достаточной мере востребованный правовой институт, поскольку уголовно-процессуальный закон требует судебных решений для производства следственных и иных действий, затрагивающих конституционные права граждан, и предоставляет возможность лицам (физическим и юридическим) оспаривать действия (бездействие) и решения государственных органов, затрудняющих (затруднивших) доступ к правосудию.

Количество обращений в суды из года в год возрастает. Статистика рассмотрения судом ходатайств об избрании мер пресечения и применении иных обеспечительных мер выглядит достаточно убедительно. Судами удовлетворяется 90–95% таких ходатайств. Ходатайства о проведении оперативно-розыскных мероприятий удовлетворяются почти на 99%. Аналогичным образом выглядит статистика по ходатайствам о признании законными следственных действий, проведенных в случаях, не терпящих отлагательства¹.

На этом фоне результативность судебной деятельности по жалобам выглядит иначе. За последние десять лет судами ежегодно рассматривалась по существу только каждая пятая жалоба, или 20% всех поступивших жалоб. Производство по 80% жалоб прекращалось, жалобы возвращались заявителю или передавались по подсудности. Основания прекращения производства по жалобам и основания, по которым жалобы возвращались заявителю, статистика не учитывает.

Из числа рассмотренных по существу жалоб удовлетворена каждая четвертая жалоба. Основания удовлетворения жалоб и виды обжалуемых решений в статистике также не отражены, а потому сегодня крайне затруднительно однозначно ответить на вопрос о том, как суд посредством судебного контроля по жалобам обеспечивает доступ к правосудию. При этом анализ даже имеющихся статистических данных убедительно свидетельствует о том, что деятельность суда на начальном этапе уголовного судопроизводства, направленную на обеспечение конституционного права на доступ к правосудию, нельзя признать эффективной.

Анализ уголовно-процессуального законодательства и судебной практики позволил выявить ряд проблем, с которыми сталкиваются суды и заинтересованные участники уголовно-процессуальных отношений при рассмотрении жалоб и ходатайств. Эти проблемы обусловлены как концептуальными упущениями, так и недостатками правового регулирования.

Проблемы концептуального характера связаны с тем, что суд, рассматривающий на начальном этапе уголовного судопроизводства жалобы и ходатайства, не получил в УПК РФ статус самостоятельного судебного органа, наделенного этой единственной функцией. В настоящее время суд совмещает функцию рассмот-

¹ Выводы сделаны на основании анализа сводных статистических данных, отображенных в отчетах о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2009–2018 гг. Статистика ходатайств о прекращении в досудебном производстве уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа не ведется. См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 31.03.2020).

рения дела по существу и функцию судебного контроля. К судебному контролю суд на уровне правоприменения относится весьма формально, практически всегда удовлетворяя ходатайства государственных органов, предвещая тем самым исход рассмотрения уголовного дела и отказывая в удовлетворении жалоб, оставляя без внимания доводы их инициаторов.

УПК РСФСР 1960 г. содержал запрет на участие суда (судьи) в рассмотрении дела по существу, если он проверял законность и обоснованность ареста или продления срока содержания под стражей (ст. 60). Отказавшись от этого, законодатель исходил из того, что суд в досудебном производстве рассматривает процессуальные вопросы и не затрагивает существа уголовно-правового спора¹.

Вместе с тем осуществление одним и тем же судом (судьей) полномочий по судебному контролю в досудебном производстве и рассмотрению им того же уголовного дела по существу в качестве суда первой инстанции, вне всяких сомнений, создает дополнительные риски для объективной оценки справедливости принятых судебных решений.

При совмещении функции по судебному контролю и рассмотрению уголовного дела по существу суд (судья) не может быть беспристрастным субъектом уголовного процесса, так как при рассмотрении уголовного дела по существу он связан своими же решениями, принятыми в досудебном производстве. В частности, высказанная судом (судьей) позиция о необходимости применения обеспечительных мер по уголовному делу ставит под сомнение способность этого же суда (судьи) непредвзято оценить при рассмотрении по существу того же уголовного дела фактические обстоятельства, которым уже была дана оценка в досудебном производстве.

Более того, многие суды (судьи) воспринимают судебный контроль не как равнозначное, а как вспомогательное направление судебной деятельности, принося значение ее результатов для обеспечения доступа к правосудию и для правосудия.

Данный вывод подтверждается приведенным выше анализом судебной статистики, убедительно свидетельствующей о том, что практически все ходатайства органов уголовного преследования удовлетворяются. Напротив, большинство жалоб даже не рассматривается по существу. Более того, достаточно часто суды (судьи) ввиду загруженности и иных причин затягивают сроки рассмотрения жалоб до окончания предварительного расследования по уголовному делу и направления уголовного дела в суд первой инстанции. Это, в свою очередь, влечет прекращение производства по жалобам. С учетом того что жалоба может быть подана в суд и одновременно прокурору или руководителю следственного органа, суды при удовлетворении жалобы в рамках ведомственного контроля или прокурорского надзора выносят постановления об отказе в принятии жалобы к рассмотрению либо прекращении производства по жалобе.

К проблемам законодательного регулирования относятся разрозненность в УПК РФ правовых норм о контрольных полномочиях суда (судьи) в досудебном производстве, нечеткое определение предмета обжалования, предмета и пределов доказывания по жалобам, процессуального статуса участников судебного заседания, включая прокурора. Требуют уточнения вопросы о распределении бремени доказывания между заявителями и лицами, чьи действия (бездействие) или решения обжалуются, об участии суда в доказывании, об особенностях реализации принципа состязательности, о механизме принятия судом решений по жалобам.

Обозначенные проблемы активно обсуждаются в юридической науке. Единой точки зрения по вопросам предназначения и перспектив развития судебной деятельности на начальном этапе уголовного судопроизводства при возбуждении уголовного дела и его расследовании (судебного контроля) пока не выработано. При всем многообразии взглядов можно выделить два основных направления, по которым ведутся дискуссии.

Сторонники первого направления предлагают называть судебный контроль правосудием, осуществляемым в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, и спорят с оппонентами, утверждающими, что судебный контроль правосудием не является [6, с. 40–65; 7, с. 8–9; 8, с. 7; 9, с. 67–69; 10, с. 224–227; 11, с. 10; 12, с. 596–610; 13, с. 330–332].

Мы разделяем точку зрения о том, что деятельность суда в досудебном производстве отличается от деятельности суда в судебном разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции, прежде всего по функциональному предназначению. Полагаем, что деятельность суда на начальной стадии уголовного процесса при возбуждении и расследовании уголовных дел является самостоятельной функцией судебной власти, направленной на обеспечение доступа к правосудию. Обеспечение судом доступа к правосудию достигается путем рассмотрения ходатайств о применении обеспечительных мер (мер процессуального принуждения и решений относительно производства следственных и иных действий) и путем рассмотрения уголовно-процессуальных споров по жалобам на действия (бездействие) и решения государственных органов, которые препятствуют доступу к правосудию.

Второе направление научных дискуссий связано с обсуждением вопросов о целесообразности расширения института судебного контроля либо сохранения его в прежнем виде. Суть этих дискуссий сводится к попыткам построить оптимальную модель досудебного производства, обеспечивающую реализацию права граждан на доступ к правосудию.

Авторы, выступающие за расширение контрольных полномочий суда на начальном этапе уголовного судопроизводства, предлагают ввести в уголовный процесс следственного судью, наделив его полномочиями арбитра в уголовно-процессуальных спорах и полномочиями по судебному санкционированию [14, с. 26–27; 15; 16, с. 41–45; 17; 18].

Противники данной идеи, наоборот, считают, что судебный орган в силу его независимости и верховенства вообще не должен быть никак связан с досудеб-

¹ Такая правовая позиция высказана Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 02.07.1998 № 20-П, определениях от 01.11.2007 № 800-О-О и от 17.06.2008 № 733-О-П.

ным производством. Поэтому стоит ограничиться ныне существующей процедурой судебного контроля. Следственный судья столкнется с теми же проблемами предварительного расследования, которые сегодня пытаются преодолеть судьи при осуществлении судебного контроля [19, с. 3–7; 20, с. 29–35].

Некоторые авторы предлагают принять во внимание опыт дореволюционной России, связанный с появлением с 1864 г. в судах судебных следователей [21; 22, с. 15–20]. Судебный следователь в те годы был должностным лицом судебного ведомства и осуществлял предварительное следствие по уголовным делам. В настоящее время совмещение данных функций в одном лице расценивалось бы как нарушение принципа состязательности сторон судопроизводства, предусматривающего разграничение в уголовном процессе функций осуществления правосудия, обвинения и защиты.

Полагаем, что самостоятельный судебный орган может и должен стать эффективным элементом механизма, обеспечивающего доступ к правосудию на начальном этапе уголовного судопроизводства. Это станет возможным при условии выделения в системе судов общей юрисдикции судов (судебных органов), для которых осуществление судебной деятельности по рассмотрению ходатайств и жалоб при возбуждении и расследовании уголовных дел будет единственной функцией, не связанной с рассмотрением по существу уголовно-правового спора о виновности в суде первой инстанции.

Анализ законодательства зарубежных стран применительно к особенностям уголовно-процессуальной деятельности суда в досудебном производстве свидетельствует о том, что в ряде государств – участников СНГ признается особая роль суда как наиболее эффективного средства восстановления нарушенных прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Стоит отметить, что после обретения независимости ни одно из бывших союзных государств не приняло на себя, как Российская Федерация, конституционной обязанности по обеспечению доступа к правосудию¹. При этом в конституциях бывших союзных государств закреплено право на обжалование в суд решений, действий (бездействия) органов государственной власти (их должностных лиц). Для реализации этого права Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Украина, Молдова, Армения и страны Прибалтики ввели в уголовный процесс должность следственного судьи, назвав его, к примеру, в Грузии судьей-магистратом, в Молдове – судьей по уголовному преследованию, в Эстонии – судьей по предварительному следствию.

При некоторых отличиях процессуального статуса таких судей можно выделить общие аспекты, характеризующие их деятельность. К числу последних относятся наделение следственных судей полномочиями:

– по разрешению вопросов об избрании мер пресечения и проведении следственных действий, затрагивающих конституционные права и свободы граждан;

– по проверке законности следственных действий, проведенных в случаях, не терпящих отлагательства;

– по рассмотрению жалоб о нарушениях органами уголовного преследования (их должностными лицами) охраняемых законом прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц;

– по рассмотрению ходатайств органов предварительного расследования о депонировании показаний [23, с. 672–678; 24, с. 84–91].

Государства СНГ, сделавшие выбор в пользу следственного судьи, однозначно определились с процедурой наделения его полномочиями и отношением к судебному корпусу, рассматривающему уголовные дела по существу в качестве судов первой инстанции. Следственные судьи назначаются на данную должность и наделяются полномочиями в том же порядке, что и другие судьи, но не вправе участвовать в рассмотрении уголовных дел по существу.

Правовой институт следственного судьи функционирует во Франции, Испании, Греции, Федеративной Республике Германии, Австрийской Республике, Бельгии, Нидерландах и ряде других зарубежных государств. Однако в этих странах сложилась совсем иная, чем в России, модель досудебного производства, в которой единственным субъектом предварительного расследования является прокурор. Следственный судья также принимает активное участие в расследовании, но осуществляет свою деятельность только при обращении к нему прокурора с соответствующим ходатайством. Участие одного и того же судьи в досудебном и судебном производстве по уголовному делу не допускается [25; 26, с. 19–20; 27].

Таким образом, во многих зарубежных государствах усиление роли суда в досудебном производстве привело к появлению следственного судьи как независимого судебного органа, обеспечивающего доступ к правосудию.

Отдавая себе отчет в том, что зарубежный опыт не является уникальным и безукоризненным, стоит признать, что в целом разделение в одном судебном органе контрольной функции, направленной на обеспечение правосудия, и функции по осуществлению правосудия оправдывает себя.

При разделении функций судебного контроля и рассмотрения уголовного дела по существу суд на начальном этапе уголовного судопроизводства при возбуждении и расследовании уголовного дела станет гарантом обеспечения доступа к правосудию. В таком случае можно предположить, что суд при рассмотрении ходатайств и жалоб будет занимать более объективную позицию, принимая справедливые решения, которые, в свою очередь, окажут позитивное влияние на осуществление правосудия при рассмотрении уголовно-правового спора по существу.

В УПК РФ следует ввести понятие «судебный орган (суд), обеспечивающий доступ к правосудию», объединив все правовые нормы о полномочиях суда в досудебном производстве (ст.ст. 29, 101, 105.1, 106–109, 114, 115, 115.1, 116–118, 125, 125.1, 126, 127, 165, 214.1 УПК РФ, ст. 9 ФЗ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ст.ст. 26, 27 ФЗ от 02.12.1990

¹ О доступе к правосудию, но в ином контексте, упомянуто лишь в ч. 2 ст. 20 Конституции Республики Молдова, согласно которой право на доступ к правосудию не может быть ограничено никаким законом. См.: Конституция Республики Молдова. Разд. 2. URL: <http://www.presedinte.md/titulul2#1> (дата обращения: 21.03.2020).

№ 395-1 «О банках и банковской деятельности» и др.) в одну главу УПК РФ и устранив пробелы в регулировании данного правового института с учетом его специфики. Теоретическое понятие «судебный контроль» представляется неверным, так как оно не отражает сущностных особенностей данной формы судебной деятельности. Контроль включает проведение проверочных мероприятий или наблюдение с целью проверки [28, с. 251] при отсутствии спора сторон и состязательных процедур.

Для того чтобы деятельность суда в досудебном производстве максимально способствовала предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий, а также упрощала механизм защиты прав граждан в любых условиях, включая наступление обстоятельств непреодолимой силы, необходимо на законодательном и организационном уровнях обеспечить возможность дистанционной подачи в суд не только жалоб граждан, но и ходатайств.

Расширению состязательности в досудебном производстве будет способствовать наделение правом подачи ходатайств о применении обеспечительных мер не только дознавателя и следователя, но и иных заинтересованных участников. К числу таких ходатайств можно отнести ходатайство потерпевшего (его представителя) о наложении ареста на имущество обвиняемого, ходатайство защитника о депонировании показаний свидетеля защиты, в допросе которого на предварительном следствии отказано, а обеспечить его явку в суд стороне защиты не сможет по уважительным причинам.

Ходатайства о депонировании показаний потерпевшего или свидетелей, если существует большая вероятность того, что они не смогут явиться в судебное заседание либо в отношении них будут приняты меры безопасности, могут быть инициированы и лицами, осуществляющими уголовное преследование.

Нужно более активно использовать для проведения судебных заседаний возможности видеоконференцсвязи,

так как законодательных препятствий к этому нет и техническая оснащенность большинства судов соответствует современным вызовам [29, с. 503–512]. Важно, чтобы другие государственные органы (расследования, прокуратуры), а также население страны технически были способны к дистанционному общению.

В условиях самоизоляции, карантина или наступления иных чрезвычайных обстоятельств вопрос о форме участия в судебном заседании должен решаться судом с предоставлением всем заинтересованным лицам реальной возможности изложить свою позицию по жалобе или ходатайству. В подобных ситуациях суды должны сами инициировать проведение судебных заседаний с использованием систем видеоконференцсвязи.

Важным шагом станет корректировка статистической отчетности судов за счет включения в нее не только числа удовлетворенных обращений и обращений, в удовлетворении которых отказано, но и выделения из общего числа обращений жалоб на действия (бездействие) и решения, затрудняющие доступ к правосудию. Также нужно вести статистику жалоб и ходатайств, поступивших посредством электронных каналов связи, и количества судебных заседаний, проведенных в режиме видеоконференцсвязи. (С 2016 г. уже ведется общая статистика всех судебных заседаний, проведенных в суде первой инстанции с использованием видеоконференцсвязи, т.е. судебные заседания по материалам досудебного производства и по уголовным делам не разделены [30].)

Реализация данных предложений позволит, на наш взгляд, создать четкий механизм защиты судом конституционных прав личности в досудебном производстве при возбуждении и расследовании уголовных дел, в том числе обеспечить доступ к правосудию (рассмотрению уголовно-правового спора) путем рассмотрения уголовно-процессуальных споров по ходатайствам и жалобам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Постановление* Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 18.03.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2020).
2. *Вилкова Т.Ю.* Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве: правовые позиции Европейского Суда по правам человека // *Lex Russica*. 2019. № 12. С. 56–66.
3. *Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве* / отв. ред. Л.Н. Масленникова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. 384 с.
4. *Масленникова Л.Н.* Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 6. С. 137–146.
5. *Воскобитова Л.А.* Теоретические основы судебной власти: учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 288 с.
6. *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 24 с.
7. *Муратова Н.Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 25 с.
8. *Рыжих А.Н.* Полномочия суда на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
9. *Абаиева Ф.А., Зинатуллин З.З.* Правосудие по уголовным делам: может ли оно быть досудебным // *Российская юстиция*. 2008. № 12. С. 67–70.
10. *Лалиев А.И.* Судебный контроль и правосудие: понятие, признаки, проблемы соотношения // *Общество и право*. 2010. № 3. С. 224–227.
11. *Носкова Е.В.* Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 23 с.
12. *Колоколов Н.А.* Сущность судебного контроля // *Уголовное судопроизводство: теория и практика*. М. : Юрайт, 2011. 1038 с.
13. *Луценко П.А.* Правосудие и судебный контроль: концептуальные подходы к соотношению дефиниций // *Вестник Воронежского государственного аграрного университета*. 2013. № 4. С. 330–332.

14. Коган В.М. Почему бы не быть следственному судье? // Советская юстиция. 1988. № 7. С. 26–27.
15. Морщакова Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/documents/nauka/document-622573> (дата обращения: 03.05.2020).
16. Ковтун Н.Н. Следственный судья: за и против // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 41–45.
17. Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (дата обращения: 03.05.2020).
18. Александров А.С., Ковтун Н.Н., Грачев С.А. и др. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации. URL: <https://www.iuaj.net/node/1766> (дата обращения: 03.05.2020).
19. Быков В.М., Манова Н.С. Следственный судья: дискуссия продолжается // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3. С. 3–7.
20. Амирбеков К.И. Следственный судья, следователь, дознаватель и прокурор в досудебном производстве современного уголовного процесса: статус и полномочия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 4. С. 29–35.
21. Рощина Ю.В. Судебный следователь в уголовном процессе дореволюционной России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 152 с.
22. Ковтун Н.Н. О понятии и содержании понятия «судебный следователь» // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 15–20.
23. Идиоров Е.И. Становление института следственного судьи: некоторые особенности казахстанского уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 672–678.
24. Коновалов С.Г. Новый УПК Киргизии: важнейшие изменения и перспективы реализации // Уголовный процесс. 2017. № 12. С. 84–91.
25. Быкова Е.В. Судебный контроль за предварительным расследованием преступлений во Франции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 173 с.
26. Коновалов С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 24 с.
27. Ковалев Н. Заключение под стражу по решению суда в ряде европейских стран (Германия, Италия, Англия, Франция). URL: <https://journal.zakon.kz/203496-zakljuchenie-pod-strazhu-po-resheniju.html> (дата обращения: 03.05.2020).
28. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1985. 797 с.
29. Вилкова Т.Ю., Таболина К.А. Применение цифровых технологий в уголовном судопроизводстве // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник для вузов : в 2 ч. / Г.М. Резник [и др.]. М., Юрайт, 2019. Ч. 2. 517 с.
30. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 20.04.2020).

Topical Problems of the Court's Access to Justice in the Initiation and Investigation of Criminal Cases

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 47–53. DOI: 10.17223/23088451/15/9

Larisa N. Maslennikova, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mln1954@yandex.ru

Tatiana E. Sushina, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: suschin2011@yandex.ru

Keywords: access to justice, pandemic, judicial control, digital technology.

In the context of self-isolation, quarantine, or other emergency circumstances, the question of the form of participation in the court session ought to be decided by the court with the possibility for all interested parties to express their position on the complaint or petition. In such situations, courts are to initiate hearings using video conferencing systems. It is important to adjust court statistics by including not only indicators of the allowed and dismissed applications, but also by specifying the number of complaints about action (inaction) and decisions that impede access to justice from the total number of applications. It is also required to keep statistics of complaints and petitions received through electronic communication channels, and consider the number of court hearings held in videoconferencing mode. The measures will create a clear mechanism for the court to protect the constitutional rights of an individual in pre-trial proceedings when initiating and investigating criminal cases, including access to justice (criminal lawsuits) through criminal procedural disputes on petitions and complaints.

References

1. The Supreme Court of the Russian Federation, The Council of Judges of the Russian Federation. (2020) *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i Prezidiuma Soveta sudey Rossiyskoy Federatsii ot 18.03.2020* [Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation and the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation of March 18, 2020]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347974/ (Accessed: 03.05.2020).
2. Vilкова, Т.Ю. (2019) Access to justice in criminal proceedings: legal stances of the European Court of Human Rights. *Lex Russica*. 12. pp. 56–66. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.157.12.056-067
3. Maslennikova, L.N. (ed.) (2017) *Dokazyvanie i prinyatie resheniy v sostyazatel'nom ugolovnom sudoproizvodstve* [Proof and decision-making in adversarial criminal proceedings]. Moscow: Norma; INFRA-M.
4. Maslennikova, L.N. (2019) Transformation of pre-trial proceedings in the initial stage of criminal proceedings, ensuring access to justice in the industry 4.0 era. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 6. pp. 137–146. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146
5. Voskobitova, L.A. (2020) *Teoreticheskie osnovy sudebnoy vlasti* [Theoretical Foundations of Judiciary]. Moscow: Norma; INFRA-M.
6. Kovtun, N.N. (2002) *Sudebnyy kontrol' v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: Ponyatie, sushchnost', formy* [Judicial control in the criminal proceedings of Russia: Concept, essence, form]. Abstract of Law Dr. Diss. Nizhny Novgorod.
7. Muratova, N.G. (2004) *Sistema sudebnogo kontrolya v ugolovnom sudoproizvodstve: voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki* [The system of judicial control in criminal proceedings: theory, legislative regulation and practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Ekaterinburg.
8. Ryzhikh, A.N. (2008) *Polnomochiya suda na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsesssa* [The powers of the court at the pre-trial stages of the criminal process]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.

9. Abasheva, F.A. & Zinatullin, Z.Z. (2008) Pravosudie po ugovolnym delam: mozhet li ono byt' dosudebnym [Justice in criminal cases: can it be pre-trial]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 12. pp. 67–70.
10. Laliev, A.I. (2010) Judicial control and justice: notion, signs, problems of correlation. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 3. pp. 224–227. (In Russian).
11. Noskova, E.V. (2011) *Proizvodstvo po rassmotreniyu i razresheniyu sudom zhalob v poryadke stat'i 125 UPK RF* [Proceedings for consideration and resolution by a court of complaints in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
12. Kolokolov, N.A. (2011) Sushchnost' sudebnogo kontrolya [The essence of judicial control]. In: Kolokolov, N.A. (ed.) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika* [Criminal Proceedings: Theory and Practice]. Moscow: Yurayt.
13. Lutchenko, P.A. (2013) Public justice and judicial control: conceptual approaches to the definitions co-relation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Vestnik of Voronezh State Agrarian University*. 4. pp. 330–332. (In Russian).
14. Kogan, V.M. (1988) Pochemu by ne byt' sledstvennomu sud'e? [Why there not be an investigative judge?]. *Sovetskaya yustitsiya*. 7. pp. 26–27.
15. Morshchakova, T.G. (n.d.) *O kompetentsii i poryadke formirovaniya instituta sledstvennykh sudey v Rossiyskoy Federatsii* [On the competence and procedure for the formation of the investigative judges institution in the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://genproc.gov.ru/documents/nauka/document-622573> (Accessed: 03.05.2020).
16. Kovtun, N.N. (2010) Investigating magistrate in criminal proceedings: pro et contra. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 9. pp. 41–45. (In Russian).
17. Smirnov, A.V. (n.d.) *Vozrozhdenie instituta sledstvennykh sudey v rossiyskom ugovolnom protsessе* [The revival of the institute of investigative magistrates in the Russian criminal process]. [Online] Available from: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html (Accessed: 03.05.2020).
18. Aleksandrov, A.S., Kovtun, N.N., Grachev, S.A. et al. (n.d.) *Doktrinal'naya model' ugovolno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiyskoy Federatsii* [The doctrinal model of criminal procedural evidence of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.iuaj.net/node/1766> (Accessed: 03.05.2020).
19. Bykov, V.M. & Manova, N.S. (2015) Investigating judge: The debate continues. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. 3. pp. 3–7. (In Russian).
20. Amirbekov, K.I. (2015) Sledstvennyy sud'ya, sledovatel', doznatel' i prokuror v dosudebnom proizvodstve sovremennogo ugovolnogo protsessa: status i polnomochiya [Investigating judge, investigator, inquiry officer and prosecutor in pre-trial proceedings of the modern criminal process: status and powers]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 4. pp. 29–35.
21. Roshchina, Yu.V. (2006) *Sudebnyy sledovatel' v ugovolnom protsesse dorevolutsionnoy Rossii* [Judicial investigator in the criminal process of pre-revolutionary Russia]. Law Cand. Diss. Moscow.
22. Kovtun, N.N. (2010) O ponyatii i soderzhanii ponyatiya "sudebnyy sledovatel'" [On the concept and content of the concept of "judicial investigator"]. *Rossiyskiy sudya – Russian Justice*. 5. pp. 15–20.
23. Idiroy, E.I. (2014) Stanovlenie instituta sledstvennogo sud'i: nekotorye osobennosti kazakhstanskogo ugovolnogo protsessa [Formation of the institute of an investigating judge: some features of the Kazakhstan criminal process]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 4. pp. 672–678.
24. Konovalov, S.G. (2017) Novyy UPK Kirgizii: vazhneyshie izmeneniya i perspektivy realizatsii [The new Code of Criminal Procedure of Kyrgyzstan: major changes and prospects for implementation]. *Ugolovnyy protsess*. 12. pp. 84–91.
25. Bykova, E.V. (1996) *Sudebnyy kontrol' za predvaritel'nym rassledovaniem prestupleniy vo Frantsii* [Judicial control over the preliminary investigation of crimes in France]. Law Cand. Diss. Moscow.
26. Konovalov, S.G. (2018) *Elementy germanskoy modeli dosudebnogo proizvodstva v ugovolnom protsesse postsovetkikh gosudarstv* [Elements of the German model of pre-trial proceedings in the criminal process of post-Soviet states]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
27. Kovalev, N. (n.d.) *Zaklyuchenie pod strazhu po resheniyu suda v ryade evropeyskikh stran (Germaniya, Italiya, Angliya, Frantsiya)* [Detention by court order in several European countries (Germany, Italy, England, France)]. [Online] Available form: <https://journal.zakon.kz/203496-zakljuchenie-pod-strazhu-po-resheniju.html> (Accessed: 03.05.2020).
28. Ozhegov, S.I. (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
29. Vil'kova, T.Yu. & Tabolina, K.A. (2019) Primenenie tsifrovyykh tekhnologiy v ugovolnom sudoproizvodstve [Digital technology in criminal proceedings]. In: Reznik, G.M. et al. *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiyskoy Federatsii v 2 ch.* [Criminal Procedure Law of the Russian Federation in 2 parts]. Moscow: Yurayt.
30. The Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2019) *Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii po rassmotreniyu ugovolnykh del po pervoy instantsii* [Report on the work of courts of general jurisdiction in considering criminal cases in the first instance]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls (Accessed: 20.04.2020).

К.В. Муравьев

МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, СОСТОЯЩИЕ В ИЗОЛЯЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО: РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Констатируется, что в отечественном законодательстве получили отражение международные стандарты применения задержания и заключения под стражу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Сделаны предложения по совершенствованию УПК РФ и корректировке разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, направленные на усиление процессуальных гарантий прав участников уголовного судопроизводства, не достигших взрослого возраста.

Ключевые слова: задержание, заключение под стражу, международный стандарт, мера пресечения, несовершеннолетний.

Российская Федерация ратифицировала ряд документов в области охраны прав и свобод несовершеннолетних. Тем самым наше государство взяло на себя обязательство привести национальное законодательство в соответствие с международными стандартами. Особого внимания потребовала защита прав и интересов подростков, соприкасающихся с уголовным судопроизводством. В этой сфере при наличии оснований допускается применение мер процессуального принуждения, в том числе состоящих в изоляции подозреваемого, обвиняемого – задержание, заключение под стражу [1]. Международный опыт работы с несовершеннолетними правонарушителями во многом воспринят отечественной правовой системой. По отдельным аспектам оптимизация российского законодательства может быть продолжена.

Так, в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, указывается, что содержание под стражей лиц, не достигших совершеннолетия, должно применяться лишь в качестве «крайней меры и в течение кратчайшего периода во времени» (п. 13.1); предлагается во всех возможных случаях заменять содержание под стражей альтернативными мерами (п. 13.2) [2]. Аналогичная рекомендация содержится в Конвенции о правах ребенка: «арест, задержание или тюремное заключение ребенка осуществляются согласно закону и используются лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени» (п. «b» ст. 37).

Отечественный законодатель стремится обеспечить предложенный международными стандартами уровень охраны прав и интересов лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Согласно ч. 2 ст. 423 УПК РФ «при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр». Данная мера принуждения состоит в обеспечении надлежащего поведения подростка родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится (ст. 105 УПК РФ). Тем самым сделана попытка реализовать

идею во всех возможных случаях заменять содержание под стражей другими, альтернативными мерами, направленными на воспитание несовершеннолетних и не связанными с изъятиями из семей [3, с. 24–25].

Вместе с тем правовая регламентация присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым имеет существенные недостатки. В правоприменении же в отношении данной меры принуждения сложились негативные стереотипы. В частности, отсутствует алгоритм действий следователя или дознавателя по определению лиц, на которых могут быть возложены обязанности по осуществлению присмотра, выявлению и процессуальному оформлению (фиксации) фактов невыполнения ими принятого обязательства и последствий этого, в связи с чем данное средство воздействия на практике применяется крайне редко. По данным исследователей, среди иных мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых доля «присмотра» составляет лишь около 6,7%. При этом заключение под стражу используется следователями и дознавателями в 2,5 раза чаще: его удельный вес находится у отметки 16,4% [4, с. 3–4, 228]. Таким образом, идея применения в отношении подростков заключения под стражу как «крайней меры» не нашла должной реализации.

Следует обратить внимание, что в настоящее время в российском парламенте находится проект Федерального закона № 679268-6, в соответствии с которым к несовершеннолетним правонарушителям предлагается применять новую меру пресечения – помещение в центры временного содержания органов внутренних дел несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений небольшой, средней тяжести или тяжких преступлений, за исключением тяжких преступлений, указанных в ч. 5 ст. 92 УК РФ, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности [5]. В случае реализации данного законопроекта будут созданы условия для более четкой дифференциации подходов к выбору меры пресечения [6, с. 336]. Это усилит гарантии прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, что в целом соответствует требованиям Пекинских правил, которые определяют, что использование карательных

санкций к данной категории лиц должно быть ограничено с учетом тяжести правонарушения и особенностей личности несовершеннолетнего, и призывают государства к поиску новаторских средств соблюдения баланса правосудия и интересов несовершеннолетнего, с тем чтобы избежать содержания последнего под стражей до суда в интересах его благополучия [7].

Л.И. Лавдаренко справедливо отмечает, что в действующем уголовно-процессуальном законе России отсутствуют предписания об исключительности применения задержания и заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего [3, с. 24–25]. Такие установки содержались ранее в ст. 393 УПК РСФСР 1960 г. Согласно же ч. 1 ст. 423 УПК РФ рассматриваемые меры принуждения «производятся в порядке, установленном ст.ст. 91, 97, 99, 100 и 108 Кодекса», т.е. по обычным правилам, применяемым к взрослым подозреваемым, обвиняемым.

Отдельные изъятия из указанного правила содержит ч. 2 ст. 108 УПК РФ. Здесь установлено условие, призванное уменьшить применение принудительных мер воздействия, связанных с лишением свободы, в период производства по делу: к несовершеннолетнему правонарушителю заключение под стражу может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В порядке исключения эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести. В отношении взрослых правонарушителей заключение под стражу применяется при совершении особо тяжких, тяжких и средней тяжести преступлений и лишь при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При расследовании посягательств небольшой тяжести заключение под стражу может применяться только при наличии исключительных обстоятельств, свидетельствующих о высокой вероятности ненадлежащего поведения преследуемого лица. К ним относятся следующие случаи: подозреваемый, обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Таким образом, законодатель приводит закрытый список исключительных обстоятельств только при регламентации условий применения заключения под стражу к взрослым правонарушителям. Соответствующий перечень по отношению к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым законом не определен. Это приводит к различному его толкованию в юридической литературе [8, с. 86; 9, с. 14] и правоприменительной практике [8.С. 100-104]. По мнению отдельных исследователей, наличие в Кодексе оценочной категории «исключительный случай» не согласуется с озвученным в международных актах требованием законности к процедуре лишения свободы [3, с. 24–25].

Основания и иные условия задержания подростков по сравнению с правилами задержания взрослых правонарушителей также не имеют каких-либо изъятий. В качестве процедурной особенности можно выделить

лишь обязательность уведомления близких родственников, родственников или близких лиц несовершеннолетнего о каждом случае применения данной меры принуждения (ч. 4 ст. 96 УПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК РФ задержание применяется при подозрении лица в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Вместе с тем необходимо учитывать, что данная мера принуждения осуществляется в целях разрешения вопроса о применении к подозреваемому ареста. В этой связи следует прислушаться к предложениям А.А. Чувилова, который еще несколько десятилетий назад призывал распространить уголовно-правовые ограничения, предусмотренные для заключения под стражу, и на данную меру принуждения. При этом профессор считал необходимым сохранить за органами предварительного расследования право задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления, наказуемого лишением свободы на меньший срок, лишь в порядке исключения – для немедленной изоляции от общества лица, предпринимającego активные меры по уничтожению следов совершенного преступления или попытку скрыться от расследования [11, с. 24]. С данным предложением соглашаются и другие авторы [12, с. 5]. Поскольку действующий УПК РФ по общему правилу допускает заключение под стражу лиц, преследуемых за совершение общественно опасного деяния, за которое предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, а несовершеннолетних – за совершение тяжких и особо тяжких посягательств, то полагаем, что при отсутствии исключительных обстоятельств применение задержания подозреваемого должно быть определено аналогичными категориями преступлений.

Международные стандарты о необходимости ограничить применение мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы, в отношении подростков «как можно более коротким периодом времени» также требуют дальнейшей оптимизации национального законодательства. При этом следует с осторожностью относиться к откровенно популистским идеям, в частности к предложению установить в УПК РФ срок задержания несовершеннолетнего, не превышающий 24 часов [13, с. 10, 19–20]. Полагаем, что такого временного периода следователю (дознавателю) будет недостаточно для того, чтобы подготовить необходимые для ареста материалы и предоставить их в суд вместе с постановлением о возбуждении ходатайства об избрании заключения под стражу, да еще и за 8 часов до истечения срока задержания (ч. 4 ст. 108 УПК РФ). Вместе с тем предусмотренный п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ порядок продления времени задержания (после 48 часов на срок не более 72 часов для представления дополнительных доказательств обоснованности избрания ареста) целесообразно скорректировать, чтобы на несовершеннолетних правонарушителей он не распространялся.

Следует учитывать и правила соразмерности сроков ограничения мер процессуального принуждения грозящему наказанию. По смыслу принципа презумпции невиновности до вступления в законную силу обвини-

тельного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе сроком, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его [14]. Учитывая, что правила назначения наказания для несовершеннолетних осужденных предполагают уменьшение низшего и верхнего пределов лишения свободы (ч. 6 и 6.1 ст. 88 УК РФ), считаем, что последовательным должно стать и установление уменьшенных предельных сроков содержания под стражей в отношении данной категории лиц.

Стандарты международных организаций, связанные с отправлением правосудия в отношении подростков, нашли свое отражение и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Так, в п. 3 постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 отмечается, что правосудие в отношении несовершеннолетних должно быть направлено на то, чтобы применяемые к ним меры воздействия обеспечивали максимально индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного деяния и были соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния, способствовали предупреждению преступлений среди несовершеннолетних, обеспечивали их ресоциализацию, защиту законных интересов потерпевших. В пп. 6 и 7 постановления указывается, что заключение под стражу может применяться к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего времени. Суду следует проверять положения, обосновывающие невозможность применения в отношении него иной, более мягкой, меры пресечения [15].

В отдельных случаях разъяснения Верховного Суда РФ являются спорными. Так, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 со ссылкой на ч. 6 ст. 88 УК РФ дается следующее пояснение: «Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу не допускается в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, который подозревается или обвиняется в совершении преступлений небольшой или средней тяжести впервые, а также в отношении остальных несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести впервые». Такое разъяснение не соответствует ч. 2 ст. 108 УПК РФ, в которой установлен абсолютный запрет на применение к несовершеннолетнему меры пресечения в виде заключения под стражу по делам о преступлениях небольшой тяжести. Поэтому положение п. 6 постановления № 1 надлежит привести в соответствие с уголовно-процессуальным законом.

Возможно, наличием данного разъяснения следует объяснить и существующую практику заявления орга-

нами предварительного расследования ходатайств о заключении под стражу несовершеннолетних, преследуемых за совершение преступлений небольшой тяжести, и даже их удовлетворения судами. Так, в 2012 г. заявлялось 10 таких ходатайств, удовлетворено 2, в 2013 и 2014 гг. такие ходатайства заявлялись по 9 раз, в 2015 г. заявлялось 5 ходатайств, удовлетворено 1, в 2016 и 2017 гг. подобные ходатайства заявлялись по 3 раза, удовлетворены 1 и 2 соответственно; в 2018 г. заявлялось 2 ходатайств, а 2019 г. – 5 [16].

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 имеется точное разъяснение применения взаимосвязанных норм УК РФ и УПК РФ о соразмерности ограничений принудительного воздействия в отношении несовершеннолетних: «Суду надлежит учитывать положения ч. 6 ст. 88 УК РФ, по смыслу которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые» [17].

В целом российские суды руководствуются международными стандартами в области охраны прав и свобод несовершеннолетних. При этом они соблюдают принцип соразмерности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, учитывают не только тяжесть преступления, но и особенности их личности. Свидетельством этому является сравнительный анализ абсолютных и относительных данных об удовлетворении судами ходатайств об избрании ареста. Так, в 2019 г. в отношении всех категорий обвиняемых удовлетворено 94 633 из 104 866 (90,2%) рассмотренных ходатайств (в том числе 27 550 из 29 125 (94,6%) по особо тяжким преступлениям, 41 835 из 46 827 (89,3%) – по тяжким, 21 362 из 24 390 (87,6%) – средней тяжести, 3 886 из 4 524 (85,9%) – небольшой тяжести). В отношении же несовершеннолетних обвиняемых судами удовлетворено 833 из 1 156 (72,1%) ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (в том числе 255 из 343 (74,3%) по особо тяжким преступлениям, 329 из 577 (74,4%) – по тяжким, 149 из 251 (59,4%) – средней тяжести) [16].

Итак, в национальном законодательстве и процессуальной практике получили отражение международные стандарты применения мер принуждения, состоящих в изоляции несовершеннолетних правонарушителей, в качестве крайних средств и в течение кратчайшего времени. Идея требует дальнейшего развития. Имеются проекты законов, реализация которых способна усилить гарантии прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цоколова О.И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого. М. : ВНИИ МВД России, 2008. 310 с.
2. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2020).
3. Лавдаренко Л.И. Задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего // Российский следователь. 2015. № 6. С. 23–27.

4. Ерофеева В.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2018. 242 с.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части расширения перечня категорий несовершеннолетних, помещаемых в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел : проект Федерального закона № 679268-6. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=126221#008605164430093759> (дата обращения: 03.05.2020).
6. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Омск, 2017. 505 с.
7. Головинская И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения. URL: <http://отрасли-права.рф/article/20372> (дата обращения: 03.05.2020).
8. Макаренко И.А. К вопросу о применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2007. № 2. С. 85–88.
9. Цветкова Е.В. Особенности и порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // Российский следователь. 2012. № 15. С. 13–16.
10. Тетюев С. Заключение под стражу несовершеннолетнего // Уголовное право. 2012. № 1. С. 100–104.
11. Чувилов А.А. Привлечение следователем и органом дознания лица в качестве подозреваемого по уголовному делу : учеб. пособие. М., 1982. 77 с.
12. Булатов Б.Б. Применение мер государственного принуждения к лицам, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, в работах А.А. Чувилова // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 3–9.
13. Авалишани К.А. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.
14. По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина : постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 № 27-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2020).
15. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29 ноября 2016 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 03.05.2020).
16. Судебный департамент Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 02.03.2020).
17. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2020).

Procedural Compulsion through Isolation of a Suspected and Accused Minor: Implementation of International Standards in Russian Law

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 54–58. DOI: 10.17223/23088451/15/10

Kirill V. Muraviev, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Omsk, Russian Federation). E-mail: murki@list.ru

Keywords: seizure, detention, international standard, preventive measure, minor.

The Russian legislation follows the international standards for the application of coercive measures, including isolation of juvenile offenders, as a last resort and for the shortest possible time. However, the Code of Criminal Procedure of Russia does not specify a closed list of exceptional circumstances to regulate the conditions for applying detention of juvenile suspects and accused. There are no exceptions to the grounds and other conditions for the seizures of adolescents in comparison with the rules for the detention of adult offenders. Further improvement of the Code of Criminal Procedure of Russia and updated clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are required in order to strengthen guarantees of the rights of minors in criminal proceedings.

References

1. Tsokolova, O.I. (2008) *Mery ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya, sostoyashchie v izolyatsii podozrevaemogo, obvinyaemogo* [Measures of criminal procedural coercion, consisting in the isolation of the suspect and accused]. Moscow: VNII MVD Rossii.
2. UNO. (1985) *Minimal'nye standartnye pravila OON, kasayushchiesya otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh (Pekinskie pravila): prinyaty rezolyutsiyey 40/33 General'noy Assamblei ot 29 noyabrya 1985 g.* [UN Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (Beijing Rules): adopted by General Assembly resolution 40/33 of November 29, 1985]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16183#04033257317973761> (Accessed: 03.05.2020).
3. Lavdarenko, L.I. (2015) Arrest and confinement under guard of a minor. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 6. pp. 23–27. (In Russian).
4. Erofeeva, V.A. (2018) *Prismotr za nesovershennoletnim podozrevaemym, obvinyaemym v ugolovnom sudoproizvodstve* [Supervision of a juvenile suspect and accused during the criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. The Russian Federation. (n.d.) *O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti rasshireniya perechnya kategoriy nesovershennoletnikh, pomeshchaemykh v tsentry vremennogo sodержaniya dlya nesovershennoletnikh pravonarushiteley organov vnutrennikh del: projekt Federal'nogo zakona № 679268-6* [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the expansion of the list of categories of minors placed in temporary detention centers for juvenile offenders: Draft Federal Law No. 679268-6]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=126221#008605164430093759> (Accessed: 03.05.2020).
6. Muraviev, K.V. (2017) *Optimizatsiya ugolovno-protsessa kak formy primeneniya ugolovnoy zakona* [Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law]. Law Dr. Diss. Omsk.

7. Golovinskaya, I.V. (n.d.) *Institut mer presecheniya: problemy diversifikatsii i varianty ikh razresheniya* [Institute of preventive measures: problems of diversification and their solutions]. [Online] Available from: <http://otrasli-prava.rf/article/20372> (Accessed: 03.05.2020).
8. Makarenko, I.A. (2007) K voprosu o primeneniі mer presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnikh [On the preventive measures against minors]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 85–88.
9. Tsvetkova, E.V. (2012) Features and procedure for applying preventive measures in the form of detention of juvenile suspects and defendants. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 15. pp. 13–16. (In Russian).
10. Tetyuev, S. (2012) Detention of the minor. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 100–104. (In Russian).
11. Chuvilev, A.A. (1982) *Privlechenie sledovatelem i organom doznaniya litsa v kachestve podozrevaemogo po ugolovnomu delu* [Involving of a person as a suspect in a criminal case by the investigator and the body of inquiry]. Moscow: [s.n.].
12. Bulatov, B.B. (2006) [The application of state coercion to persons suspected and accused of committing crimes in the works by A.A. Chuvilev]. *Sovershenstvovanie norm i institutov Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Improving the norms and institutions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. Proc. of the Conference. Omsk. pp. 3–9.
13. Avaliani, K.A. (2009) *Osobennosti dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh* [Features of pre-trial criminal proceedings against minors]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
14. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2011) *Po delu o proverke konstitutsionnosti stat'i 107 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina Estonskoy Respubliki A.T. Fedina: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 06.12.2011 № 27-P* [On verification of the constitutionality of Article 107 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen of the Republic of Estonia A.T. Fedin: Resolution No. 27-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 6, 2011]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123019/ (Accessed: 03.05.2020).
15. The Supreme Court of the Russian Federation. (2011) *O sudebnoy praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugolovnoy otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnikh: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 № 1 (red. ot 29 noyabrya 2016 g.)* [On judicial practice of the application of legislation governing the specifics of criminal liability and punishment of minors: Resolution No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 1, 2011 (as amended on November 29, 2016)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (Accessed: 03.05.2020).
16. The Judicial Department of the Russian Federation: official site. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru> (Accessed: 03.05.2020).
17. The Supreme Court of the Russian Federation. (2011) *O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o merakh presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta i zaloga: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 19.12.2013 № 41 (red. ot 24.05.2016)* [On the practice of application by the courts of legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail: Resolution No. 41 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 (as amended on May 24, 2016)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (Accessed: 03.05.2020).

О.Н. Уваров, А.М. Киселев

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, НАХОДЯЩИХСЯ НА УЧЕТЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИИ

Применение мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания лишения свободы (должно быть – и в исправительном центре при принудительных работах), осуществляется учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем уголовно-исполнительные инспекции не отнесены к учреждениям, органам или подразделениям уголовно-исполнительной системы, на которые непосредственно возложены функции обеспечения государственной защиты. В этой связи предлагаются подходы для решения вопросов организации и возможности функционирования уголовно-исполнительных инспекций в условиях реализации государственной защиты лиц, состоящих на их учетах, другими субъектами.

Ключевые слова: осужденный, меры безопасности, исполнение приговора, суд, уголовный процесс.

Вопросы государственной защиты участников уголовного судопроизводства, довольно часто поднимаемые в последнее время, актуализируют задачи их систематизации и осмысления [1]. Опыт последних лет демонстрирует новеллы в этой области, при которых государственная защита применяется уже к лицам, находящимся на учете уголовно-исполнительных инспекций. Эти обстоятельства, безусловно, возлагают на уголовно-исполнительные инспекции ряд специфических задач.

Применение мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания лишения свободы (должно быть – и в исправительном центре при принудительных работах), осуществляется учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Это прямо предусмотрено Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [2]. Здесь необходимо отметить, что обеспечение безопасности защищаемого лица, находящегося и в месте отбывания наказания в виде ограничения свободы, также предусмотрено Законом о госзащите, однако следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в настоящее время, мест отбывания наказания в виде ограничения свободы, которые предусматривались ранее, не существует. Тем не менее такое наказание исполняется уголовно-исполнительными инспекциями, а осужденный к ограничению свободы может быть подвержен государственной защите. Помимо этого, могут подвергаться государственной защите обвиняемые (подозреваемые, подсудимые) и осужденные, исполнение мер пресечения, наказаний и контроль за поведением которых также возложен на уголовно-исполнительные инспекции.

Вместе с тем уголовно-исполнительные инспекции не отнесены к учреждениям, органам или подразделениям уголовно-исполнительной системы, на которые непосредственно возложены функции обеспечения государственной защиты. Таким образом, далее речь пойдет об организации и возможностях функционирования уголовно-исполнительных инспекций в условиях

реализации государственной защиты лиц, состоящих на их учетах, другими субъектами.

Как известно, при государственной защите могут применяться одновременно несколько либо одна из мер безопасности, которые заключаются в обеспечении личной охраны, охраны жилища и имущества, в выдаче специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, в обеспечении конфиденциальности сведений о защищаемом лице, переселении его на другое место жительства, замене документов, изменении внешности, изменении места работы (службы) или учебы, временном помещении его в безопасное место [Там же].

Собственно безопасность в этом аспекте понимается как комплекс условий, обеспечивающих состояние защищенности объекта охраны (защищаемого лица) от угрозы нападения либо фактического противоправного воздействия на него со стороны кого бы то ни было, направленных на оборону от имеющейся опасности или угрозы ее появления [3].

Таким образом, государственная защита участников уголовного судопроизводства заключается в применении мер, направленных на защищенность этих лиц от угрозы нападения либо иного воздействия.

Следует отметить, что Закон о госзащите определяет, что меры безопасности в виде переселения на другое место жительства, замены документов, изменения внешности, изменения места работы (службы) или учебы осуществляются только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях [2].

Из всего перечня мер пресечения уголовно-исполнительные инспекции исполняют домашний арест, в определенном смысле запрет определенных действий и залог. При этом утверждать, что меры пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий или залога не могут быть применены к лицам, обвиняемым или подозреваемым по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, практически невозможно. В отношении лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правовой ответственности, не связанным с изоляцией осужденного от общества, фактически лишь условное осуждение может быть приме-

нено по уголовным делам о тяжких преступлениях. Остальные состоящие на учете уголовно-исполнительных инспекций лица практически всегда осуждены за преступления небольшой или средней тяжести.

Учитывая изложенное, в случаях, когда меры безопасности применяются к осужденным, состоящим на учете уголовно-исполнительных инспекций, в рамках тех уголовных дел, в связи с которыми они осуждены, может быть применен весьма «усеченный» вариант предусматриваемых мер безопасности.

Однако такие меры могут быть применены и по другим уголовным делам, с которыми лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, связывают иные обстоятельства.

В этом случае могут применяться все предусмотренные меры безопасности без исключения:

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;
- 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;
- 4) переселение на другое место жительства;
- 5) замена документов;
- 6) изменение внешности;
- 7) изменение места работы (службы) или учебы.

Государственную тайну при этом могут составлять сведения в области обеспечения безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, о силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах деятельности по обеспечению безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, данные о финансировании этой деятельности, если такие данные раскрывают перечисленные сведения, а также отдельные сведения об указанных лицах [4].

Необходимо учитывать, что меры безопасности, составляющие государственную тайну, никак не могут стать известными уголовно-исполнительной инспекции. Это обусловлено тем, что сотрудники уголовно-исполнительных инспекций не имеют допуска к работе со сведениями, представляющими государственную тайну, и не имеют права вести оперативно-розыскную деятельность [5].

На наш взгляд, и нет необходимости их этим правом наделять. Осуществление мер безопасности производится по решению органа, осуществляющего такие меры безопасности (органа, обеспечивающего безопасность) [6]. При этом именно на эти органы возложена и обязанность обеспечения данных мер, т.е. легализация новых данных о защищаемом лице. Таким образом, приговоры или иные судебные решения, находящиеся на исполнении в уголовно-исполнительных инспекциях, должны быть изменены либо изъяты у них легальным порядком. При этом такое изменение или изъятие должно быть основанием для снятия соответствующего лица с учета уголовно-исполнительной инспекции.

Представляется, что нет смысла рассматривать вопрос о возложении хотя бы части данной функции на уголовно-исполнительные инспекции. Это обуславливается хотя бы тем обстоятельством, что такое участие

в применении мер безопасности связано с расширением круга лиц, осведомленных о них, что, в свою очередь, всегда способствует утечке охраняемой информации.

Порядок защиты сведений об осуществлении государственной защиты и предоставления таких сведений в отношении лиц, к которым применены меры защиты, если такие сведения не отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну, определяет постановление Правительства РФ от 14 июля 2015 г. № 705 «О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице» (вместе с «Правилами защиты сведений об осуществлении государственной защиты и предоставления таких сведений», «Правилами осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице») [Там же].

К таким сведениям отнесены сведения [Там же]:

– о защищаемом лице, содержащиеся в информационных системах, информационно-справочных системах (в том числе в банках и базах данных, реестрах, карточках, архивах, справочниках и адресных книгах) и информационных ресурсах предприятий, организаций, учреждений, государственных органов, в том числе организаций, предоставляющих государственные услуги, а также образующиеся в результате применения мер безопасности;

– о наложении постоянного или временного запрета на выдачу сведений о защищаемом лице из информационно-справочных фондов, а также об изменении номеров его телефонов и государственных регистрационных знаков, используемых им или принадлежащих ему транспортных средств, содержащиеся в постановлении органа, осуществляющего меры безопасности, либо органа, обеспечивающего безопасность, или в выписке из него;

– о применении мер безопасности.

В целях обеспечения безопасности органами государственной власти применяются процессуальные и непроцессуальные меры защиты в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Так, процессуальные меры закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и обеспечивают сохранение в тайне данных о потерпевшем или свидетеле. Непроцессуальные меры защиты (например, предоставление личной охраны, выдача специальных средств самообороны, смена места жительства и др.) регламентированы Федеральным законом от 20 августа 2004 г. №119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и соответствующими ведомственными нормативно-правовыми актами [7, с. 18].

Решение об осуществлении государственной защиты принимают суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа установленным порядком. О принятом решении выносится мотивированное постановление (определение), которое в день его вынесения направляется в орган, осуществ-

ляющий меры безопасности, для исполнения, а также лицу, в отношении которого вынесено указанное постановление (определение) [2]. Орган, осуществляющий меры безопасности, самостоятельно избирает необходимые меры безопасности и определяет способы их применения, о чем выносит соответствующее постановление [8]. Соответственно, информация о применении мер безопасности к лицу, состоящему на учете в уголовно-исполнительной инспекции, должна поступить из органа, осуществляющего меры безопасности.

Исходя из условий функционирования уголовно-исполнительных инспекций, все меры безопасности можно условно поделить на группы по некоторым признакам. В нашем случае это те признаки, которые, во-первых, связаны с возможностью их перевода в разряд государственной тайны, во-вторых, – с препятствованием либо не препятствованием исполнению уголовно-исполнительными инспекциями своих прямых обязанностей.

Личная охрана, охрана жилища и имущества, а также выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности могут быть отнесены к тем мерам безопасности, которые не препятствуют выполнению уголовно-исполнительными инспекциями своих функций.

Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, если такая информация не переведена в разряд государственной тайны, также может быть реализовано в уголовно-исполнительных инспекциях.

Очевидно, что одновременно с обеспечением конфиденциальности сведений о защищаемом лице могут применяться такие меры безопасности, как переселение на другое место жительства и изменение места работы (службы) или учебы. В таком случае обеспечение конфиденциальности персональных данных вполне возможно в пределах исполнения уголовно-исполнительными инспекциями возложенных на них функций.

Безусловно, и применение такой меры безопасности, как временное помещение в безопасное место, в рассматриваемом нами аспекте не может быть исключено. Однако такая мера для уголовно-исполнительной инспекции фактически носит уведомительный характер, и на период ее применения уголовно-исполнительная инспекция исключается из перечня субъектов, контактирующих с таким лицом.

Такие меры безопасности, как замена документов и изменение внешности, могут быть применены, на наш взгляд, лишь в случае перевода таких сведений в разряд государственной тайны, иначе те затраты и усилия, которые будут на эти меры затрачены, станут практически бессмысленными. Вместе с тем сами по себе замена документов и (или) изменение внешности как меры безопасности неэффективны без переселения на другое место жительства и, соответственно, изменения места работы (службы) или учебы.

Моделирование возможных вариантов угроз и давления на участника процесса, определение вида и объема мер защиты всегда зависят от конкретного случая и определяются степенью опасности [9]. Это отнесено к компетенции специальных органов. Отнесение сведений о лице, находящемся под государственной защитой,

к государственной тайне и их засекречивание также находится в ведении органа, осуществляющего меры безопасности. По решению органа, осуществляющего меры безопасности, налагается запрет на выдачу сведений о защищаемом лице (персональных данных), находящихся у уголовно-исполнительной инспекции, применяются те или иные меры безопасности, а также могут быть заменены абонентские номера его телефонов и государственные регистрационные знаки используемых им или принадлежащих ему транспортных средств [2].

Для уголовно-исполнительной инспекции основанием для усиления мер конфиденциальности в отношении лица, находящегося под государственной защитой, будет мотивированное постановление или иной официальный информационный документ органа, осуществляющего меры безопасности, о применении таких мер. При этом уголовно-исполнительная инспекция, находясь в условиях применения к лицу, состоящему на учете, мер безопасности, ограничивает круг лиц, которые могут соприкасаться с таким лицом; функции, возложенные на нее, должны выполняться специально проинструктированными сотрудниками. В этом случае меры пресечения, наказания и меры уголовно-правового характера, исполняемые уголовно-исполнительной инспекцией, реализуются обычным порядком.

В случае помещения защищаемого лица в безопасное место приостанавливается исполнение наказаний в виде исправительных и обязательных работ, а ответственность за лицо, к которому применена мера пресечения, переходит к органу, осуществляющему меры безопасности, при этом проблемы доставки такого лица, если к нему применен домашний арест, в суд либо следствие также решаются этим органом.

Уголовно-исполнительная инспекция обязуется информировать орган, осуществляющий меры безопасности, о случаях проявления интереса к защищаемому лицу третьими лицами. В исключительных случаях, связанных с производством по другому уголовному, гражданскому либо административному делу, сведения о защищаемом лице могут быть представлены в органы предварительного расследования, прокуратуру или суд на основании письменного запроса прокурора или суда (судьи) с разрешения органа, принявшего решение об осуществлении государственной защиты [Там же].

Необходимо отметить, что какие-либо статистические или отчетные данные должны быть обезличенными и не вскрывать конфиденциальную информацию в отношении защищаемых лиц.

При проведении каких-либо служебных, контрольных либо надзорных мероприятий материалы, имеющиеся в уголовно-исполнительной инспекции в отношении защищаемых лиц, могут подлежать проверке либо ознакомлению на основании письменного запроса заинтересованного лица (органа) с разрешения органа, принявшего решение об осуществлении государственной защиты. Также и материалы, связанные с исполнением приговора, направляются уголовно-исполнительной инспекцией в суд с разрешения органа, принявшего решение об осуществлении государственной защиты.

Исходя из изложенного, набор нормативных правовых актов, регламентирующий государственную защиту потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, требует соответствующих дополнений и изменений. Так, например, в ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» фразу «в виде ограничения свободы» следует исключить, а «в виде принудительных работ» – добавить [10, с. 130].

При этом представляется целесообразным принять нормативный правовой документ, регламентирующий порядок взаимодействия органов, обеспечивающих государственную защиту, и уголовно-исполнительных инспекций как учреждений уголовно-исполнительной системы в части организации, применения и исполнения мер безопасности в отношении лиц, к которым применены соответствующие меры пресечения, а также наказания и меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией осужденных от общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев О.А. Степень научной разработанности проблем государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 18–21.
2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.05.2020).
3. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2004. 460 с.
4. О государственной тайне : закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 29.07.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 03.05.2020).
5. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 03.05.2020).
6. О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице» (вместе с «Правилами защиты сведений об осуществлении государственной защиты и предоставления таких сведений», «Правилами осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице») : постановление Правительства РФ от 14.07.2015 г. № 705. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183035/ (дата обращения: 03.05.2020).
7. Бородкина Т.Н. Проблемы и перспективы развития института государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства // Мировой судья. 2010. № 4. С. 16–19.
8. Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : постановление Правительства РФ от 27.10.2006 № 630 (ред. от 27.06.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63567/ (дата обращения: 03.05.2020).
9. Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 446 с.
10. Киселев А.М. К вопросу о применении мер государственной защиты в соответствии с Федеральным законом от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» к лицам, отбывающим наказание в исправительных центрах» // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3 (40). С. 130–134.

On Safety of Criminal Proceedings Participants Registered by the Penal Enforcement Inspectorate

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 59–63. DOI: 10.17223/23088451/15/11

Oleg N. Uvarov, Tomsk Institute for Advanced Studies of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: institut@70.fsin.su

Aleksandr M. Kiselev, Tomsk Institute for Advanced Studies of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: convict, security measures, execution of sentence, penal enforcement inspectorate, court.

The penal enforcement inspectorate is to strengthen confidentiality measures related to a person under state protection on the basis of a reasoned decision or other official information document about the application of such measures from the security body. When applying security measures to a registered person, the penal enforcement inspectorate limits the circle of persons who may be exposed to a registered person, with its functions performed by specially instructed employees. The preventive measures as well as punishments and criminal justice response executed by the penal enforcement inspectorate are implemented in their usual course. If the protected person is moved to a safe location, the penalties in the form of corrective and compulsory labor are suspended, and the responsibility for the person to whom the preventive measure is applied passes to the body that implements the security measures. The delivery of a person confined to house arrest to the court or for investigation procedures also lies within this body's scope of responsibilities. The penal enforcement inspectorate is to inform the security body of interest to the protected person by third parties. In exceptional cases related to proceedings in another criminal, civil or administrative case, the information about the protected person may be submitted to the preliminary investigation bodies, prosecutor's office or court upon a written request of the prosecutor or court (judge) with the permission of the body that makes the decision to implement the state protection.

References

1. Zaytsev, O.A. (2014) The state protection for the participants of criminal proceedings in the Russian Federation (the level of scientific development). *Ugolovnaya yustitsiya*. 2(4). pp. 18–21. (In Russian).
2. The Russian Federation. (2004) *Federal'nyy zakon ot 20.08.2004 № 119-FZ (red. ot 07.02.2017) "O gosudarstvennoy zashchite poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva"* [Federal Law No. 119-FZ of August 20, 2004 (as amended on February 7, 2017) "On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/ (Accessed: 03.05.2020).

3. Epikhin, A.Yu. (2004) *Kontsepsiya obespecheniya bezopasnosti lichnosti v sfere ugovnogo sudoproizvodstva* [The concept of personal security in criminal proceedings]. Law Dr. diss. Syktyvkar.
4. The Russian Federation. (1993) *Zakon RF ot 21.07.1993 g. № 5485-1 (red. ot 29.07.2018) "O gosudarstvennoy tayne"* [Law No. 5485-1 of the Russian Federation of July 21, 1993 (as amended on July 29, 2018) "On State Secret"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (Accessed: 03.05.2020).
5. The Russian Federation. (1995) *Federal'nyy zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ "Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti"* [Federal Law No. 144-FZ of August 8, 1995, "On operational and search activity"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (Accessed: 03.05.2020).
6. The Russian Federation. (2015) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.07.2015 g. № 705 "O poryadke zashchity svedeniy ob osushchestvlenii gosudarstvennoy zashchity, predostavleniya takikh svedeniy i osushchestvleniya mer bezopasnosti v vide obespecheniya konfidentsial'nosti svedeniy o zashchishchaemom litse" (vmeste s "Pravilami zashchity svedeniy ob osushchestvlenii gosudarstvennoy zashchity i predostavleniya takikh svedeniy", "Pravilami osushchestvleniya mer bezopasnosti v vide obespecheniya konfidentsial'nosti svedeniy o zashchishchaemom litse")* [Decree No. 705 of the Government of the Russian Federation of July 14, 2015, "On the procedure for protecting information on the implementation of state protection, providing such information and implementing security measures in the form of ensuring confidentiality of information about the protected person" (together with the "Rules for protection of information on the implementation of state protection and provision of such information", "Rules for implementation of security measures in the form of ensuring confidentiality of information about the protected person"). [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183035/ (Accessed: 03.05.2020).
7. Borodkina, T.N. (2010) Problemy i perspektivy razvitiya instituta gosudarstvennoy zashchity poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva [Problems and prospects of development of the institute of state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 4. pp. 16–19.
8. The Government of the Russian Federation. (2006) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.10.2006 g. № 630 (red. ot 27.06.2017) "Ob utverzhdenii Pravil primeneniya otdel'nykh mer bezopasnosti v otnoshenii poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva"* [Decree No. 630 of the Government of the Russian Federation of October 27, 2006, (as amended on June 27, 2017) "On the approval of the Rules for the application of certain security measures against victims, witnesses and other participants in criminal proceedings"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63567/ (Accessed: 03.05.2020).
9. Zaytsev, O.A. (1999) *Teoreticheskie i pravovye osnovy gosudarstvennoy zashchity uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva v Rossiyskoy Federatsii* [Theoretical and legal foundations of state protection of participants in criminal proceedings in the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Moscow.
10. Kiselev, A.M. (2019) On the application of state protection measures in accordance with Federal Law no 119-FZ of July 31, 2004, "On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings" to persons serving sentences in correctional centres. *Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of Kuzbass Institute*. 3(40). pp. 130–134. (In Russian).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

DOI: 10.17223/23088451/15/12

С.И. Бякина

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ОСУЖДЕННЫМИ, СОСТОЯЩИМИ НА УЧЕТЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЯХ, КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ

Рассматривается проблема правового регулирования воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, излагаются предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: Уголовно-исполнительный кодекс, уголовно-исполнительные инспекции, осужденные без изоляции от общества, воспитательная работа.

Уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) являются органом, исполняющим уголовные наказания без изоляции от общества. Их деятельность в первую очередь должна быть направлена на достижение обозначенных в уголовно-исполнительном законодательстве целей, в частности на исправление осужденных.

Одним из средств исправления в ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) обозначена воспитательная работа с осужденными. Особое значение воспитательной работы подтверждают положения, содержащиеся в стратегических документах. Так, например, согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» актуальными являются расширение сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, и разработка форм проведения воспитательной работы, организации образовательного процесса и трудовой занятости осужденных в новых условиях отбывания наказания.

Необходимость использования воспитательной работы в отношении осужденных без изоляции от общества не вызывает сомнения: буквальное толкование ст. 9 УИК РФ позволяет сделать вывод о ее распространении на все категории осужденных с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения. Поэтому в отношении всех осужденных, состоящих на учете в УИИ, необходимо проводить воспитательную работу.

Соотношение количества осужденных, состоящих на учете в УИИ, и осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, показывает нам, что задача, обозначенная в Концепции развития УИС до 2020 года в виде расширения сферы применения наказаний без изоляции от общества, в целом выполнена. Число осужденных, состоящих на учете в УИИ, превалирует над числом осужденных, содержащихся в местах лишения свободы: по состоянию на 1 февраля 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержался 422 891 человек, в УИИ состоят на учете 479 310 человек.

О реализации положений Концепции развития УИС до 2020 года в части разработки форм воспитательной работы с осужденными в деятельности УИИ, по нашему мнению, утвердительно говорить нельзя. На сегодняшний день имеются недостатки при проведении с осужденными воспитательной работы [1, с. 128].

Полагаем, что одной из причин такого положения является ограниченность правового регулирования воспитательной работы с осужденными. Так, Общая часть УИК РФ, призванная регламентировать наиболее всеобъемлющие вопросы исполнения наказаний, не содержит каких-либо норм относительно такой линии работы учреждений и органов, исполняющих наказания, как воспитательная работа с осужденными.

Следовательно, вопросы воспитательной работы с осужденными должны быть урегулированы в Особой части УИК РФ. В отношении осужденных к лишению свободы в УИК РФ содержится глава «Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы», где раскрываются правовые основы проведения воспитательной работы с осужденными: прямо указаны цель воспитательной работы, ее основные направления, формы и методы.

Применительно к осужденным без изоляции от общества в Особой части присутствуют лишь упоминания о необходимости проведения воспитательной работы с некоторыми категориями осужденных. Так, ч. 3 ст. 33 УИК РФ предусматривает, что в отношении осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью «уголовно-исполнительные инспекции... организуют проведение воспитательной работы с осужденными». Часть 3 ст. 39 УИК РФ несколько иначе интерпретирует данную обязанность УИИ в отношении осужденных к исправительным работам: «проводят с осужденными воспитательную работу». Еще одной категорией являются осужденные к ограничению свободы, в их отношении также предусмотрено рассматриваемое нами направление деятельности: «Уголовно-исполнительные инспекции проводят воспитательную работу с осужденными... В воспитательной работе с осужденными могут принимать участие представители общественности».

Если сравнивать вышеупомянутые формулировки, то можно заметить отсутствие четкой законодательной позиции в регламентации применения такого средства исправления, как воспитательная работа, в отношении осужденных, состоящих на учетах УИИ. Становится непонятным, почему в отношении осужденных к лишению свободы в Особенной части УИК РФ данное положение раскрывается, а другие остаются без законодательного регулирования? В итоге неоднородность в регулировании правового института воспитательной работы с осужденными обуславливает появление пробелов в законодательстве и отсутствие единых подходов к его реализации на практике. Данная проблема неоднократно обозначалась в различных научных исследованиях.

Ученые отмечают, что положения об организации воспитательной работы, предусмотренные Особенной частью УИК РФ, не распространяются на наказания без изоляции от общества, а следовательно, возникает законодательный пробел в регулировании данного института [2, с. 110]. В свою очередь, отсутствие урегулированного нормами права порядка проведения воспитательной работы с осужденными без изоляции от общества может стать причиной формального подхода сотрудников УИИ к воспитательной работе с осужденными [3, с. 78].

Ведомственное нормативно-правовое регулирование не конкретизирует положения УИК РФ, касающиеся проведения воспитательной работы. В Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной Приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142, относительно проведения воспитательной работы с осужденными констатируется обязанность ее проведения сотрудниками УИИ в отношении осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (п. 38) и к исправительным работам (п. 81). В п. 24 Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258, аналогично предписывается проведение воспитательной работы сотрудником УИИ.

Считаем, что такие категории лиц, состоящие на учете УИИ, как осужденные к обязательным работам, условно осужденные и осужденные с отсрочкой отбывания наказания в силу наличия общей нормы (ст. 9 УИК РФ), регламентирующей применение средств исправления ко всем без исключения осужденным, в проведении воспитательной работы нуждаются не меньше, чем осужденные к лишению права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью, осужденные к исправительным работам и ограничению свободы.

В связи с этим позиция законодателя в данном вопросе видится неоднозначной, и возникает вопрос, почему только в отношении трех категорий осужденных, состоящих на учете в УИИ, в Особенной части УИК РФ есть хотя бы номинальное предписание о необходимости реализации воспитательного воздействия. При этом воспитательное воздействие с лишенными свободой регламентировано весьма детально.

Исторически сложилось, что наказания без изоляции от общества применялись значительно реже, чем сопряженные с лишением свободы, по разным причинным (господствующая идеология в государстве, стремление государства извлечь материальные выгоды от осужденных не позволяло в полной мере реализовывать потенциал наказаний без изоляции от общества; система органов, исполняющих наказание в виде лишения свободы, была развита на высоком уровне), поэтому и законодательство, касающееся применения воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете УИИ, развито крайне слабо.

Полагаем, что в условиях общей гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики уголовно-исполнительное законодательство, регламентирующее применение воспитательной работы с осужденными, состоящими на учетах УИИ, нуждается в совершенствовании, в первую очередь через подробную регламентацию рассматриваемого института. Решение проблемы, связанной с правовым регулированием воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ, видится в создании новых правовых норм.

В Общую часть УИК РФ возможно включить нормы, касающиеся воспитательной работы с осужденными в целом (и к лишенным свободы, и к осужденным без изоляции от общества), такие как понятие, направления, формы, субъекты, ее осуществляющие, правовые основы взаимодействия субъектов воспитательной работы с осужденными с государственными органами и общественными организациями. Особенная часть УИК РФ не требует детализации относительно такого средства исправления, как воспитательная работа. Подробный алгоритм проведения воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ, с учетом особенностей исполнения наказаний без изоляции от общества может быть закреплен в ведомственных инструкциях.

Также возможно создать нормы, регулирующие воспитательную работу в отношении осужденных без изоляции от общества, в Особенной части УИК РФ и дополнить существующие. Однако это более сложный путь, требующих внесения большого количества поправок в УИК РФ.

Системные противоречия и пробелы, возникшие в результате некачественного правотворчества, являются одним из факторов, обусловивших подготовку научно-теоретической модели УИК в настоящее время [4, с. 99]. Учитывая результаты работы авторского коллектива по подготовке научно-теоретической модели Общей части нового УИК РФ и содержащуюся в ней ст. 24 УИК РФ «Воспитательная работа с осужденными», распространяющуюся на всех без исключения осужденных, выбор первого варианта решения проблемы видится более предпочтительным.

Если имеются общие нормы, предписывающие воспитательную работу с осужденными, то требуется регламентация правовых основ ее применения. Представляется, что в правовой регламентации нуждаются прежде всего понятие воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ, и принципы такой деятельности. Это исходные начала совершен-

ствования правового регулирования данного направления.

В ходе интегрированного анализа основных признаков воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ, нами сформулировано ее определение – это урегулированная нормами права планомерная систематическая деятельность сотрудников УИИ во взаимодействии с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными и иными организациями, осуществляемая на основе дифференцированного подхода и направленная на формирование у осужденных, состоящих на учете УИИ, уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и способствующая предупреждению совершения новых преступлений.

Мнения исследователей в области уголовно-исполнительного права подтверждают высокую значимость международно-правового регулирования деятельности УИИ. Поэтому при определении принципов воспитательной работы с осужденными необходимо опираться в том числе и на «международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности» [5, с. 89], регулирующие исполнение наказаний без изоляции от общества, а также положительный зарубежный опыт.

Как отмечает В.А. Уткин, за последние десятилетия УИИ обрели новый облик, укрепили статус, обновили кадровый состав, освоили передовые методы работы, что в итоге в значительной мере приблизило их к аналогичным структурам в развитых зарубежных странах [6, с. 45–46]. Поэтому сегодня важно рассматривать актуальные проблемы по приведению в соответствие с требованиями международных стандартов деятельности УИИ как основного органа, исполняющего уголовное наказание без изоляции от общества

Содержащиеся предписания в национальном законодательстве – ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ст. 3 УИК РФ – делают общепризнанные принципы и нормы международного права частью отечественной правовой системы. При этом учет в национальном законодательстве рекомендаций международных организаций по вопросам исполнения уголовных наказаний возможен,

исходя из экономических, политических, социальных и духовных факторов.

Основным международным стандартом в сфере применения наказаний без изоляции от общества являются Минимальные стандартные правила Организации Объединенных наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Они призваны урегулировать наиболее общие вопросы, в том числе содержат руководящие начала по обращению с осужденными к «альтернативным» наказаниям и применению к ним средств исправления.

По нашему мнению, принципами воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ, могут быть:

- уважение прав и свобод человека и гражданина;
- отсутствие дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, возраста, языка, религии, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, места рождения или иного;
- конфиденциальность информации, полученной УИИ в ходе изучения личного дела;
- учет личностных особенностей, биографии, наклонностей, уровня развития осужденного, состоящего на учете в УИИ, обстоятельств совершенного им преступления;
- дифференцированный подход к выбору направлений, форм и методов воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ;
- использование сотрудниками УИИ общественных ресурсов при проведении воспитательных мероприятий;
- планирование и оценка проведенной воспитательной работы.

Таким образом, в современных условиях, когда задача по расширению сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, в целом выполнена, становится важным совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в различных сферах, в том числе и в воспитательной работе с осужденными, с учетом возросшей роли УИИ и требований международных стандартов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ольховик Н.В.* Эффективность уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных средств обеспечения непенитенциарного режима // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 125–129.
2. *Уваров О.Н.* Проблемы организации воспитательной работы с осужденными в уголовно-исполнительных инспекциях // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 110–112.
3. *Грушин Ф.В., Лядов Э.В.* Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации в сфере исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества / под ред. В.И. Селиверстова. Рязань : ИП Коняхин А.В., 2019. 98 с.
4. *Общая часть* нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 328 с.
5. *Уткин В.А.* Международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности и стереотипы их восприятия // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (8). С. 89–95.
6. *Уткин В.А.* Европейские правила о пробации и проблемы их реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 1 (3). С. 45–50.

Educational Work With Convicts Registered in Penal Inspectorates as the Main Means of Their Correction

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 64–67. DOI: 10.17223/23088451/15/12

Svetlana I. Byakina, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: bjakinasvetlana@rambler.ru

Keywords: Penal Code, penal inspectorate, convicts not isolated from society, educational work.

The article discusses the problem of legal regulation of educational work with convicts registered in penal inspectorates. At the beginning of the article, the author notes that the activities of penal inspectorates are primarily aimed at correcting convicts. One of the main means of achieving this goal is educational work with convicts. In the context of the humanisation of criminal and penal policies, in view of the increase in the number of convicts registered in penal inspectorates, improving the legal regulation of this institution is relevant. The article offers options for how to solve the problem under consideration. One of the options is related to the introduction of the rules governing the educational work with convicts into the by-laws regulating the execution of sentences without isolation from society. These rules, in particular, concern the concept, directions, forms, subjects that do this work, the legal basis for the interaction of subjects of educational work with state bodies and public organisations. In this regard, the author defines the concept of educational work with convicts registered in penal inspectorates and describes the features of this activity.

References

1. Ol'khovik, N.V. (2012) Efficiency of Criminal-Legal, Criminal-Executive and Criminal-Remedial Means of Maintaining Non-Penitentiary Regime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 356. pp. 125–129. (In Russian).
2. Uvarov, O.N. (2017) Problems of Organisation of Educational Work With Convicts in Corrective Services. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*, 10, pp. 110–112. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/10/18
3. Grushin, F.V. & Lyadov, E.V. (2019) *Ugolovno-ispolnitel'naya politika Rossiyskoy Federatsii v sfere ispolneniya ugolovnykh nakazaniy, ne svyazannykh s izolyatsiey osuzhdenного ot obshchestva* [The Penal Policy of the Russian Federation in the Sphere of Execution of Criminal Sentences Not Associated with the Isolation of the Convicted Person from the Society]. Ryazan: IP Konyakhin A.V.
4. Seliverstov, V.I. (ed.) (2017) *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The general part of the new Penal Code of the Russian Federation: The results and justifications of theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.
5. Utkin, V.A. (2016) International Standards of Penal Activities and Stereotypes of Their Perception. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (8). pp. 89–95. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/8/14
6. Utkin, V.A. (2012) European Rules of Probation and Problems of Their Realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1 (3). pp. 45–50. (In Russian).

УДК 343.911

DOI: 10.17223/23088451/15/13

А.Я. Гришко

А.Л. РЕМЕНСОН О ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОМ РЕЦИДИВЕ И ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРАВО

Анализ законодательной базы и практики осуществления постпенитенциарной адаптации позволяет сделать заключение, что правовое регулирование мер по оказанию помощи в социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, находится на зачаточном уровне. В то же время необходимость законодательного ее решения не вызывает сомнения. Проблемы, имеющие место в законодательстве, в определенной степени восполняются практической деятельностью на региональном уровне. В целях должного правового обеспечения в сфере постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предупреждения постпенитенциарного рецидива преступлений представляется целесообразным систематизировать нормы, их регламентирующие.

Ключевые слова: лишение свободы, постпенитенциарная адаптация, постпенитенциарное право, осужденный, судимость.

Общезвестна история образования исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права. Точки зрения известных ученых, относящих данное право к подотрасли уголовного права (А.А. Герцензон, А.А. Пионтковский), продолжению уголовно-процессуальной отрасли (С.С. Алексеев, О.Э. Лейст), комплексной отрасли права (А.Л. Ременсон, В.М. Пинчук), со временем вылились в единое его понимание как самостоятельной отрасли права и создание одноименного законодательства. История исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права во многом напоминает сегодняшнюю ситуацию, связанную с определением отрасли права, предметом регулирования которого явилось бы регулирование отношений в сфере постпенитенциарной социальной реабилитации, социализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предупреждения преступлений, совершаемых ими.

Этой сфере уделялось внимание уже при становлении исправительно-трудового права, предлагались и конкретные меры правового характера для ее решения. «Наблюдение трудовых коллективов, общественных организаций за поведением лиц, отбывших уголовное наказание, исключительной своей целью должно иметь предупреждение с их стороны преступлений, оказание на них необходимого воспитательного воздействия, своевременное оказание им социальной помощи... Эти формы должны быть закреплены в законе, так же как и те случаи, когда трудовые коллективы, общественные организации могут прибегать к использованию возможностей государственного принуждения. Представляется, что назрела необходимость повысить и роль государственных органов в контроле за поведением лиц, отбывших уголовное наказание» [1, с. 81], – писал в одной из своих статей А.Л. Ременсон. Данная тема получила свое продолжение в работах и других представителей томской пенитенциарной школы [2, с. 138–159].

После публикации указанной статьи прошло более трех десятков лет, но проблема социальной реабилитации и ресоциализации бывших осужденных в общество, предупреждения постпенитенциарного рецидива не только не потеряла своей актуальности, но еще в большей мере усугубилась. Достаточно сказать, что

только уголовно-правовой рецидив ежегодно превышает 30%.

Показатели, характеризующие деятельность по исполнению уголовных наказаний, высокий уровень постпенитенциарного рецидива, сохраняющегося на протяжении ряда лет, несмотря на принимаемые меры, обуславливают необходимость обращения к функциональным основам пенитенциарного права, поскольку предпринимаемые меры по совершенствованию уголовно-исполнительной системы сколь-либо ощутимых принципиальных результатов не приносят. Имеет место нестабильность и в определении концептуальных направлений в решении указанных вопросов. Концепция развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации, принятая в 2010 г., была серьезно скорректирована в 2015 г. В 2016 г. была принята Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2015–2017 годы)». В настоящее время разрабатывается очередная Концепция.

Обилие разрабатываемых концепций, в которые тут же вносятся изменения и дополнения, а также подготовленная научно-теоретическая модель Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации свидетельствуют, что уголовно-исполнительные правоотношения претерпевают серьезные изменения. Они не вписываются в устоявшиеся представления о целом ряде постулатов уголовно-исполнительного права. «...Теоретическая модель отрасли уголовно-исполнительного права осталась в какой-то мере оторванной от реального существования изменившихся условий и закономерностей общественного развития» [3, с. 11]. Одним из значимых аспектов в данном вопросе является тема предмета данной отрасли права.

В науке уголовно-исполнительного права является устоявшейся точка зрения на определение его предмета. Вместе с тем одним из неоднозначных аспектов при определении предмета уголовно-исполнительного права является вопрос о степени распространения норм данной отрасли права на отношения, возникающие после освобождения лица от дальнейшего отбывания наказания.

На этот счет существует по крайней мере две противоположные точки зрения. Согласно одной из них отношения, возникающие после освобождения осужденного от дальнейшего отбывания наказания в пределах срока судимости, не являются уголовно-исполнительными. Они, по мнению В.А. Уткина и В.Е. Южанина, относятся к категории социальных отношений: «Отношения в области постпенитенциарной адаптации, трудового и бытового устройства освобожденных из мест лишения свободы, по их сути, не являются уголовно-исполнительными и... составляют предмет формирующегося в России социального законодательства, или законодательства о социальной помощи» [4, с. 42], – пишет В.А. Уткин в одной из своих статей в 2016 г.

«Уголовно-исполнительное законодательство имеет ограничительную сферу действия – его предметом являются только отношения по поводу исполнения уголовных наказаний, возникающих между учреждениями и органами, исполняющими наказания, и осужденными. Отношения, связанные с обеспечением правового статуса освобожденных от отбывания наказания, не входят в систему отношений по исполнению наказания и не могут регулироваться нормами уголовно-исполнительного права» [5, с. 222–223], – утверждает В.Е. Южанин. При этом он обходит вопрос об отраслевой принадлежности указанных постпенитенциарных отношений. С одной стороны, по его мнению, возможно расширение предмета уголовно-исполнительного права за счет включения в уголовно-исполнительный кодекс статьи, предусматривающей основные положения по регулированию порядка управления социальной адаптацией лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с другой стороны, перегруппировке должны подвергаться нормы иных отраслей права, касающихся освобожденных из мест лишения свободы.

Все было бы так, однако указанные авторы упускают из виду, что социальная адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, включает в себя не только меры по трудовому и бытовому устройству, но и меры по предупреждению рецидива преступлений. Последнее, в свою очередь, включает в себя и специальные меры профилактического воздействия, которые вправе применять только правоохранительные органы, такие как профилактическая беседа, объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, профилактический учет, внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения, профилактический надзор (ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»). Социальные службы такими компетенциями не наделены. Здесь нельзя не отметить и роль мер оперативно-розыскного характера. Нет необходимости напоминать, что без применения указанных специальных мер профилактического воздействия должных результатов в предупреждении постпенитенциарного рецидива добиться невозможно.

В деле определения отраслевой принадлежности указанных отношений существенным является определение правовой природы судимости.

Интерес представляет по этому поводу позиция, излагаемая А.П. Фильченко. Судимость представляет собой в том числе «форму постпенитенциарного воздействия на осужденного» [6, с. 21], – пишет он, и далее: «Появление судимости... сопровождается возникновением уголовно-исполнительных отношений» [7, с. 84].

Судимость как продолжение наказания определял Н.В. Витрук: «Судимость как своеобразный уголовно-правовой испытательный срок лица, отбывшего наказание, по существу означает превентивное, продолжающееся уголовное наказание, которое становится дополнительным наказанием в случае совершения нового преступления» [8, с. 28].

Косвенно указанная точка зрения подтверждалась Ю.М. Ткачевским, который писал: «...судимость снимается или погашается только при исправлении осужденного» [9, с. 186]. Известно, что «исправление» – категория уголовно-исполнительная.

Приведенные точки зрения в определенной степени согласуются с законодательной практикой отдельных зарубежных государств. Например, Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь в качестве самостоятельной выделяет главу 27 – «Наблюдение и надзор за освобожденными от отбывания наказания». В ней содержатся нормы, регламентирующие профилактическое наблюдение (ст. 196), превентивный надзор за отбывшими наказание (ст. 198), контроль за условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания в течение неотбытой его части (ст. 197 УИК РБ).

Практика регулирования отношений, возникающих после отбывания наказания, нормами пенитенциарного права имеет место в Республике Польша. Так, согласно § 4 ст. 167а УИК Польши, «если освобожденный из тюремного учреждения нуждается в больничном лечении, а его состояние здоровья не позволяет перевод в публичную больницу, он остается на лечении в тюремном учреждении до момента, когда его состояние здоровья сделает возможным такой перевод».

Указанная норма «применяется лишь тогда, когда освобожденный выразит согласие на лечение в тюремном учреждении, что должно быть подтверждено его подписью в личной медицинской документации. В случае невозможности выражения освобожденным согласия об оставлении в тюремном учреждении решение принимает директор учреждения по предложению врача» (§ 5 ст. 167а).

Отдельные элементы, которые можно отнести к постпенитенциарной адаптации, к предупреждению постпенитенциарного рецидива, содержатся в УИК РФ. Они являются косвенным аргументом, подтверждающим, что уголовно-исполнительные отношения имеют место и в постпенитенциарной период. Речь, в частности, идет об установлении административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы. Инициатива решения этого вопроса принадлежит в том числе администрации исправительного учреждения. Последняя не позднее чем за два месяца

до истечения определенного приговором суда срока отбывания осужденным наказания подает в суд заявление об установлении указанного надзора (ч. 3 ст. 173.2 УИК РФ).

О неоднозначности определения предмета уголовно-исполнительного права свидетельствует норма, содержащаяся в ч. 6 ст. 79 УК РФ. Законодатель отнес осуществление контроля за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, к компетенции специализированного государственного органа. До настоящего времени этот вопрос не решен. В случае возложения функций данного контроля на уголовно-исполнительные инспекции, это будет весомым аргументом отнесения постпенитенциарной адаптации к предмету уголовно-исполнительного права.

Возникает вопрос и об осуществлении контроля за военнослужащими, освобожденными условно-досрочно из дисциплинарных воинских частей. Уголовно-исполнительное законодательство регламентирует данный вопрос только в отношении военнослужащих, которые после условно-досрочного освобождения направляются в воинские части для дальнейшего прохождения службы. Такая обязанность возлагается на командование воинских частей и учреждений (ч. 6 ст. 79 УК РФ). В отношении же осужденных военнослужащих, которым время пребывания в дисциплинарной воинской части может быть зачтено в общий срок службы, и, следовательно, они демобилизуются из вооруженных сил одновременно с освобождением из дисциплинарной воинской части, УИК РФ соответствующей нормы не содержит.

Анализ законодательства, которое можно отнести к чисто социальным отраслям права, свидетельствует, что оно содержит отдельные нормы, регламентирующие вопросы постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Так, согласно п. 5 ст. 19 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» граждане из числа лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, за которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации установлен административный надзор и которые частично или полностью утратили способность к самообслуживанию, при отсутствии медицинских противопоказаний и по их личному заявлению принимаются на социальное обслуживание в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием в порядке,

установленном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Однако данная норма не носит системного характера. Вызывает, в частности, сомнение правомерность установления порядка приема в данные организации региональными нормативными правовыми актами: направления в них, определяемого одним ведомством (речь идет о «Порядке направления граждан в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием», утвержденном приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 6 ноября 2014 г. № 870 н).

Анализ законодательной и иной нормативной правовой базы в данной сфере, практики осуществления постпенитенциарной адаптации позволяет сделать заключение, что правовое регулирование мер по оказанию помощи в социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, находится на зачаточном уровне. В то же время необходимость законодательного ее решения не вызывает сомнения. Проблемы, имеющие место в законодательстве, в определенной степени восполняются практической деятельностью на региональном уровне.

В целях должного правового обеспечения в сфере постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предупреждения постпенитенциарного рецидива преступлений представляется целесообразным систематизировать нормы, их регламентирующие. В такой систематизированный свод могли бы войти нормы, содержащиеся в уголовном, уголовно-исполнительном и административном законодательстве, законах, относящихся к категории социальных. При данном подходе к решению проблемы произвольно возникает вопрос об отраслевой принадлежности таких норм. Предмет его регулирования, специфические методы, используемые при решении указанных задач, особые субъекты, их осуществляющие, позволяют сделать заключение о необходимости выделения новой комплексной отрасли законодательства, название которой – постпенитенциарное право.

Данная отрасль в основе своей не подменяет обычное правовое регулирование. Постпенитенциарное законодательство представляет лишь изъятия из указанных отраслей права и ни в коем случае не замещает установленный правовой порядок, по крайней мере на этапе его образования. Данное законодательство может стать основой и новой отрасли права – постпенитенциарного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ременсон А.Л. Избранные труды : (к 80-летию со дня рождения) ; [редкол.: В.А. Уткин и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 98 с.
2. Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 160 с.
3. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: современный взгляд. М. : Юрлитинформ, 2017. 212 с.
4. Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2. С. 41–44.
5. Южанин В.Е. Проблемы правового регулирования преемственности работы по подготовке осужденных к освобождению и управлению их социальной адаптацией к условиям свободы // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. тез. выступлений участников (Рязань, 5–6 декабря 2013 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2013. С. 221–229.

6. Фильченко А.П. Уголовная ответственность как правоотношение и ее динамика (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования (рассогласования)) : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань : Академия ФСИН России. 2015. 590 с.
7. Фильченко А.П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования) / под ред. А.В. Наумова. М. : Юрлит-информ, 2014. 291 с.
8. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.В. Витрука: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений Уголовного Кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан от 19.03.2003 № 3-П // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 2003. № 3.
9. Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказания. М. : Юрид. лит.. 1970. 238 с.

Aleksandr L. Remenson on Post-Penitentiary Recidivism and Post-Penitentiary Law

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 68–71. DOI: 10.17223/23088451/15/13

Alexander Ya. Grishko, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: grishkoaleksandr@yandex.ru

Keywords: imprisonment, post-prison adaptation, post-prison law, convict, criminal record.

An analysis of the legislative framework and the practice of post-prison adaptation allows concluding that the legal regulation of measures for assisting persons released from prisons in their social adaptation is in the embryonic stage. At the same time, the need to improve the situation with legislative solutions leaves no doubt. The problems in the relevant laws are to some extent compensated by practical activities at the regional level. In order to ensure proper legal support in the field of gradual adaptation of persons released from prison, to prevent post-penitentiary recidivism, it seems appropriate to systematize the rules governing the field. The systematized norms could include those contained in the criminal, penal and administrative laws, laws relating to the category of the social. With this approach to solving the problem, the question involuntarily arises of the branches of law such norms belong to. In the field the author examines, the subject of regulation, the specific methods used to solve problems, the special entities that use them allow concluding that it is necessary to separate a new complex branch in legislation: post-penitentiary legislation. This branch basically does not replace ordinary legal regulation. Post-penitentiary legislation is only excerpts from the indicated branches of law and in no way replaces the established legal order, at least at the stage of its formation. This legislation can become the basis of a new branch of law, post-penitentiary law.

References

1. Remenson, A.L. (2003) Usileniye kontrolya za litsami, otbyvshimi nakazaniye – vazhnoye usloviye povysheniya effektivnosti preduprezhdeniya retsidiva [Tightening control over persons who have served their sentences as an important condition for increasing the efficiency of preventing relapse]. In: Utkin, V.A. et al. (eds) *Izbrannyye trudy: (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Selected Works: On the occasion of his 80th anniversary]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Ol'khovik, N.V. & Prozumetov, L.M. (2009) *Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Recurrent crime of convicts and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Golovastova, Yu.A. (2017) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiyskogo prava: sovremennyy vzglyad* [Penal law as a branch of Russian law: a modern view]. Moscow: Yurлитinform.
4. Utkin, V.A. (2016) Penal Activity and Subject of the Penal Law. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2. pp. 41–44. (In Russian).
5. Yuzhanin, V.E. (2013) [Problems of legal regulation of the continuity of work on preparing convicts for release and managing their social adaptation to freedom]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Crime, Punishment, Correction]. Abstracts of the International Penitentiary Forum. Ryazan. 5–6 December 2013. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 221–229. (In Russian).
6. Fil'chenko, A.P. (2015) *Ugolovnaya otvetstvennost' kak pravootnosheniye i ee dinamika (problemy otraslevogo i mezhotraslevogo soglasovaniya (rassoglasovaniya))* [Criminal liability as a legal relationship and its dynamics (problems of industry and intersectoral coordination (inconsistency))]. Law Dr. Diss. Ryazan.
7. Fil'chenko, A.P. (2014) *Vozniknoveniye, smyagcheniye i prekrashcheniye ugovolnoy otvetstvennosti (problemy otraslevogo i mezhotraslevogo soglasovaniya)* [The emergence, mitigation and termination of criminal liability (problems of sectoral and intersectoral coordination)]. Moscow: Yurлитinform.
8. *Vestnik Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii*. (2003) Osoboe mneniye sud'i Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii N.V. Vitruka. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy Ugolovnogo Kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reglamentiruyushchikh pravovyye posledstviya sudimosti litsa, neodnokratnosti i retsidiva prestupleniy, a takzhe punktov 1-8 Postanovleniya Gosudarstvennoy Dumy ot 26 maya 2000 goda "Ob ob'yavlenii amnistii v svyazi s 55-letiem Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941-1945 godov" v svyazi s zaprosom Ostankinskogo mezhhmunitsipal'nogo (rayonnogo) suda goroda Moskvy i zhalobami ryada grazhdan" ot 19 marta 2003 g. №3-P [The dissenting opinion of N.V. Vitruk, a judge of the Constitutional Court of the Russian Federation. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of 19 March 2003 on the case of verifying the constitutionality of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person's conviction, crime frequency and recurrence, and of Paragraphs 1–8 of the Resolution of the State Duma of 26 May 2000 "On declaring amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945" in connection with the request of the Ostankino inter-municipal (district) court of the city of Moscow and complaints of a number of citizens]. 3.
9. Tkachevskiy, Yu.M. (1970) *Osvobozhdeniye ot otbyvaniya nakazaniya* [Release from serving a sentence]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

УДК 343.815+94 (47)

DOI: 10.17223/23088451/15/14

С.И. Кузьмин, Е.С. Чуканова

**НУЖНЫ ЛИ САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫМ?
ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ**

Прослеживается становление самодеятельных организаций осужденных в исправительных учреждениях. Анализируются их цели в решении воспитательных задач и борьбе с устойчивыми криминально ориентированными группировками правонарушителей. Рассматриваются причины ликвидации общественных формирований правонарушителей и обосновывается необходимость их реанимации в условиях сохранения отрядной системы.

Ключевые слова: *советы коллективов, секции, осужденные, интересы, коллективное содержание, восстановление социальной справедливости.*

На протяжении длительного времени в решении воспитательных задач исправительных учреждений важное место отводилось развитию общественной активности осужденных. Самодеятельные организации заключенных стали появляться в отдельных исправительных учреждениях уже в 1919–1922 гг. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. [1] открывал более широкие возможности для администрации по введению самоуправления заключенных. В ст. 8 Кодекса указывалось, что в исправительно-трудовых учреждениях должны быть приняты все меры «...к развитию самодеятельности заключенных...».

Развитию форм и методов привлечения актива заключенных к решению задач администрации способствовали ст. 89–91 ИТК РСФСР и ст. 26, 27 Инструкции по учебно-воспитательной части в местах заключения РСФСР. В частности, администрация Сокольнического исправительно-трудового дома (Москва) разработала Положение о культурно-просветительной комиссии заключенных. Впоследствии данный документ послужил основой для выработки Положения о культурно-просветительной комиссии в местах заключения РСФСР [2].

Следует отметить, что культурно-просветительные комиссии прочно вошли в жизнь исправительно-трудовых учреждений всех союзных республик, и их преименностями в последующие годы стали советы коллективов заключенных.

Одной из форм проявления общественной активности заключенных в 20-х гг. прошлого века было создание юридических бюро. Заключенные не всегда имели возможность получать платную юридическую помощь. Большинство из них не обладали юридическими знаниями и не могли реализовывать свои права на досрочное освобождение, на устройство домашних дел и т.д. Нередко этих знаний не имели и сами воспитатели.

Возникнув по инициативе учебно-воспитательных частей, юридические бюро обслуживались либо самими заключенными или воспитателями, либо дежурными членами коллегии адвокатов района, на территории которого дислоцировалось ИТУ. Помощь оказывалась бесплатно.

Администрация привлекала членов юридического бюро не только к оказанию юридической помощи, но и к пропаганде правовых знаний среди заключенных. При этом она опиралась на поддержку территориаль-

ных правоохранительных органов. В наиболее крупных местах заключения стали создаваться юридические кружки по изучению советского права и основ революционной законности [3, л. 237].

ИТК РСФСР 1933 г. предусматривал дальнейшее развитие самодеятельности заключенных путем организации из их среды культсоветов (ст. 66) и товарищеских судов (ст. 83). Культсовет состоял из различных секций: массово-производственной, культурно-массовой, санитарно-бытовой и редакционно-издательской.

Что касается товарищеских судов в местах лишения свободы, то они стали создаваться сразу после Октябрьской революции и получили значительное развитие в период 1925–1935 гг. В последующие годы деятельность товарищеских судов прекратилась, так как, с одной стороны, они не оправдывали свое предназначение, а с другой – не вписывались в карательную политику государства 1930–1940-х гг.

Общественные формирования заключенных в 30-х гг. XX в. создавались в отдельных исправительно-трудовых лагерях. Об этом свидетельствует изданная в Дмитровском ИТЛ инструкция, регулировавшая деятельность секций трудовых объединений, которая конкретизировала намеченные в Уставе «Трудовых объединений» общие задачи производственной, культурно-воспитательной и хозяйственно-бытовой секций [4, л. 352].

Органами самодеятельности заключенных являлись также хозяйственно-бытовые комиссии на лагерных пунктах и в общежитиях [5, л. 56-59]. Их деятельность регламентировалась отдельным Положением, а основной их целью являлось оказание помощи администрации в налаживании бытового обслуживания заключенных. Комиссии создавались на всех лагерных пунктах и в общежитиях и работали над руководством культурно-воспитательных частей (КВЧ) и воспитателей. Они помогали контролировать работу хлеборезок, каптерок, ларьков, кухонь и т.п.

После амнистии 1953 г. в лагерях и колониях остались наиболее опасные заключенные с длительными сроками наказания. В этих условиях руководство МВД СССР приняло решение реанимировать самодеятельные общественные формирования осужденных, на которые администрация лагерей и колоний могла бы опереться для достижения целей наказания. Приказом МВД СССР от 13 сентября 1954 г. за № 472 было объявлено «Положение о работе совета актива в исправи-

тельно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР» [6, л. 24]. Администрации рекомендовалось на общем режиме совет актива избирать на общем собрании заключенных или на собрании представителей рабочих бригад. На строгом режиме совет актива рекомендовалось избирать только на собрании представителей бригад. При совете актива могли создаваться следующие секции:

- производственно-массовой работы и трудового соревнования;
- культурно-массовой работы;
- производственно-профессионального и общеобразовательного обучения;
- физкультурно-спортивной работы;
- санитарно-бытовая;
- общественного питания и торговли.

Эти секции фактически помогали администрации обеспечивать решение основных вопросов жизнедеятельности заключенных. Для того чтобы придать значимость совету актива, Положение наделяло его следующими правами:

- возбуждать ходатайство о поощрении заключенных;
- представлять администрации характеристики на лиц, намеченных к условно-досрочному освобождению или переводу на другой режим;
- вносить предложения по вопросам улучшения условий труда и правильного начисления зачетов рабочих дней в срок отбытого наказания.

Администрации лагерей и колоний рекомендовалось систематически проверять и устранять недостатки в работе совета актива и его секций.

В январе 1955 г. Министерством внутренних дел СССР было утверждено и введено в действие «Положение о товарищеских судах в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР». Положением предусматривалась организация товарищеских судов при советах актива заключенных в исправительно-трудовых колониях общего и облегченного режима.

Отрядная система содержания заключенных во второй половине 1957 г. была создана почти во всех ИТЛ и колониях, Положением об отрядах предусматривало создание в каждом из них совета актива отряда.

В Положении говорилось: «Начальник отряда ведет свою работу, опираясь на широкий актив общественных самодеятельных организаций заключенных. На общем собрании отряда избирается совет актива отряда из 5–7 человек».

При совете актива отряда, также как и при совете актива подразделения, предусматривалось создание общественно-массовых секций заключенных, занимающихся вопросами производства и социалистического соревнования, быта, профессионально-технического и общеобразовательного обучения, культурной работы и физической культуры.

С организацией отрядной системы содержания заключенных при них стали формироваться советы коллективов отрядов, замыкавшиеся на советы актива исправительной колонии. В 1956 г. в исправительно-трудовых колониях Казахстана и Украины начали создаваться секции поддержания общественного порядка,

в обязанности которых входило наблюдение за поддержанием порядка на территории колонии, в жилых помещениях, при проведении политико-массовых и культурно-воспитательных мероприятий. Их создание привело к тому, что надобность в товарищеских судах отпала и они были упразднены в 1957 г. [7, с. 27].

Большое значение в 1950-е гг. придавалось воспитанию общественной активности заключенных. С возрождением в ИТУ отрядной системы советы актива стали играть положительную роль, содействуя администрации в укреплении дисциплины и порядка. Педагогически грамотное руководство самодеятельными организациями заключенных предполагало систематическую работу по подбору актива и его расстановке, обучению. Недостаточное руководство ими при отсутствии постоянного контроля за работой приводило к тому, что многие советы ограничивали свою деятельность обсуждением характеристик на осужденных и рассмотрением вопросов о снятии взысканий.

Обобщение опыта деятельности советов актива позволило не только выявить недостатки в работе, но и принять меры к их устранению. Придавая большое значение дальнейшему улучшению деятельности самодеятельных организаций, коллегия МВД СССР обязала руководство ИТУ провести в октябре–ноябре 1958 г. их отчеты и перевыборы. Участие представителей местных партийных организаций в перевыборах актива способствовало укреплению авторитета самодеятельных организаций.

С помощью актива осужденных администрации удавалось ликвидировать преступные группировки, терроризировавшие основную массу осужденных, и предотвращать другие правонарушения. Чтобы не допустить их возрождения, руководство ИТУ стремилось опереться на помощь здоровой массы осужденных через систему самодеятельных организаций. В новом Положении о советах коллективов заключенных, принятом в сентябре 1958 г., нашли закрепление положительные результаты, достигнутые в работе с активом [8].

В создании самодеятельных организаций были заинтересованы и сами заключенные, которые, участвуя в их работе, видели в них не только возможность самовыражения как личности, но и средство защиты от неправомерных действий злостных нарушителей режима.

Одним из методов руководства администрации исправительных учреждений советами актива и секциями являлось воспитание членов совета и секций, проведение с ними семинаров совещаний по обмену опытом работы. Положительный опыт работы самодеятельных организаций заключенных в 50–80-х гг. прошлого века широко популяризировался в обзорах, сборниках, многотиражных газетах, публиковавших на своих страницах статьи, заметки, очерки о работе советов актива, массовых секций.

Периодические отчеты председателей советов актива на собраниях заключенных, отчеты членов советов актива на собраниях осужденных и на собраниях их бригад предоставляло осужденным возможность выступать с критическими замечаниями и предложениями.

Обычно о том, как себя вели и какую позицию по обсуждаемому вопросу (представление к различного

рода поощрениям, снятие взысканий, представление к условно-досрочному освобождению и т.д.) занимали члены совета коллектива отряда, осужденные могли судить по рассказам тех, кого приглашали на заседания.

В связи с этим вспоминается интересный случай из собственной практики работы с активом. Как-то оперуполномоченный сообщил, что заключенный Морковин, освободившийся недавно из помещения, камерного типа, состоит на учете как наркоман и продолжает колоться, судя по следам на теле, замеченным при осмотре фельдшером. Решили на совете актива поговорить с Морковиным на эту тему.

Заседание совета актива проходило в моем рабочем кабинете, куда для решения тех или иных вопросов осужденных приглашали по одному. На этот раз приняли решение провести открытое заседание совета актива, о чем и известили осужденных.

Когда-то одна часть барака использовалась под клуб, в ней имелось возвышение, выполнявшее роль сцены. На этом месте поставили стол, накрытый красной скатертью, табуретки. К одиннадцати часам, времени начала заседания совета актива отряда, заключенные заполнили жилую секцию. Предстоящее событие вызвало неподдельный интерес. Одно дело – слушать, когда нарушители дисциплины рассказывают о том, как они вели себя при обсуждении, и совсем иное – самим все услышать и увидеть. Заседание началось. Очередь дошла до Морковина. Тот клялся и божился, утверждая, что все это происки «кума». Никаких наркотиков у него нет. Раньше из любопытства попробовал «ширево», но больше этим не занимался. Попытки членов совета взывать к его совести и чистосердечно признаться ни к чему не приводили. Я уже стал сомневаться в перспективности задуманного по разоблачению Морковина, но тут вмешались зрители. Им, по всей видимости, тоже надоело слушать «байки». С мест посыпались реплики и призывы «раскалываться», не вилять хвостом. Это возымело действие. Морковин попросил разрешения на минуту отлучиться. Когда он вышел в другую секцию, наступила тишина. Возвратился он с небольшим свертком, который положил на стол и развернул. В нем оказались два шприца, несколько иглол и немного наркотика. Далее он сделал заявление, что решил покончить с этим баловством и потому добровольно все отдает. Такого поступка осужденные вряд ли ожидали, когда оказывали на него давление. Наказывать Морковина не стали. Ограничились обсуждением на открытом заседании актива.

Вывод из этого напрашивался один. Целесообразно один, максимум два раза в год проводить открытое заседание совета коллектива отряда, чтобы уяснить истинное лицо каждого из членов актива и оценить работу коллективного органа, представляющего интересы всех осужденных отряда.

Для успешной деятельности органов самоуправления А.С. Макаренко считал необходимым соблюдать следующее условие: администрация учреждения ни в коем случае не должна подменять органы самоуправления и решать вопросы, подлежащие их ведению.

Однако многие руководители исправительных учреждений, не обладая педагогическими знаниями,

своими действиями фактически подрывали авторитет руководящих органов самодеятельных организаций осужденных. Приведу пример. Однажды довелось присутствовать на отчетно-выборном собрании осужденных ИТК-3 Липецкой области. В клубе, где проходило собрание, на сцене за стол уселись начальник и три его заместителя. Начальник открыл собрание и предоставил слово председателю совета коллектива колонии для выступления с отчетным докладом. Поскольку с содержанием текста доклада никто из руководителей колонии предварительно незнакомился, то и выступление с ним не вызвало у присутствующих интереса. Вопросы докладчику, за исключением начальника учреждения, никто не задавал и обсуждение проделанной активом работы не проводилось. Затем один из осужденных зачитал фамилии кандидатов в члены совета коллектива колонии и без обсуждения проголосовали за новый состав совета. После окончания собрания мне пришлось высказать свои соображения по поводу этого мероприятия. Во-первых, руководители должны были сидеть в зале, а не за столом на сцене. Во-вторых, собрание должен был открыть председатель совета коллектива и избрать президиум. В-третьих, заместителю начальника колонии по политико-воспитательной работе следовало предварительно ознакомиться с текстом доклада и внести необходимые коррективы. В-четвертых, необходимо было подготовить выступающих по обсуждению отчетного доклада. В-пятых, целесообразно было обсудить на собрании кандидатуры осужденных, рекомендуемых для избрания в новый состав. К сожалению, руководители даже не допускали мысли, что отчетно-выборное собрание будет проходить под их контролем, а не при непосредственном руководстве со стороны администрации. Вполне понятно, что избранный таким образом совет коллектива колонии не будет пользоваться авторитетом у осужденных.

Особое место в структуре самодеятельных организаций занимала секция внутреннего порядка (СВП), реорганизованная в 1980-х гг. в секцию профилактики правонарушений (СПП). Как правило, эту секцию курировал заместитель начальника по режиму и оперативной работе. Со временем в этой секции сконцентрировались осужденные, допустившие те или иные проступки, связанные с «кодексом чести арестанта». Защиту от преследования со стороны других осужденных они могли получить, вступив в эту секцию.

«Повязочникам», как их называли другие осужденные, в отдельных колониях администрация делегировала некоторые свои полномочия (контроль, надзор и т.д.), что вызывало еще большую неприязнь к ним. Поскольку СВП (СПП) становилась источником конфликтов между основной массой заключенных и состоявшими в этой секции, то требовалось только принять решение о ее ликвидации, но этого не было сделано.

Еще одним источником конфликтов послужило появление в составе самодеятельных организаций секции социальной помощи, созданной, чтобы в исправительных учреждениях вывести лиц, нуждающихся в материальной помощи, из-под влияния «воров» и «смотрящих». ФСИН России одобрила проведение в ряде субъектов эксперимента по созданию фондов взаимопомощи

осужденных. Такой эксперимент проводился в исправительных учреждениях Липецкой области на основании разработанного положения об отрядных фондах взаимной помощи.

Суть эксперимента состояла в том, что осужденные отряда ежемесячно добровольно переводили из своего заработка на счет фонда отряда деньги. В соответствии с положением о фонде средства могли использоваться для оказания материальной помощи осужденным при освобождении, помощи их родственникам, для покупки продуктов питания и предметов первой необходимости нуждающимся в этом заключенным отряда и на улучшение бытовых условий осужденных. Совет фонда отряда ежеквартально отчитывался о поступлении и расходовании средств. Совет фонда состоял из осужденных отряда, по решению которого использовались денежные средства. Решение совета фонда исполнялось только после утверждения руководством колонии. Кроме ежемесячных отчислений от зарплаты в фонд могли перечисляться деньги с лицевых счетов осужденных. Вот это последнее и погубило в принципе полезное начинание.

Отрицательно характеризующиеся осужденные быстро сориентировались и под предлогом пополнения фонда помощи наладили систему поборов и вымогательства у осужденных и их родственников продуктов питания, ценных вещей и денег, основанную на страхе перед жестоким избиением с целью подавления воли и создания условий, при которых притесняемые осужденные вынуждены были просить своих родственников заплатить разные суммы денег для того, чтобы избежать насилия.

В 2011 г. институт самодетельных организаций осужденных в исправительных учреждениях был упразднен [9]. Решение о ликвидации самодетельных организаций осужденных связано с реализацией Концепции развития уголовно-исполнительной системы

Российской Федерации до 2020 года [10]. Реформирование системы учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, предполагало замену исправительных колоний тюрьмами (общего, усиленного и особого режимов). Переход к тюремному содержанию привел бы к фактическому прекращению коллективного содержания осужденных и, соответственно, к ликвидации их общественных формирований. Поскольку этого не случилось и отрядная система продолжает функционировать, то, само собой, возникает необходимость восстановления советов актива и секций самодетельных организаций, обеспечивающих интересы осужденных. Уровень профессиональной подготовки начальников отрядов не будет иметь решающей роли в организации внутренней жизни коллектива осужденных и в результатах воспитательных мероприятий без опоры на актив. Разумеется, в составе актива не может быть таких секций, как СВП (СПП) и социальной помощи. Разнообразные интересы осужденных могут быть реализованы санитарно-бытовой, культурно-массовой, физкультурно-спортивной секциями и секцией профессионально-технического и общеобразовательного обучения.

Общеизвестно, что самодетельные организации осужденных зародились в начале 1930-х гг. в исправительно-трудовых лагерях и помогали администрации в течение почти 80 лет в решении воспитательных задач и борьбе со сплоченными криминально ориентированными группировками правонарушителей. Теперь она лишилась поддержки положительно настроенных осужденных, и это повлияло на организацию воспитательного процесса. Отсюда, на наш взгляд, следует однозначный вывод: при сохранении коллективной формы содержания осужденных представляется целесообразным реанимировать их общественные формирования. Насколько они нужны, может выявить дискуссия на страницах ведомственной печати. Приглашаем к участию в ней практических и научных работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание узаконений РСФСР. 1924.
2. Циркуляр ГУМЗ РСФСР. 1925. № 456.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4042. Оп. 4. Д. 73.
4. ГАРФ. Ф. 9489. Оп. 2. Д. 25. Т. 2.
5. ГАРФ. Ф. 9489. Оп. 2. Д. 29.
6. Центральный партийный архив Компартии Киргизии. Ф. 23. Оп. 1. Д. 372.
7. Калинин В.Н. Советское исправительно-трудовое право. М., 1958.
8. Приказ МВД СССР. 1958. № 622.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864/ (дата обращения: 03.05.2020).
10. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 №1772 р (ред. от 23.09.2015). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/ (дата обращения: 05.05.2020).

Do Inmates Need Amateur Organisations? Invitation to a Discussion

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 72–76. DOI: 10.17223/23088451/15/14

Stanislav I. Kuzmin, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: nii@fsin.su
Evgenia S. Chukanova, Moscow Regional Branch of the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru

Keywords: councils of collectives, clubs, inmates, interests, collective living, restoration of social justice.

In 2011, the institution of amateur organizations of inmates in correctional institutions was abolished. The decision on the liquidation of such organizations is associated with the implementation of the Concept of the Development of the Penal System of the Russian Federation

until 2020. Reforming the system of institutions executing sentences of imprisonment involved the replacement of correctional colonies with prisons (of general, strict, and special regimes). The transition to prisons would lead to the actual cessation of inmates' collective living and, accordingly, to the liquidation of their public organisations. Since this did not happen and the inmate detachment system continues to function, there naturally arises the need to restore councils of activists and clubs of amateur organisations that promote inmates' interests. Without relying on activists, the level of professional training of detachment chiefs will not have a decisive role in the organising of the internal life of inmates' collectives and in the results of educational events. Inmates' diverse interests can be satisfied in clubs on sanitation, culture, sports, vocational and general education.

References

1. *Sobranie zakoneny RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR]. (1924).
2. *Circular of the General Directorate of Places of Detention of the RSFSR*. (1925) 456.
3. State Archive of the Russian Federation. Fund 4042. List 4. File 73.
4. State Archive of the Russian Federation. Fund 9489. List 2. File 25. Vol. 2.
5. State Archive of the Russian Federation. Fund 9489. List 2. File 29.
6. Central Party Archive of the Communist Party of Kyrgyzstan. Fund 23. List 1. File 372.
7. Kalinin, V.N. (1958) *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo* [Soviet corrective labor law]. Moscow: [s.n.].
8. Ministry of Internal Affairs of the USSR. (1958) *Order No. 622*. (In Russian).
9. Consultant Plus. (2020) *Federal Law No. 420-FZ of 07.12.2011 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864/. (In Russian).
10. Consultant Plus. (2020) *The concept of development of the penal system of the Russian Federation in 2020. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1772 r of October 14, 2010 (as amended on September 23, 2015)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/. (In Russian).

В.Ф. Лелюх, О.В. Обернихина

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ ОБРАЩЕНИЯ С ОСУЖДЕННЫМИ НА ИХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЮ

Международные стандарты обращения с заключенными служат одним из главенствующих внешнеполитических факторов, оказывающих влияние на уголовно-исполнительную политику и, соответственно, уголовно-исполнительное законодательство. В настоящий момент они еще не исчерпали свой потенциал, и определенную долю внимания следует в этом вопросе уделить необходимости имплементации ряда норм в российское пенитенциарное законодательство. Как нам видится, указанный процесс следует осуществлять в следующих формах: непосредственное применение положений международных документов путем инкорпорации или отсылки; трансформация в нормы российского законодательства.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, международные стандарты обращения с заключенными, ресоциализация, уголовно-исполнительная политика, предупреждение преступлений.

Рассматривая вопросы влияния международных стандартов обращения с заключенными на российское уголовно-исполнительное законодательство, прежде всего следует обратиться даже не к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (далее – УИК РФ), а, скорее, к Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. и, конечно же, к Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 г., где сформулирована одна из наиболее важных, на наш взгляд, задач – приведение отечественного уголовно-исполнительного законодательства в соответствие с международными общепризнанными нормами и принципами в сфере обращения с осужденными.

В настоящее время, пока в Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция РФ) еще не внесены изменения, которые призваны установить верховенство Основного закона Российской Федерации над международными нормами права, важную роль среди источников уголовно-исполнительного права играют международные правовые акты. Именно они в своей совокупности образуют некую обособленную правовую систему, которая в настоящее время оказывает безусловное влияние на все существующие национальные системы стран мира на основании их членства в Организации Объединенных Наций (далее – ООН) либо на праве ратификации и имплементации некоторых международных норм. Таким образом, влияние международных нормативно-правовых актов и отдельных норм на различные национальные системы может быть как прямым, так и косвенным. Следует отметить, что первоначально международные нормы формируют в различных национальных правовых системах стереотипное представление об общественном правосознании, что можно определить как косвенное влияние, и лишь после этого возникает необходимость закрепления такого правосознания на нормативно-правовом уровне посредством прямого закрепления его в конкретной юридической форме.

По вопросам приоритета международных стандартов над нормами национального законодательства долгое время ведется дискуссия, причины которой, скорее, обращены на то, что выступило первоначально источ-

ником формирования основного закона в любой национальной системе. Так, например, на разработку текста Конституции РФ 1993 г. по большей части оказала влияние Всеобщая декларация прав и свобод человека 1948 г., следовательно, вполне справедливо, что ст. 15 Конституции РФ отдает нормам международного права и международным договорам приоритет в вопросах их юридической силы.

Другое дело, когда международный договор, который был ратифицирован должным образом и считается вступившим в силу, не может считаться частью национального законодательства и даже не применяется национальными судами до тех пор, пока законодатель не издаст отдельный закон, который имплементирует международный договор в национальное законодательство. При этом указанный международный договор, пройдя установленную процедуру, приобретает силу обычного закона и при необходимости может быть изменен принятыми в последующем национальными законами. Такой порядок характерен Великобритании, где нормы международного права и международные договоры, очевидно, не обладают высшей юридической силой, а, скорее, наоборот, имеют второстепенное значение. Причем даже с помощью имплементации указанного порядка они могут стать лишь равнозначной частью национального законодательства и не более того.

В международной практике существует и третий (исключительный) случай, когда приоритетность норм международного права и международных договоров устанавливается сразу после принятия. Так, например, в Нидерландах ратификация любого международного документа придает ему высшую юридическую силу, в том числе и над Конституцией.

Несмотря на столь разнообразные способы установления приоритетности законодательных форм, отметим, что в общей концепции международного пенитенциарного права определено, что именно международные стандарты обращения с осужденными в настоящее время являются одним из наиболее существенных внешнеполитических факторов, влияющих на уголовно-исполнительную политику и уголовно-исполнительное законодательство [1, с. 11].

В отечественной законодательной практике существует несколько способов имплементации международных правовых норм в российское законодательство, а именно: непосредственное применение, к примеру при отсылке либо инкорпорации (когда та или иная норма международного права, проверенная на конституционность и ратифицированная, может быть перенесена в отечественное законодательство дословно либо с незначительными текстовыми коррективами на основании национальной юридической техники с оставлением смыслового значения); трансформация международной нормы права с сохранением ключевого значения и полной текстовой редакцией и включение ее в нормы российского законодательства.

Способ имплементации, строго говоря, не имеет особого значения для пенитенциарного законодательства; важно только то, что включение международных норм и международных договоров в национальное пенитенциарное право, впрочем как и в любую другую отрасль права, не сделало его закрытым для обществу, не содержало норм, препятствующих обеспечению правового положения осужденных и не содержало скрытых целей и задач в области исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Таким образом, механизм влияния норм международного права на российскую правовую систему, в том числе уголовно-исполнительное законодательство, весьма прозрачен, чего нельзя сказать о его влиянии на уголовно-исполнительную политику.

Ф.В. Грушин, разделяя мнение таких ученых, как Ким Док Чжу и К.А. Бризкун, отмечает, что совокупность различного рода правил в виде рекомендаций, призывов и обязательств, содержащихся в международных документах, не имеющих обязательной юридической силы, но изначально направленных на формулирование новых правил поведения участников международных отношений [2, с. 256], выступает особой опосредованной формой согласования воли государств – участников организации наряду с нормами международного права [3, с. 65–90].

В целом с таким мнением можно согласиться по той простой причине, что любое государство имеет право использовать нормы международного права, при этом не принимая на себя никаких международно-правовых обязательств, что позволяет не только самостоятельно их интерпретировать в тексте законов, но и толковать определенным образом. Отсутствует какая-либо привязка к срокам, объему и порядку реализации указанных норм, а также их приоритетности по отношению к основному закону страны. Представляется, что в рамках современных реалий, когда речь идет о внесении соответствующих изменений в Конституцию РФ, такая позиция, с одной стороны, могла бы значительно снизить количество претензий со стороны международного сообщества в отношении России, в другой – с учетом того, что в рамках отечественной правовой системы долгое время формировалось представление о позитивном восприятии международных стандартов, такой поворот может быть расценен как способ избежать ответственности на неисполнение ряда обязательств, которые Российская Федерация взяла на себя как при

вступлении в ООН, так и при вступлении в Совет Европы (далее – СЕ). Вполне очевидно, что такие изменения могут серьезным образом подорвать авторитет России на международной арене, а также авторитет самого закона, что в конечном счете может послужить толчком к зарождению правового нигилизма у населения.

Исследовав возможные варианты негативных последствий перехода к иной форме установления законодательного приоритета норм международного права и международных договоров, считаем оправданным сказать и о положительных сторонах ратификации и имплементации международного законодательства, в частности в отечественную пенитенциарную систему. Так, нормы международных документов, носящих рекомендательный характер, зачастую являются одним из оснований для принятия решений в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Большая часть норм, регулирующих различные аспекты ресоциализации лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, обобщены в трех основополагающих международных актах в сфере обращения с осужденными:

– Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными от 30 августа 1955 г. (ныне Правила Нельсона Манделы, утвержденные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 г. № 70/175; далее – Правила Манделы);

– Рекомендации № Rec (2006) 2 Комитета министров СЕ «Европейские пенитенциарные правила» (далее – ЕПП);

– Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН; далее – Пекинские правила).

Посредством глубокого анализа приведенных международных нормативно-правовых актов мы установили, что в них содержатся следующие группы норм, которые регулируют рассматриваемую сферу правоотношений, а именно: нормы общего характера; нормы, регулирующие порядок и условия содержания в исправительных учреждениях; нормы ресоциализации.

Отметим, что Ф.В. Грушин выделяет в приведенной классификационной структуре еще и такой отдельный вид норм, как «нормы, регулирующие контакты с внешним миром» [4, с. 51], однако, как нам представляется, этот вид можно рассматривать в совокупности с нормами ресоциализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, поскольку законодательство преобладающего числа стран романо-германской правовой семьи, в том числе и России, предусматривает формирование социально полезных связей у осужденных, а также допускает выходы за пределы исправительных учреждений для проведения оплачиваемого отпуска, поиска места проживания после освобождения, места трудоустройства и прочего именно в период ресоциализации (в России эти мероприятия приходятся на период, когда до освобождения остается не более 6 месяцев, в Республике Беларусь – за 3 месяца до освобождения, в Республике Казахстан – за 12 месяцев).

Между тем установление конкретного срока ресоциализации с определенным набором мероприятий, которые направлены на подготовку осужденного к освобождению, в большей степени характеризует пенитенциарную систему стран романо-германской правовой семьи и нашему мнению представляется устаревшим, поскольку такие мероприятия имеют место на всем сроке отбывания наказания, и интенсивность их проведения, следует заметить, зависит от поведения самого осужденного, однако цели и задачи их неизменны.

Более перспективной в области ресоциализации и ее законодательного закрепления, как нам видится, является Германия, где процесс ресоциализации характеризуется тотализацией. Характерной особенностью рассматриваемого процесса выступает то, что работа по возвращению человека в общество начинается с первых дней отбытия наказания и признается выполняемой надлежащим образом только в том случае, если в ней активно участвуют все стороны: сотрудники (вне зависимости от их служебной принадлежности), заключенные и привлекаемые к данной работе третьи лица (юридические и физические) [5, с. 5].

На наш взгляд, такая система является более эффективной, поскольку не дает администрации исправительных учреждений возможности отложить весьма важные мероприятия по ресоциализации осужденных на период, установленный УИК РФ, а именно на последние 6 месяцев перед освобождением, тем более что законодатель допускает возможность освобождения раньше срока, предусмотренного приговором суда (например, амнистия, помилование, условно-досрочное освобождение), при этом времени, оставшегося на соответствующие мероприятия, может попросту не хватить из-за срочности принятия решения об освобождении.

Таким образом, для решения выявленных проблем ресоциализации осужденных на основании перспектив развития политики государства в вопросах приоритетности норм международного и национального права следует заключить, что:

– вне зависимости от приоритетности норм международного и отечественного права ресоциализация осужденных как процесс, возникший в отечественной пенитенциарной системе благодаря международным стандартам обращения с осужденными, имеет особо важное значение не только для достижения целей наказания, но и для снижения уровня преступности в целом;

– имплементация норм международного права как способ формирования системы национального законо-

дательства изжил себя, поскольку современная система российского права, в частности уголовно-исполнительного, представляет собой более подробную и достаточно эффективную систему урегулирования общественных отношений, возникающих в том числе в сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера;

– для более полного понимания и эффективного применения института ресоциализации необходимо использовать передовой зарубежный опыт, к примеру Федеративной Республики Германия, который построен на нормах международных стандартов обращения с осужденными и предусматривает проведение мер по ресоциализации осужденных с момента начала отбывания наказания и до освобождения, в связи с чем ч. 1 ст. 180 УИК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

Статья 180. Обязанности администрации учреждений, исполняющих наказания, по содействию в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых осужденных и в применении к ним мер медицинского характера

«С первого дня вступления приговора в законную силу и до момента освобождения осужденного от наказания администрация учреждения, исполняющего наказание, уведомляет органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях. В случае освобождения от отбывания наказания несовершеннолетнего осужденного администрация учреждения, исполняющего наказание, уведомляет в указанные сроки о его предстоящем освобождении комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту его жительства...»

С учетом воплощения в жизнь предложенных нами выводов и законодательных инициатив полагаем, что реформирование института ресоциализации в российской пенитенциарной системе, безусловно, необходимо и может происходить гораздо эффективнее с использованием не только международных стандартов обращения с осужденными и передового опыта зарубежных стран, но и посредством проявления должного внимания таким слабо развитым направлениям, как досудебные мероприятия по ресоциализации осужденных и помощь им в социальной адаптации после освобождения от отбывания наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушин Ф.В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М. : ИНФРА-М, 2017. 208 с.
2. Ким Док Чжу. Концепция «мягкого» права и практика межправительственных организаций системы ООН : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 21 с.
3. Бризжун К.А. Влияние рекомендательных актов международных организаций на развитие международно-правовых и внутригосударственных норм Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 22 с.
4. Грушин Ф.В. Международно-правовые стандарты обращения с осужденными в сфере их ресоциализации // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступлений и докладов участников IV междунар. пенитенциарного форума : (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. Т. 10. С. 49–51.
5. Воробьев Ю.А. Национальные особенности процесса ресоциализации осужденных в уголовно-исполнительной системе Германии на современном этапе // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1-4), № 3. С. 285–289.

The Influence of International Legal Standards for the Treatment of Prisoners on Their Resocialization

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 77–80. DOI: 10.17223/23088451/15/15

Vladimir F. Lelyukh, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: institut@42.fsin.su

Olesya V. Obernikhina, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: institut@42.fsin.su

Keywords: penal laws, international standards for treatment of prisoners, resocialization, penal policy, crime prevention.

A large number of researchers of the penitentiary system studied the influence of international standards for the treatment of prisoners on the Russian penitentiary system. Their studies resulted in the general conclusion that, without taking into account international law, it is impossible to talk about the subsequent development of the national penal law. Thus, international standards for the treatment of prisoners have been identified as one of the dominant foreign policy factors that directly affect the penal policy and, accordingly, penal law. Meanwhile, there emerged new trends in the development of statehood caused by certain factors of foreign policy and foreign economy. In his annual Address to the Federal Assembly in 2020, the president of the Russian Federation announced a completely new concept of the priority of the Constitution of the Russian Federation over international law. This in no way curtails the significance of the latter in the domestic system of law, but now reference to international law will be possible only in parts that do not restrict the rights and freedoms of a citizen and do not contradict to the Constitution of the Russian Federation. Such a decision cannot be called new, because for a long time there has been a discussion in the theory of law about the appropriateness of giving international legal norms a higher legal force, and with each year the arguments against have become increasingly convincing and justified. However, it is worth noting that the international standards for the treatment of prisoners have not yet exhausted their potential and the need to implement a number of norms in Russian penal laws is still relevant. In the authors' opinion, the forms of their implementation should be the following: direct application of the provisions of international documents through incorporation or reference; transformation into the norms of Russian laws. In order to argue the need for the implementation, the authors aim to analyse the impact of international standards for the treatment of prisoners on the Russian penal laws. Since one of the priority tasks of the modern penitentiary system is the prevention of new crimes, the authors select standards that contribute to prisoners' resocialization: the United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules); Recommendation Rec(2006)2 of the Committee of Ministers to Member States on the European Prison Rules; the United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (the Beijing Rules), and others. Achieving the aim allows not only classifying the norms under study, but also identifying principles that will contribute to prisoners' most efficient resocialization.

References

1. Grushin, F.V. (2017) *Vliyanie sistemy faktorov na razvitie ugovovno-ispolnitel'noy politiki i ugovovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Influence of the system of factors on the development of the penal policy and penal law of the Russian Federation]. Moscow: INFRA-M.
2. Kim Doc Zhu. (1995) *Kontseptsiya "myagkogo" prava i praktika mezhpriavitel'stvennykh organizatsiy sistemy OON* [The concept of "soft" law and the practice of intergovernmental organizations of the UN]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
3. Brizkun, K.A. (2011) *Vliyanie rekomendatel'nykh aktov mezhdunarodnykh organizatsiy na razvitie mezhdunarodno-pravovykh i vnutrigosudarstvennykh norm Rossiyskoy Federatsii* [Influence of recommendatory acts of international organizations on the development of international legal and domestic standards of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
4. Grushin, F.V. (2019) [International legal standards for the treatment of convicts in the field of their resocialization]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Crime, Punishment, Correction]. Abstracts and Reports of the IV International Penitentiary Forum. Ryazan. 20–22 November 2019. Vol. 10. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 49–51. (In Russian).
5. Vorob'ev, Yu.A. (2018) *Natsional'nye osobennosti protsessa resotsializatsii osuzhdennykh v ugovovno-ispolnitel'noy sisteme Germanii na sovremennom etape* [National features of the resocialization of convicts in the penal system of Germany at the present stage]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: Crime and Punishment*. 26 (1–4):3. pp. 285–289.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 347.963

DOI: 10.17223/23088451/15/16

А.Ю. Мариничева

О СООТНОШЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОНТРАКТОВ С ИНЫМИ ФУНКЦИЯМИ И НАПРАВЛЕНИЯМИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ

Прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов по-разному соотносится с прочими направлениями деятельности отечественной прокуратуры. Практически все направления прокурорской деятельности в тех или иных случаях либо предшествуют этому надзору, либо сопутствуют ему, либо следуют за ним. Прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в контрактной сфере в меньшей степени соотносится с такими направлениями, как уголовное преследование и координация деятельности иных правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Более тесна его связь с участием в рассмотрении дел судами, прокурорским административным преследованием, профилактикой коррупции, мониторингом правотворческой и правоприменительной среды, а также рассмотрением и разрешением обращений.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей, государственные и муниципальные контракты, функции прокуратуры, направления прокурорской деятельности.

Часть 5 ст. 129 Конституция РФ определяет, что полномочия, организация и порядок деятельности отечественной прокуратуры определяются федеральным законом. Статья 1 Закона о прокуратуре устанавливает такие направления прокурорской деятельности, как прокурорский надзор, уголовное преследование, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования, участие в рассмотрении дел судами, участие в правотворческой деятельности. При этом распространено мнение, что фактическое содержание современной прокурорской деятельности не исчерпывается указанными направлениями.

По мнению большинства ученых, конкретный перечень направлений деятельности современной российской прокуратуры включает в себя прокурорский надзор [1, с. 5; 2, с. 152], уголовное преследование [3, с. 10], поддержание государственного обвинения [4, с. 72], участие в рассмотрении дел судами [5, с. 27], координацию деятельности иных правоохранительных органов по борьбе с преступностью [6, с. 13], процессуальный контроль [7, с. 23–26] и руководство деятельностью дознания [8], а также осуществление правотворческой [9, с. 30], профилактической [10, с. 55] и правозащитной [11] деятельности. В литературе высказываются различные мнения, какие из них считать основными, а какие – прочими.

Наибольшее распространение получили взгляды на основные направления как на функции прокуратуры. При этом само понятие «функции прокуратуры» также достаточно дискуссионно.

К примеру, одни ученые под функцией прокуратуры понимают отдельный вид ее деятельности [12, с. 26]. Другие включают это понятие либо саму деятельность [13, с. 27; 14, с. 9; 15, с. 8], либо ее часть [16, с. 34].

Третьи – лишь основное направление деятельности прокуратуры [17]. Критерии выделения также различны: задачи, стоящие перед прокуратурой [16, с. 59], или обязанности, возложенные на нее [18, с. 155; 19, с. 116], ее предназначение [20], или же характер отношений с поднадзорными органами и учреждениями [21, с. 113].

Представляется, что под функциями прокуратуры следует понимать основные направления прокурорской деятельности, обусловливаемые возложенными на нее обязанностями и правами, предоставленными прокуратуре для достижения стоящих перед нею целей и задач. При этом функции (основные направления), как справедливо отмечается в литературе, должны занимать значительный удельный вес в общем объеме деятельности органа и отражать его сущность, продиктованную национальными традициями функционирования прокурорских органов [22, с. 42]. С учетом поддержанного подхода современную прокурорскую деятельность можно разделить на функции (основные направления) и прочие направления деятельности.

Вопрос о количестве и содержании конкретных функций современной прокуратуры также спорен. Например, В.Г. Бессарабов к функциям прокуратуры относит: надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации; уголовное преследование; координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; участие в рассмотрении дел судами; участие в правотворческой деятельности; международное сотрудничество с соответствующими органами других государств и международными организациями [23, с. 23]. А.Ю. Винокуров добавляет к ним (называя их «направлениями») рассмотрение и разрешение заявлений, жалоб и иных обращений граждан, участие в профилактической работе [24, с. 35]. Н.Н. Карпов дополняет их участием в заседа-

ниях федеральных органов законодательной и исполнительной власти, представительных (законодательных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления [25] и т.п.

Отталкиваясь от предложенных в литературе критериев (обязательное законодательное закрепление, основной характер и отражение социального предназначения прокуратуры) [17, с. 29; 22, с. 43; 26, с. 73], актуальный перечень функций (основных направлений деятельности) прокуратуры следует ограничить прокурорским надзором, уголовным преследованием, участием в рассмотрении дел судами и координацией деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Прочую прокурорскую деятельность – рассматривать в качестве иных направлений прокурорской деятельности, включающих в себя: участие прокурора в административно-юрисдикционной деятельности, рассмотрение и разрешение обращений в органах и организациях прокуратуры, профилактическую и правотворческую деятельность.

Прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов в различной степени пересекается с каждым из указанных направлений, поскольку охрана, защита и обеспечение прав предпринимателей при реализации государственных и муниципальных контрактов силами прокуратуры обеспечивается не только в рамках надзорной деятельности. Практически все без исключения другие направления прокурорской деятельности в тех или иных случаях либо предшествуют надзору, либо сопутствуют ему, либо следуют за ним. Более того, в некоторых случаях такая взаимосвязь носит неизбежный, юридически предопределенный характер, является предусмотренным законом процессуальным сопровождением или продолжением надзора. Например, если в процессе надзора за соблюдением прав предпринимателей при реализации государственных и муниципальных контрактов выявляются факты, дающие основание для возбуждения дела об административном правонарушении, которое впоследствии рассматривается судом, прокурор вступает в судебный процесс, что уже выходит за рамки чисто надзорной деятельности, но является ее процессуальным продолжением. В этом плане прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов можно понимать в широком смысле как прокурорскую деятельность, направленную на обеспечение прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов, реализуемую во всех направлениях современной прокурорской деятельности. Однако степень ее выраженности может быть различна: в одних направлениях обеспечение правового положения выражено более рельефно, в других – менее.

Наиболее заметно прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов соотносится с иными направлениями прокурорского надзора в рамках общего надзора. В этой связи отчасти справедливым можно признать, что разграничение многих направлений прокурорского надзора за испол-

нением законов в предпринимательской и экономической деятельности в значительной мере условно [27]. Однако, несмотря на это, прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в данной сфере все же следует рассматривать как самостоятельное направление в рамках общего надзора прокуратуры. Наличие обособленной нормативно-правовой базы, специфика и большая общественная значимость публичной закупочной деятельности позволяют выделить данное направление среди прочих «экономических» направлений в рамках общего прокурорского надзора. В специальных отраслях данный вид надзора практически не выражен, поскольку их основное значение как раз и заключается в обеспечении законности деятельности специальных поднадзорных лиц – следователей, дознавателей, администрации мест принудительной изоляции и судебных приставов – без учета специфики иных участников поднадзорной деятельности.

Одной из основных функций современной прокуратуры является уголовное преследование, содержание которого раскрывает уголовно-процессуальное законодательство. Ранее в юридической науке уголовное преследование рассматривалось в качестве производной от прокурорского надзора функции [28, с. 8; 29, с. 46]. Современное состояние правового регулирования прокурорской деятельности едва ли позволяет сделать такой вывод. В этой связи представляется возможным разделить позиции ученых, предлагающих рассматривать данную функцию в качестве самостоятельной дополнительной функции отечественной прокуратуры [30, с. 12].

Согласно действующему законодательству (ч. 2 ст. 21, п. 2 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 27 Закона о прокуратуре), в случае выявления признаков преступления по результатам прокурорской проверки соблюдения прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов прокурор вправе вынести мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В этом случае теоретически результаты прокурорской деятельности в рамках надзора могут послужить поводом для возбуждения уголовного дела, однако едва ли можно делать вывод о перерастании надзорной функции в функцию уголовного преследования.

Во-первых, направление материалов с необходимостью не повлечет автоматического решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Более того, п. 2. ч. 2 ст. 37 УПК РФ предусматривает вынесение мотивированного постановления прокурора. Это значит, что следователь или дознаватель при рассмотрении поступивших из прокуратуры материалов должны дать свою личную оценку изложенным обстоятельствам, в том числе оценить мнение прокурора о наличии признаков преступления. По результатам этой оценки принимается соответствующее решение, которое может не совпасть с мнением вынесшего мотивированное постановление прокурора.

Во-вторых, содержание полномочий прокурора, предусмотренных уголовно-процессуальным законом,

позволяет сделать вывод о том, что прокурорская деятельность в стадии возбуждения уголовного дела исчерпывается лишь специальным надзором и не охватывается содержанием прокурорского уголовного преследования. Соответственно, даже положительное решение вопроса о возбуждении уголовного дела на основании представленных прокурором материалов, содержащих признаки преступления, не означает «трансформации» прокурорского надзора в уголовное преследование. Этот вывод также подтверждается анализом положений Закона о прокуратуре, регулирующего непосредственное осуществление прокурорского надзора: ни одна из норм этого закона не предусматривает конкретных правовых средств по направлению материалов, свидетельствующих о наличии признаков преступления, в органы предварительного расследования. Так, ч. 2 ст. 22 Закона о прокуратуре лишь закрепляет возможность прокурора требовать привлечения лиц, нарушивших закон, к установленной законом ответственности. В свою очередь, ч. 2 ст. 27 также содержит лишь общую норму, устанавливая, что при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, прокурор принимает меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию в соответствии с законом.

В-третьих, основное содержание прокурорского уголовного преследования на досудебных этапах уголовного процесса связано с утверждением результатов предварительного расследования. Некоторые авторы прямо связывают начало непосредственного осуществления прокурором функции уголовного преследования с утверждением прокурором обвинительного заключения (акта, постановления) [22, с. 89]. В этом случае вполне очевиден существенный временной разрыв между моментом направления материалов для решения вопросов о возбуждении уголовного дела и моментом утверждения результатов предварительного расследования уголовного дела, возбужденного на основании представленных прокуратурой материалов. Различна также и деятельность прокурора в первом и во втором случаях.

Анализ практики показывает, что показатель возбуждения уголовных дел по результатам прокурорских проверок соблюдения прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов крайне невелик. Так, в Томской области с 2015 по 2018 г. включительно было возбуждено всего 13 уголовных дел по обращениям о нарушении прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов, в Кемеровской области соответственно за рассматриваемый период – 19, а в Новосибирской области – 10.

В этой связи представляется, что прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов в меньшей степени соотносится с функцией уголовного преследования, осуществляемой прокуратурой.

Координация деятельности иных правоохранительных органов по борьбе с преступностью, по мнению

большинства ученых, также относится к основным направлениям прокурорской деятельности – функциям. В литературе ее определяют либо в качестве самостоятельной функции, либо в качестве производной от уголовного преследования или прокурорского надзора. Представляется, что координационная прокурорская деятельность все же в большей степени связана с прокурорским надзором за исполнением законов. Некоторые нарушения закона о контрактной системе в сфере государственных и муниципальных закупок выявляются в том числе правоохранительными органами в ходе исполнения ими своих непосредственных обязанностей. Однако в сфере надзора за соблюдением прав предпринимателей данное направление выражено менее рельефно в силу специфики предпринимательской деятельности. Принцип осуществления «на свой страх и риск» на паритетных началах с другими участниками экономической и предпринимательской деятельности предполагает формирование предпринимателями самостоятельной активной позиции по обеспечению, охране и защите своих прав и законных интересов. В этой связи деятельность иных субъектов, включая правоохранительные органы, по обнаружению фактов нарушения прав в данной сфере сведена к минимуму. Предприниматель сам делает вывод о том, нарушены ли его права и в каком порядке осуществлять их защиту и восстановление. Единственное исключение составляют случаи нарушения конституционных основ предпринимательства или же умышленного преступного нарушения основных конституционных прав, направленных на обеспечение свободы конкуренции и предпринимательской деятельности. В этом случае координационные методы и формы работы будут способствовать повышению эффективности прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере государственных и муниципальных контрактов.

Анализ практики показывает, что в ходе координационной деятельности за рассматриваемый период не было обращено соответствующего внимания ни на один случай нарушения прав предпринимателей в рассматриваемой области. Однако часто результатом координационной деятельности становится направление материалов в правоохранительные и иные органы по фактам нарушения законов. К примеру, в Томской области межведомственной рабочей группой, состоящей из представителей правоохранительных органов региона, реализованы мероприятия по информированию Росфинмониторинга по Сибирскому федеральному округу о возможных нарушениях закона при осуществлении закупок, осуществленных для государственных нужд учреждениями здравоохранения [31].

Таким образом, координация деятельности иных правоохранительных органов, так же как и уголовное преследование, в меньшей степени обуславливается прокурорским надзором за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов.

Статья 35 Закона о прокуратуре устанавливает, что прокурор участвует в рассмотрении дел судами в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными

законами. В литературе участие прокурора в рассмотрении дел судами рассматривается в качестве одной из основных функций прокуратуры [32, с. 15] или же в качестве производной от прокурорского надзора функции [28, с. 8]. С учетом того, что участие прокурора в суде в большинстве случаев обуславливается предварительной надзорной деятельностью, второй подход представляется более предпочтительным.

С одной стороны, активная позиция предпринимателей по отстаиванию нарушенных прав предполагает судебный порядок защиты в качестве основного, с другой – обуславливает меньшую степень вовлеченности иных субъектов в выявление, обеспечение, охрану, защиту и восстановление нарушенных прав предпринимателей. В этом случае логично предположить, что инициирование судебных производств по результатам прокурорских проверок соблюдения прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов должно быть крайне редко. Как показывает практика, с 2015 по 2018 г. в Томской области органами прокуратуры в суды было направлено 15 исков, в Кемеровской области – 20 исков, а в Новосибирской области – 41.

Наряду с основными направлениями деятельности – функциями – отечественная прокуратура также реализует иные направления деятельности, в числе которых – возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования. Одни авторы включают это направление в прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции Российской Федерации [33, с. 43], другие рассматривают как часть отдельного направления прокурорской деятельности, участия прокурора в административной деятельности, – прокурорское административное преследование [22, с. 138]. Представляется, что участие прокурора в административно-юрисдикционной деятельности следует считать дополнительным направлением прокурорской деятельности, производным от прокурорского надзора.

Согласно ст. 25 Закона о прокуратуре, ст.ст. 25.11, 28.1, 28.4 и других КоАП РФ, прокурор имеет право возбуждать административное производство путем вынесения соответствующего постановления. По своей правовой природе данное постановление приравнивается к протоколу об административном правонарушении. Статья 28.4 КоАП РФ устанавливает две категории дел: дела об административных правонарушениях, возбуждаемые исключительно по постановлению прокурора, и прочие дела этой категории, производство по которым может быть возбуждено в том числе по постановлению прокурора. При этом в литературе нет единства, в каких случаях прокурор вправе возбуждать производство во втором случае. Большинство авторов, основываясь на том, что закон указывает на любое правонарушение, полагают, что прокурор уполномочен осуществлять административное преследование по любому правонарушению, о котором ему стало известно. Другие – по любому правонарушению, о котором ему стало известно в ходе надзорной деятельности и при условии охвата деятельности субъекта, подлежащего административной ответственности, предметом проку-

рорского надзора [34]. Третьи – по любому административному правонарушению, о котором ему стало известно в ходе проверочной деятельности [12, с. 630]. Последняя позиция, поддерживаемая Генеральной прокуратурой РФ, представляется более предпочтительной.

Прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов представляет собой одно из направлений прокурорского надзора за исполнением законов в сфере экономической и предпринимательской деятельности в рамках общего надзора. В этой связи его осуществление может обуславливать в том числе возникновение административного прокурорского преследования. При этом производство может быть возбуждено как в результате непосредственного обнаружения прокурором признаков административного правонарушения по итогам надзорной деятельности, так и по результатам рассмотрения обращений индивидуальных предпринимателей или иных лиц в органах прокуратуры. Так, в период с 2015 по 2018 г. силами соответствующих прокуратур были привлечены к административной ответственности за нарушение прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов в Томской области 629 человек, в Кемеровской области – 101 человек, в Новосибирской области – 493 человека.

Одним из важных направлений служит профилактическая прокурорская деятельность. Помимо Закона о прокуратуре, правовое регулирование этого вида деятельности осуществляется также иными федеральными законами: Федеральным законом РФ № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральным законом РФ № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральным законом РФ № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов». Данные направления в полной мере обусловлены прокурорским надзором.

Из них наибольшую актуальность представляет профилактика коррупции. Поскольку реализация государственных и муниципальных контрактов напрямую связана с использованием бюджетных средств, существуют риски коррупционных проявлений, выражающиеся в виде коррупциогенных факторов, содержащихся в том числе в проектах нормативно-правовых актов. В этой связи Генеральный прокурор РФ в Приказе от 29 августа 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» особо обратил внимание на необходимость проверки соблюдения законодательства в контрактной сфере на системной основе и принятия исчерпывающих мер превентивного характера для обеспечения прозрачности и эффективности деятельности в сфере закупок [35], тем самым дополнительно обеспечив соблюдение прав индивидуальных предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов силами прокурорского надзора.

Статья 9 Закона о прокуратуре возлагает на прокуроров обязанность участвовать в правотворческой деятельности. Согласно Приказу Генерального проку-

рора РФ № 144 от 17 сентября 2007 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшения взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления», одним из основных элементов правотворческой деятельности прокуратуры служит правовой мониторинг состояния законодательства и правоприменительной практики в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов. Мониторинг представляет собой одно из эффективных информационно-аналитических средств повышения качества надзорной и иной прокурорской деятельности. Практически он необходим для более обоснованного применения мер прокурорского реагирования и принятия решений при осуществлении надзора за соблюдением прав предпринимателей в сфере реализации государственных и муниципальных контрактов.

К примеру, в результате проведенного органами прокуратуры г. Стрежевого Томской области мониторинга было выявлено нарушение сроков направления в уполномоченный на ведение реестра контрактов орган сведений о приемке и оплате товаров, работ, услуг в рамках контрактов, исполненных в 2017 г. [31], что повлекло за собой нарушение имущественных прав заказчиков – индивидуальных предпринимателей, выразившееся в несвоевременном получении оплаты за проведенные работы. Виновный в данном нарушении директор МОУ «СОШ № 3» был привлечен к административной ответственности по ч. 4 ст. 7.29.3 КоАП РФ.

Другим примером может служить принятие прокуратурой Томской области в целях предупреждения незаконного нормотворчества в рамках мониторинга мер, выразившихся в недопущении принятия постановления Администрации Томской области «Об утверждении порядка заключения специальных инвестиционных контрактов в Томской области», которое в нарушение Федерального закона РФ № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» лишало индивидуальных предпринимателей права на заключение названных контрактов и, как следствие, на получение мер государственной поддержки [36].

Следующим важным направлением прокурорской деятельности служит рассмотрение и разрешение об-

ращений в органах прокуратуры. Не будучи самостоятельным, оно органически связано со всеми прочими видами прокурорской деятельности, поскольку одновременно служит как предпосылкой, так и одним из основных методов их реализации, включая прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере государственных и муниципальных закупок. Так, за период с 2015 по 2018 г в прокуратуру Томской области поступило 225 обращений о нарушении прав предпринимателей, из которых 61 (27%) были признаны обоснованными, при этом 50 из них касались нарушения прав предпринимателей в сфере государственных и муниципальных закупок, 13 (26%) из которых были удовлетворены органами прокуратуры Томской области. За этот же период в прокуратуру Кемеровской области поступило 412 обращений о нарушении прав предпринимателей, 85 (примерно 20%) были признаны обоснованными, при этом 41 обращение касалось нарушения прав предпринимателей в рассматриваемой сфере, из которых 14 (34%) были удовлетворены органами прокуратуры Кемеровской области. В Новосибирской области эти показатели за соответствующий период составили: 379 обращений о нарушении прав, из которых 68 (около 18%) обоснованы; 71 обращение касалось нарушения прав предпринимателей в сфере государственных и муниципальных закупок, при этом 24 (33%) удовлетворено органами прокуратуры Новосибирской области. Таким образом, рассмотрение и разрешение обращений в органах прокуратуры напрямую связано с осуществлением прокурорского надзора за соблюдением прав предпринимателей.

Подводя итог, можно заключить, что прокурорский надзор за соблюдением прав предпринимателей в сфере государственных и муниципальных закупок в той или иной степени связан практически со всеми направлениями прокурорской деятельности. В наименьшей степени – с уголовным преследованием и координацией деятельности иных правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Более тесна его связь с участием в рассмотрении дел судами, прокурорским административным преследованием, профилактикой коррупции, мониторингом правотворческой и правоприменительной среды, а также рассмотрением и разрешением обращений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов В.В., Николаева Т.П., Чугунов А.П. Прокурорский надзор в России. Устройство и деятельность прокуратуры Российской Федерации. Саратов, 1995. 244 с.
2. Беляев В.П. Контроль и надзор в Российском государстве. М. : Проспект, 2005. 275 с.
3. Турилов Г.Г. Прокурор как субъект доказывания в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 21 с.
4. Дершиев Ю.В. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования // Уголовное право. 2005. № 1. С. 81–83.
5. Карнов Н.Н. Прокуратура в системе государственной власти Российской Федерации. М. : Юнити ; Закон и право, 2007. 127 с.
6. Проблемы эффективности прокурорского надзора / под ред. К. Скворцова. М. : Юрид. лит., 1977. 160 с.
7. Соловьев А.Б. Соотношение надзора и ведомственного контроля при расследовании преступлений органами внутренних дел // Проблемы повышения эффективности прокурорского надзора за законностью расследования преступлений. М., 1992. С. 23–26.
8. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г., Якубович Н.А. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса России. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. 248 с.
9. Клочков В., Рябцев В. О функциях прокуратуры // Социалистическая законность. 1990. № 9. С. 30–31.
10. Мелкумов В.Г. Деятельность прокуратуры: функции, задачи, основные направления, стадии // Прокурорский надзор и укрепление социалистической законности в советском государстве. Свердловск, 1981.

11. *Кашаев К.А.* Прокурор – гарант соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России. М. : Городец. 2008. 336 с.
12. *Настольная книга прокурора* / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус. М. : Изд-во Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012. 1159 с.
13. *Прокуратура Российской Федерации* : (концепция развития на переходный период). М., 1994. 88 с.
14. *Королев Г.* Пора внести ясность: помощник прокурора – государственный обвинитель // *Законность*. 2003. № 9. С. 7–10.
15. *Курочкина Л.А.* Обеспечение прокурором прав участников судебного разбирательства уголовных дел. М. : Юрлитинформ, 2004.
16. *Российский прокурорский надзор*. М. : Норма, 2001. 384 с.
17. *Тушев А.А.* Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. 325 с.
18. *Шалунов М.С.* Функции прокуратуры: письмо в редакцию // *Государство и право*. 1995. № 6. С. 154–155.
19. *Давыденко Л.М.* Цели, задачи, функции и основные направления деятельности органов прокуратуры // *Прокуратура в системе политических и правовых институтов общества*. М., 1990.
20. *Глебов А.П.* Функции прокурорского надзора // *Совершенствование прокурорского надзора в СССР*. М., 1973.
21. *Адаменко В.Д.* Субъекты защиты обвиняемого. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 208 с.
22. *Воронин О.В.* Теоретические основы современной прокурорской деятельности. Томск : Изд-во НТЛ, 2013. 164 с.
23. *Бессарабов В.Г.* Функции современной российской прокуратуры (состояние и перспективы правовой регламентации) // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2009. № 1 (9). С. 19–25.
24. *Прокурорский надзор* : учебник / под ред. Ю.Е. Винокурова. М. : Юрайт, 2007. 459 с.
25. *Карпов Н.Н.* Теоретические вопросы деятельности прокуратуры по надзору за исполнением законов и законностью правовых актов. URL: https://lib.sale/prokurorskiy-nadzor_1295/teoreticheskie-voprosyi-deyatelnosti.html (дата обращения: 10.03.2020).
26. *Рябцев В.П.* Прокурорский надзор : курс лекций. М. : Норма. 2006. 286 с.
27. *Субанова Н.В.* Прокурорский надзор как средство укрепления законности в сфере экономики // *Журнал российского права*. 2012. №1. С. 55–62.
28. *Шалунов М.* Система функций российской прокуратуры. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. 140 с.
29. *Савицкий В.М.* Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М. : Наука, 1975. 383 с.
30. *Халиулин А.Г.* Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. М. ; Кемерово, 1997. 223 с.
31. *Докладная записка прокуратуры Томской области в Генеральную прокуратуру по итогам работы в 2019 году в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд* // Архив прокуратуры Томской области.
32. *Казарина А.Х.* Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов. М. : ИПК РК Ген. прокуратуры РФ, 2005. 278 с.
33. *Стуканов А.П.* Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции Российской Федерации. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2000. 223 с.
34. *Воронин О.В.* О прокурорском административном преследовании // *Правовые проблемы укрепления российской государственности*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Ч. 49. С. 34–36.
35. *Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции* : приказ Генерального прокурора РФ от 29.08.2014 № 454 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2020).
36. *О результатах работы в сфере прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности за 1-ое полугодие 2019 года* : докладная записка прокурора Томской области в Генеральную прокуратуру // Архив прокуратуры Томской области.

On the Relationship Between the Prosecutor’s Supervision Over the Observance of Entrepreneurs’ Rights in the Implementation of State and Municipal Contracts and Other Functions and Areas of Activity of the Russian Prosecution Service

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 81–88. DOI: 10.17223/23088451/15/16

Anna Yu. Marinicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: prosecution service, prosecutor’s supervision of observance of entrepreneurs’ rights, state and municipal contracts, functions of prosecution service, areas of prosecutor’s activity.

Prosecutor’s supervision over the observance of entrepreneurs’ rights in the implementation of state and municipal contracts intersects with varying degrees with other areas (functions) defined in the laws, since the prosecution service protects, defends and enforces these rights not only as part of supervision. Virtually all, without exception, areas of the prosecution service activity in certain cases either precede supervision, or accompany it, or follow it. An analysis of practice shows that prosecutor’s supervision in the contract area is less related to areas such as criminal prosecution and coordination of other law enforcement agencies in the fight against crime. Closer is its relationship with participation in court hearings, administrative prosecution, corruption prevention, law-making and law enforcement environment monitoring, as well as claim consideration and resolution.

References

1. Gavrilov, V.V., Nikolaeva, T.P. & Chugunov, A.P. (1995) *Prokurorskiy nadzor v Rossii. Ustroystvo i deyatel'nost' prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Prosecutor’s supervision in Russia. The structure and activities of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation]. Saratov: [s.n.].
2. Belyaev, V.P. (2005) *Kontrol' i nadzor v Rossiyskom gosudarstve* [Control and supervision in the Russian state]. Moscow: Prospekt.
3. Turilov, G.G. (2002) *Prokuror kak sub'ekt dokazyvaniya v rossiyskom ugovnom protsesse* [The prosecutor as the subject of proving in the Russian criminal procedure]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
4. Derishev, Yu.V. (2005) *Ugolovnoe dosudebnoe proizvodstvo: problemy i puti reformirovaniya* [Criminal pre-trial proceedings: Problems and ways of reforming]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 81–83.
5. Karpov, N.N. (2007) *Prokuratura v sisteme gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii* [The prosecutor’s office in the system of state power of the Russian Federation]. Moscow: Yuniti; Zakon i pravo.

6. Skvortsov, K.F. (ed.) (1977) *Problemy effektivnosti prokurorskogo nadzora* [Problems of the efficiency of prosecutor's supervision]. Moscow: Yurid. literatura.
7. Solov'ev, A.B. (1992) Sootnoshenie nadzora i vedomstvennogo kontrolya pri rassledovanii prestupleniy organami vnutrennikh del [Correlation of supervision and departmental control in the investigation of crimes by law enforcement bodies]. In: *Problemy povysheniya effektivnosti prokurorskogo nadzora za zakonnost'yu rassledovaniya prestupleniy* [Problems of increasing the efficiency of prosecutor's supervision of the legality of crime investigation]. Moscow: [s.n.]. pp. 23–26.
8. Solov'ev, A.B., Tokareva, M.E., Khaliulin, A.G. & Yakubovich, N.A. (1997) *Zakonnost' v dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsesssa Rossii* [Legality in the pre-trial stages of the criminal procedure of Russia]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
9. Klochkov, V. & Ryabtsev, V. (1990) O funktsiyakh prokuratury [On the functions of the prosecutor's office]. *Sots. zakonnost'*. 9. pp. 30–31.
10. Melkumov, V.G. (1981) Deyatel'nost' prokuratury: funktsii, zadachi, osnovnye napravleniya, stadii [The activities of the prosecutor's office: functions, tasks, main directions, stages]. In: Kozlov, A.F. (ed.) *Prokurorskiy nadzor i ukreplenie sotsialisticheskoy zakonnosti v sovetskom gosudarstve* [Prosecutor's supervision and the strengthening of socialist legality in the Soviet state]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
11. Kashaev, K.A. (2008) *Prokuror – garant soblyudeniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v ugovnom sudoproizvodstve Rossii* [The prosecutor as a guarantor of the observance of human and civil rights and freedoms in the criminal proceedings of Russia]. Moscow: Gorodets.
12. Kekhlerov, S.G. & Kapinus, O.S. (eds) (2012) *Nastol'naya kniga prokurora* [Handbook of the prosecutor]. Moscow: Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation.
13. Skuratov, Yu.I. (ed.) (1994) *Prokuratura Rossiyskoy Federatsii (Kontseptsiya razvitiya na perekhodnyy period)* [The Prosecutor's Office of the Russian Federation (Development Concept for the Transition Period)]. Moscow: Research Institute of the RF Prosecutor General.
14. Korolev, G. (2003) Pora vnesti yasnost': pomoshchnik prokurora – gosudarstvennyy obvinitel' [Time to clarify: assistant prosecutor – public prosecutor]. *Zakonnost' – Legality*. 9. pp. 7–10.
15. Kurochkina, L.A. (2004) *Obespechenie prokurorom prav uchastnikov sudebnogo razbiratel'stva ugovnykh del* [Prosecutor's securing the rights of participants in criminal trials]. Moscow: Yurlitinform.
16. Sukharev, A.Ya. (ed.) (2001) *Rossiyskiy prokurorskiy nadzor* [Russian prosecutor's supervision]. Moscow: NORMA.
17. Tushev, A.A. (2005) *Prokuror v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [The prosecutor in the criminal procedure of the Russian Federation]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr "Press".
18. Shalumov, M.S. (1995) Funktsii prokuratury: pis'mo v redaktsiyu [Russian prosecutor's supervision]. *Gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 154–155.
19. Davydenko, L.M. (1990) [Goals, tasks, functions and main directions of prosecution bodies' activities]. *Prokuratura v sisteme politicheskikh i pravovykh institutov obshchestva* [Prosecutor's office in the system of political and legal institutions of society]. Conference Proceedings. Moscow: Research Institute of the RF Prosecutor General. (In Russian).
20. Glebov, A.P. (1973) Funktsii prokurorskogo nadzora [Functions of prosecutor's supervision]. In: Zhogin, N.V. et al. (eds) *Sovershenstvovanie prokurorskogo nadzora v SSSR* [Improving prosecutor's supervision in the USSR]. Moscow: [s.n.].
21. Adamenko, V.D. (1991) *Sub'ekty zashchity obvinyaemogo* [The subjects of the defense of the accused]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
22. Voronin, O.V. (2013) *Teoreticheskie osnovy sovremennoy prokurorskoj deyatel'nosti* [Theoretical foundations of modern prosecutorial activity]. Tomsk: NTL.
23. Bessarabov, V.G. (2009) Funktsii sovremennoy rossiyskoy prokuratury (sostoyanie i perspektivy pravovoy reglamentatsii) [Functions of the modern Russian prosecutor's office (state and prospects of legal regulation)]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 1 (9). pp. 19–25.
24. Vinokurov, Yu.N. (ed.) (2007) *Prokurorskiy nadzor: uchebnik* [Prosecutor's supervision: A textbook]. Moscow: Yurayt.
25. Karpov, N.N. (2011) *Teoreticheskie voprosy deyatel'nosti prokuratury po nadzoru za ispolneniem zakonov i zakonnost'yu pravovykh aktov* [Theoretical issues of the activities of the prosecutor's office to oversee the implementation of laws and the legality of legal acts]. [Online] Available from: https://lib.sale/prokurorskiy-nadzor_1295/teoreticheskie-voprosyi-deyatelnosti.html (Accessed: 10.03.2020).
26. Ryabtsev, V.P. (2006) *Prokurorskiy nadzor: kurs lektsiy* [Prosecutor's supervision: Lectures]. Moscow: Norma.
27. Subanova, N.V. (2012) Prokurorskiy nadzor kak sredstvo ukrepleniya zakonnosti v sfere ekonomiki [Prosecutor's supervision as a means of strengthening the rule of law in the field of economics]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 1. pp. 55–62.
28. Shalumov, M. (2003) *Sistema funktsiy rossiyskoy prokuratury* [The system of functions of the Russian Office of the Prosecutor General]. Kostroma: Kostroma State University.
29. Savitskiy, V.M. (1975) *Ocherk teorii prokurorskogo nadzora v ugovnom sudoproizvodstve* [Essay on the theory of prosecutor's supervision in criminal proceedings]. Moscow: Nauka.
30. Khaliulin, A.G. (1997) *Osushchestvlenie funktsii ugovnogo presledovaniya prokuraturoy Rossii* [The implementation of the function of criminal prosecution by the prosecutor's office of Russia]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
31. Archive of the Prosecutor's Office of Tomsk Oblast. (2019) *Dokladnaya zapiska prokuratury Tomskoy oblasti v General'nyu prokuraturu po itogam raboty v 2019 godu v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd* [Report of the Prosecutor's Office of Tomsk Oblast to the Office of the Prosecutor General on the results of work in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs for 2019].
32. Kazarina, A.Kh. (2005) Predmet i predely prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov [The subject and scope of prosecutor's supervision of the implementation of laws]. Moscow: IPK RK General'noy prokuratury RF.
33. Stukanov, A.P. (2000) *Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov organami administrativnoy yurisdiksiy Rossiyskoy Federatsii* [Prosecutor's supervision of the enforcement of laws by the administrative jurisdiction bodies of the Russian Federation]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr "Press".

34. Voronin, O.V. (2011) O prokurorskom administrativnom presledovanii [On prosecutorial administrative prosecution]. In: Zhuravlev, M.M., Barnashov, A.M. & Zuev, V.M. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Vol. 49. Tomsk: Tomsk State University. pp. 34–36.
35. Consultant Plus. (2014) *Prikaz General'nogo prokurora RF ot 29.08.2014 goda № 454 "Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatel'stva o protivodeystvii korruptsii"* [Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 454 of 29 August 2014 "On the organization of prosecutor's supervision of the implementation of anti-corruption legislation"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170843/ (Accessed: 18.03.2020).
36. Archive of the Prosecutor's Office of Tomsk Oblast. (2019) *Dokladnaya zapiska prokurora Tomskoy oblasti v General'nyu prokuraturu "O rezul'tatakh raboty v sfere prokurorskogo nadzora za soblyudeniem prav sub"ektov predprinimatel'skoy deyatel'nosti za 1-oe polugodie 2019 goda"* [Report of the Prosecutor's Office of Tomsk Oblast to the Office of the Prosecutor General "On the results of work in the field of prosecutor's supervision of the observance of the rights of business entities for the first half of 2019"].

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.9

DOI: 10.17223/23088451/15/17

Р.Л. Ахмедшин

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Рассматриваются методологические аспекты предупреждения терроризма. Даны рекомендации тактического (ситуационного) уровня противодействия террористической активности. Тактический уровень противодействия террористической активности представлен тремя блоками: правоохранительной деятельностью, препятствующей террористической активности; профилактикой террористической активности; предупреждением террористической активности. Выводы базируются прежде всего на типологическом подходе к личности террориста.

Ключевые слова: терроризм, предупреждение, режим, коррекция.

Терроризм. На сегодняшний день данный термин заполнил пространство не только научных изданий, но и различных СМИ, включая интернет-источники, и исходит как от людей, излагающих свою позицию с профессиональной точки зрения, так и от любителей, использующих терминологию совершенно произвольно в угоду собственным «лайкам». Удивительно, что, будучи «широко на устах», феномен терроризма недостаточно исследован даже на уровне понятия, не говоря уже об уровнях противодействия ему как на глобальном (стратегическом) уровне, так и на уровне ситуационном (тактическом).

Тактический уровень противодействия террористической активности представлен тремя блоками:

- правоохранительной деятельностью, препятствующей террористической активности;
- профилактикой террористической активности;
- предупреждением террористической активности.

Разработка мер предупреждения и профилактики преступности и отдельных преступлений – конечный результат и показатель эффективности всех исследованных сложного феномена преступности.

В учебной литературе термины «предупреждение» и «профилактика» зачастую трактуются как идентичные, но вряд ли такое положение можно признать удовлетворительным, ведь за каждым термином, как верно замечает А.И. Долгова, стоит разное содержание [1, с. 380].

Термин «предупреждение» относится к воздействию на лиц, готовящих или уже совершивших преступления, на нейтрализацию причин и условий совершения конкретных преступлений, а «профилактика» – термин, обозначающий защиту личности и общества от преступных посягательств.

Профилактика преступности – это система мер воздействия на широкий круг лиц в целях минимизации уровня преступности, нейтрализации ее детерминант и защиты от преступлений личности, общества и государства.

Предупреждение совершения преступлений террористической направленности может быть представлено комплексом мероприятий, содержательно сильно отличающихся, но направленных на решение рассматрива-

емой задачи. Описываемый комплекс может быть представлен в виде деятельности, направленной:

- на режим в исправительных учреждениях как средство исправления преступника;
- ликвидацию или эффективную изоляцию преступника;
- коррекционные психологические тренинги.

Режим в исправительных учреждениях как средство исправления преступника. Система профилактики не может быть эффективной без профилактики в пенитенциарной системе – это системное аксиоматичное положение в теории в последние десятки лет в практике пенитенциарной системы так же системно игнорируется.

В рамках профилактики рассматриваемых преступлений необходимо понимать, что в местах лишения свободы преступники-террористы делятся на две разнородные группы. Представители первой группы, незначительной по объему, гармонично интегрируются в криминальную среду, меняя свои идейные террористические установки на не менее идейные криминальные. После отбытия наказания такой человек продолжает свою криминальную карьеру, но дистанцируется от террористических и экстремистских сообществ. С одной стороны, его общественная опасность снижается, с другой – агрессивность этого лица, в ходе террористического прошлого закрепившаяся на уровне психологического свойства, выливается в частые всплески жестокости в быту и в рамках его новой криминальной жизни.

Про представителей второй группы преступников говорят, что, даже будучи признаны виновными и приговорены к тюремному заключению, они по-прежнему остаются опасными [2, р. 23]. Представители рассматриваемой группы способны только извлечь из отбывания наказания криминальный опыт, затрудняющий их поимку в будущем.

Представителю второй группы и в процессе отбывания наказания, и после него отойти от привычной модели самоидентификации с борцом за все хорошее против всего плохого фактически невозможно. «Будучи членом террористической организации, он получает защиту от своего страха, и любое нападение на

группу воспринимается им как нападение на себя лично, а каждая акция против организации извне, соответственно, усиливает групповую сплоченность» [3, с. 148].

Вывод. Режим в исправительных учреждениях как средство предупреждения преступлений террористической направленности – конструкция весьма полемичная. На сегодня отбывание в местах лишения свободы часто только формально ориентируется на исправление личности, а порой вообще игнорирует эту возможность. Но сказанное является не следствием неэффективности пенитенциарной системы, а, скорее, следствием тех либеральных благоглупостей, которые доминируют даже в современной пенитенциарной практике, не говоря уже о послушной ведомственным правилам пенитенциарной науке.

Учитывая сказанное, можно говорить, что коррекционная эффективность режима в исправительных учреждениях как средство предупреждения преступлений террористической направленности – это проблема, которую только еще предстоит решить.

Ликвидация или эффективная изоляция лица, осужденного за террористическую деятельность. На первый взгляд, ликвидация или изоляция рассматриваемого преступника выступает предметом не только предупреждения, но и профилактики террористической активности. На самом деле страх наказания вполне способен остановить формирующегося преступника-террориста.

Отметим научную решительность авторов, обосновавших бесперспективность профилактических мероприятий в отношении группы преступников, характеризующихся феноменом зависимого криминального поведения, в наиболее чистом виде проявляющимся у серийных преступников, но не чуждом и террористам.

«У зависимой личности никаких альтернативных линий поведения нет, и она не рассматривает никакой спектр возможностей. Перед ней только один путь, по которому она должна следовать, причем лицо может вполне осознавать, что этот путь вреден и для него, и для окружающих, что он нарушает нормы морали и права. Поэтому никакой ситуации выбора реально не существует... Его поведение не избирательно и не свободно, даже самой ситуации выбора для него нет» [4, с. 14].

Целесообразность ликвидации (смертной казни) и эффективной изоляции (пожизненного заключения) преступника как меры предупреждения преступлений террористической направленности, как и любой иной, трудно оспорить. Нельзя совершить еще один террористический акт, будучи уничтоженным или пожизненно изолированным.

Хотя граждане традиционно позитивно относятся к смертной казни применительно к лицам, совершившим резонансные преступления, к каковым часто относятся террористические акты, целесообразность смертной казни несколько спорна. Исследователи отмечают, «что по сравнению с эмоционально пресной информацией эмоциональный материал обрабатывается более глубоко и интегрируется более широко в когнитивные (и, возможно, нейронные сети)» [5, р. 303]. Неудивительно, что при рассмотрении резонансного уголовного дела в суде атмосфера судебного заседания часто близка

к истерической [6, р. 48], а следовательно, вероятность судебных ошибок крайне высока. Сказанное значительно понижает целесообразность физического уничтожения приговоренного как меры необратимой.

Пожизненное заключение, с одной стороны, несет высокий уровень страданий заключенному, совершившему преступления террористической направленности, с другой стороны, именно неестественность пожизненного пребывания в заключении делает вероятной трансформацию личности преступника в нечто иное. Естественно, что измениться в худшую сторону убежденному преступнику сложно, поэтому личностная трансформация, скорее, будет ему во благо.

Вывод. Ликвидация и эффективная изоляция преступника-террориста как эффективное средство предупреждения террористической активности может оспариваться разве что политиками. Никогда не потеряет актуальности высказывание известного либерала А.Н. Рыбакова: «Нет человека, нет проблемы» («Дети Арбата», 1987; «Роман-воспоминание», 1997).

Коррекционные психологические тренинги. Традиционно эффективность психологических тренингов определяется потребностью человека в достижении успеха в них. Однако часть преступников либо отрицает, либо принижает тяжесть содеянного ими. По результатам проведенного нами опроса осужденных доля отрицающих свою вину преступников составляет 64%. Понятно, что применительно к названной группе традиционные стратегии психологического воздействия становятся неэффективными. Как же преодолеть неосознанное или осознанное нежелание человека оправдать совершение единичного и / или повторного преступления, для этого не признающего своей вины?

Необходимо понимать, что отрицание своей вины – процесс в определенной степени объективный. Террорист формирует представление о себе как о носителе большого количества ценностей в различных сферах, демонстрирующих его успешность.

Представляет интерес оригинальная стратегия формирования у лица, осужденного за террористический акт, убежденности в своей неуспешности как основы возможной личностной трансформации в лучшую сторону. Упомянутая стратегия содержательно сводится к следующим этапам:

– «Первоначально основной упор делался на закрепление его сомнений в различных сферах поведения. Человек начал понимать, что он какой-то недоверенный, недосемейный, да и блатной из него тоже никакой.

– Параллельно ему прививались навыки правоупуслушной жизни на воле. Приблизительно через год он заявил, что понял, что любовь и Божия, и семейная выше любых понятий и надо просто забыть о прошлом» [7, с. 168].

Вероятно, данный алгоритм воздействия на личность лица, совершившего террористический акт, который фактически отрицает свою вину, сбрасывая ее на провокационное поведение общества, свое тяжелое детство и прочее, позволит достичь задач предупреждения совершения им новых преступлений террористической направленности.

Вывод. Коррекционные психологические тренинги с отрицающим вину клиентом ввиду обязательной включенности исследуемого в процесс будут интересны прежде всего участниками террористической деятельности истероидной акцентуации с их готовностью быть в центре внимания, в том числе и в рамках психокоррекционных тренингов.

Классические коррекционные психологические тренинги в силу схожести их целевой аудитории будут иметь высокую эффективность при работе с некоторыми представителями «аморфного типа» личности террориста (обладающими высокой конформностью) в силу серьезного груза переживаний прошлого, свойственного ему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд. М. : Норма, 2005. 912 с.
2. Eterno J.A., Roberson C. The detective's handbook. New York : CRC Press, 2015. 380 p.
3. Кафтан В.В. Противодействие терроризму. 2-е изд. М. : Юрайт, 2018. 261 с.
4. Антонян Ю.М., Леонова О.В., Шостакович Б.В. Феномен зависимого преступника М. : Аспект Пресс, 2007. 192 с.
5. Williams K.D., Jones A. Trial strategy and tactics // Psychology and law: an empirical perspective / ed. by N. Brewer, K.D. Williams. New York : The Guilford Press, 2005. P. 276–321.
6. Prothero M. Defending Gary: unraveling the mind of the Green river killer. San Francisco : Jossey-Bass, Wiley Imprint, 2006. 558 p.
7. Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е., Боковиков А.К., Белокуров Г.И. Подсознание террориста / под ред. Д.В. Сочивко. М. : ПЕР СЭ, 2012. 192 с.

The Prevention of Crimes of Terrorism

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 89–91. DOI: 10.17223/23088451/15/17

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: terrorism, prevention, regime, correction.

The phenomenon of terrorism has not been sufficiently studied as a concept and as a phenomenon to counteract against both at the global (strategic) and situational (tactical) levels. The tactical level of countering terrorist activity is represented by three blocks: (1) law enforcement activities that prevent terrorist activity; (2) precrime in terrorist activity; (3) prevention of terrorist activity. An analysis of the levels of counteraction made it possible to formulate three conclusions. Conclusion 1. The regime in correctional institutions as a means of preventing crimes of a terrorist kind is a very polemical construct. Today, serving sentences in prisons often only formally focuses on the correction of personality and sometimes even ignores this opportunity. This is not a consequence of the inefficiency of the penitentiary system, but rather a consequence of the liberal absurdities that dominate the modern penitentiary practice, not to mention the obedient departmental rules of penitentiary science. Given the above, the corrective efficiency of the regime in correctional institutions as a means of preventing crimes of terrorism is a problem that has yet to be solved. Conclusion 2. The elimination and efficient isolation of a terrorist as an effective means of preventing terrorist activity can only be challenged by politicians. The phrase of the renowned liberal Anatoly Rybakov from his *Deti Arbata* (1987)—No man, no problem—will never lose its relevance. Conclusion 3. Corrective psychological trainings with client who deny their guilt due to their mandatory involvement in the process will primarily be interesting to participants in terrorist activities with a hysteroid accentuation, with their willingness to be in the spotlight, including in the framework of psychocorrective trainings. Classical corrective psychological trainings, due to the similarity of their target audience, will be highly efficient when working with some representatives of the “amorphous type” of the terrorist’s personality (with a high conformity level) due to the serious burden of their experiences of the past.

References

1. Dolgova, A.I. (ed.) (2005) *Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov* [Criminology: Textbook for universities]. 3rd ed. Moscow: Normas.
2. Eterno, J.A. & Roberson, C. (eds) (2015) *The detective's handbook*. New York: CRC Press.
3. Kaftan, V.V. (2018) *Protivodeystvie terrorizmu* [Countering terrorism]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
4. Antonyan, Yu.M., Leonova, O.V. & Shostakovich, B.V. (2007) *Fenomen zavisimogo prestupnika* [The Dependent Offender Phenomenon]. Moscow: Aspekt Press.
5. Williams, K.D. & Jones, A. (2005) Trial strategy and tactics. In: Brewer, N. & Williams, K.D. (eds) *Psychology and law: an empirical perspective*. New York, The Guilford Press. pp. 276–321.
6. Prothero, M. (2006) *Defending Gary: unraveling the mind of the Green river killer*. San Francisco: Jossey-Bass; Wiley Imprint.
7. Sochivko, D.V., Gavrina, E.E., Bokovikov, A.K. & Belokurov, G.I. (2012) *Podsoznanie terrorista* [The subconscious of the terrorist]. Moscow: PER SE.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 343

DOI: 10.17223/23088451/15/18

П.С. Абдуллоев

ПЕРЕДАЧА ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, ДЛЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ УГОЛОВНЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В ГОСУДАРСТВО В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся передачи лиц, осужденных к лишению свободы, из международных уголовных судебных органов в государство для отбывания наказания, анализируются нормы международно-правовых актов и национального законодательства постсоветских стран. Отмечается отсутствие единообразия законодательства постсоветских стран относительно данного вопроса, поскольку только некоторые из них являются участниками международных уголовных судебных органов, например Международного уголовного суда.

Ключевые слова: международное сотрудничество, передача лиц, международный судебный орган, Международный уголовный суд (МУС), постсоветские страны, международные договоры, уголовно-процессуальное законодательство, иностранное государство, уголовное дело.

Передача лиц – одна из форм международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. Институт передачи разделяется на две части: первая – передача лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания, т.е. исполнения приговора; вторая – передача лиц для исполнения других судебных решений, например решения Международного уголовного суда (МУС) о передаче лиц в МУС или решения суда о применении принудительного лечения. Существует определенная разновидность передачи лиц для проведения процессуального действия, которая в законодательстве постсоветских стран известна как «временная передача лиц» и которая действует в отношении лиц, находящихся под стражей. Однако данный вопрос регламентируется не как институт передачи лиц, а как исторический институт международной правовой помощи по уголовным делам [1, с. 157–159]. Типовой договор ООН предусматривает также передачу надзора за правонарушителями, которые были условно осуждены или условно освобождены, но это не является передачей лиц по своему содержанию [2].

Таким образом, существуют следующие виды передачи лиц в рамках международного сотрудничества в уголовном процессе постсоветских стран, которые исследуются в рамках одной концепции:

1. Передача лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государство.

2. Передача лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения [3, с. 27–43].

3. Временная передача лиц, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы, для оказания правовой помощи в рамках международного сотрудничества [4, с. 144–167].

4. Передача лиц в Международный уголовный суд и другие международные судебные органы [5, с. 57–66].

5. Передача лиц, осужденных к лишению свободы, из международных уголовных судебных органов в государство для отбывания наказания.

Остановимся на последнем виде передачи лиц в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного процесса постсоветских государств. Возникают вопросы: Возможно ли в рамках передачи лиц передать в государство иностранных граждан? Субъектом передачи выступает только государство или, возможно, и международные судебные органы? Н.В. Остроухов и Ю.С. Ромашев отмечают, что «передача лица, осужденного международным судебным органом, для отбывания наказания в какое-либо государство – довольно распространенная ситуация исполнения наказаний в международных уголовных трибуналах» [6, с. 87].

Передача лица, осужденного международным судебным органом в виде лишения свободы, для отбывания наказания в государство необходимо развивать. При становлении данного вида передачи лица имеют огромное значение действия международных уголовных трибуналов *ad hoc*, создаваемых СБ ООН в качестве вспомогательных органов ООН. Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде учреждены на основе гл. 7 «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» Устава ООН и являются *ad hoc* судебными органами [7, с. 64].

Согласно ст. 27 Устава Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии [8], «тюремное заключение отбывается в государстве, определенном Международным трибуналом на основе перечня государств, которые заявили Совету Безопасности о своей готовности принять осужденных лиц». В соответствии со ст. 26 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде [9] «тюремное заключение отбывается в Руанде или в любом из государств, включенных в перечень государств, которые заявили Совету Безопасности о своей готовности принять осужденных лиц,

в соответствии с определением Международного трибунала по Руанде».

Таким образом, чтобы государство приняло осужденных лиц для отбывания наказания, необходимо первоначально передать осужденных со стороны международных судебных органов. Принятие и передача осужденных лиц взаимосвязаны, и невозможно их разделить, в целом они называются передачей осужденных лиц. Условия в обоих уставах при передаче осужденных в государства почти одинаковы. Осужденные передаются в любое из государств, которые заявили СБ ООН о своей готовности принять осужденных лиц согласно определению Международного уголовного трибунала. Цель передачи осужденных – исполнение наказания. Согласно уставам, наказание в виде лишения свободы отбывается в соответствии с применяемым законодательством соответствующего государства при надзоре со стороны Международного трибунала.

Передача лиц, осужденных к лишению свободы, из международного судебного органа для отбывания наказания в государство в настоящее время стало устойчивой связью с постоянно действующим международным судебным органом – МУС. Как известно, в структуре МУС нет постоянно действующего исправительного учреждения. Наказание, которое Суд назначает в виде лишения свободы, исполняется в государстве. Согласно п. «а» ч. 1 ст. 103 Римского статута МУС, «наказание в виде лишения свободы отбывается в государстве, назначаемом Судом из перечня государств, уведомивших Суд о своей готовности принять лиц, которым вынесен приговор». По сравнению с передачей лица, осужденного Международным уголовным трибуналом, при передаче лица, осужденного МУС, государство выражает свою готовность принять лицо для дальнейшего отбывания наказания, и это государство включено в перечень МУС, а не СБ ООН.

Государство при заявлении о готовности принимать осужденных лиц может указать условия, которые принимаются по согласованию с МУС. В каком государстве имеется правовая основа для передачи осужденных, вытекает из положений Римского статута. Согласно ч. 3 ст. 103 Статута, при осуществлении своих полномочий по назначению государства МУС принимает во внимание следующее:

«а) принцип, согласно которому государства-участники разделяют ответственность за исполнение наказаний в виде лишения свободы;

б) применение широко признанных международных договорных стандартов обращения с заключенными;

с) мнение лица, которому вынесен приговор;

д) гражданство лица, которому вынесен приговор;

е) другие факторы, которые касаются обстоятельств преступления или лица, которому вынесен приговор, или эффективного исполнения наказания и которые могут оказаться уместными при назначении государства исполнения приговора».

МУС имеет право в любое время передать осужденное лицо из одного государства в другое. Лицо, которое исполняет наказание в виде лишения свободы, имеет право ходатайствовать перед МУС о своей передаче в другое государство. Государство, которое при-

нимает осужденных, не имеет права самовольно изменить меру наказания или освободить лицо. Кроме того, оно не имеет права самовольно назначить наказание за деяния, совершенные лицом до его передачи или выдачи другому государству. В случае побега государство после консультации с МУС на основе международных договоров принимает меры по выдаче осужденных на международном уровне или может обратиться в МУС с просьбой о предоставлении осужденного лица в его распоряжение.

Согласно с ч. 1 ст. 107 Статута, «по отбытии наказания лицо, не являющееся гражданином государства исполнения приговора, может в соответствии с законодательством государства исполнения приговора быть передано государству, которое обязано принять это лицо, или другому государству, которое согласно принять это лицо, учитывая при этом любые пожелания лица, подлежащего передаче такому государству, если только государство исполнения приговора не дает этому лицу разрешение на пребывание на своей территории».

Однако если государство дало свое согласие, чтобы лицо находилось на территории государства, и лицо в этом государстве оставалось по своей воле 30 дней после отбытия наказания, или человек возвращается обратно после покидания территории государства, на него «иммунитет» не распространяется. То есть государство имеет право с целью исполнения своих обязательств выдать лицо в другое государство.

С целью реализации передачи осужденных лиц, осужденных к лишению свободы, международным судебным органом для отбывания наказания в своем государстве некоторые постсоветские страны предусматривают нормы в уголовно-процессуальном законодательстве. Но нельзя сказать, что эти нормы в полном объеме регламентируют данный вопрос.

В национальном законодательстве постсоветских стран многие нормы об исполнении наказания в виде лишения свободы и о передаче осужденных лиц из МУС, которые предусмотрены Римским статутом, имплементированы в УПК, например в УПК Латвии от 11 мая 2005 г. Глава 76 УПК Латвии «Уголовно-правовое сотрудничество с международными судами» в ст. 846 предусматривает «исполнение обвинительного приговора международного суда». Согласно ч. 1 данной статьи, «если международным судом установлено, что наказание осужденному лицу, связанное с лишением свободы, подлежит исполнению в Латвии, компетентное учреждение незамедлительно информирует международный суд о возможности исполнения наказания или же об обстоятельствах, которые могли бы существенно повлиять на исполнение наказания в Латвии».

Исполнение наказания, которое назначил международный судебный орган, производится так же, как и исполнение других видов наказания, присужденных в Латвии. Международный суд осуществляет надзор за исполнением наказания, и лицо может беспрепятственно и конфиденциально обращаться в международный суд. Латвия не может изменить меру наказания, так как это является правом суда. В 45-дневный срок компетентный орган информирует международный суд о про-

пессе исполнения наказания и других условиях и обстоятельствах, которые повлияют на ход исполнения наказания. В рамках передачи лиц, в отношении которых Латвия предприняла уголовное преследование, осуждение или выдачу за деяния, совершенные до передачи лиц, Латвия осуществляет их с согласия международного суда, или если лицо в этом государстве осталось по своей воле более 30 дней после отбытия наказания, или человек возвращается на территорию Латвии, уже покинув ее.

Если после отбытия наказания лицо не имеет права или ему не дано разрешение остаться в Латвии, оно передается в другое государство, которое должно принять это лицо или которое согласно его принять с учетом выбора данного лица (ч. 5 ст. 846).

Аналогичные положения можно встретить и в Законе Грузии о сотрудничестве между МУС и Грузией от 16 ноября 2004 г., который также имплементировал нормы Римского статута. Статья 46 названного закона «Исполнение приговора, предусматривающего наказание в виде лишения свободы», устанавливает, что «вынесенный Международным судом приговор, предусматривающий исполнение наказания в виде лишения свободы, может быть исполнен на территории Грузии после того, как ответственный орган согласится удовлетворить соответствующую просьбу» [10].

При этом нормы Закона Грузии о сотрудничестве между МУС и Грузией отдают предпочтение своему законодательству. В соответствии с ч. 5 указанной статьи «другие вопросы, касающиеся исполнения приговора, решаются в соответствии с действующим грузинским законодательством».

УПК Украины от 13 апреля 2012 г. в главе 46 «Признание и исполнение приговоров судов иностранных государств и передача осужденных лиц» содержит ст. 614, предусматривающую нормы о «признании и исполнении приговоров международных судебных учреждений», хотя в названной главе конкретные «международные судебные учреждения» не указываются. Согласно данной статье «признание и исполнение в Украине приговоров международных судебных учреждений, а также принятие лиц, осужденных такими судами к лишению свободы, осуществляются в соответствии с правилами данного Кодекса на основании международного договора, согласие на обязательность которого предоставлено Верховной Радой Украины».

Аналогичные нормы предусматривает УПК Казахстана от 4 июля 2014 г.: «Признание и исполнение в Республике Казахстан приговоров международных судебных учреждений, а также принятие лиц, осужденных такими судами к лишению свободы, осуществляются в соответствии с правилами данного Кодекса

на основании международного договора Республики Казахстан» (ст. 611).

УПК Казахстана, несмотря на имеющийся опыт в данной сфере, по некоторым соображениям недостаточно обоснованно регламентировал вопросы международного сотрудничества. Например, не предусматривается сотрудничество с международными органами в главе о признании и исполнении приговоров и постановлений судов иностранных государств, а предусматривается признание и исполнение приговоров международных судебных учреждений: разве международные судебные учреждения – это иностранное государство?

Передача осужденных из международного судебного органа в государство на постсоветском пространстве еще находится в стадии формирования. Большинство постсоветских стран не предусматривает нормы о названном виде передачи лиц или хотя бы об исполнении приговора международного судебного органа. Латвия, Грузия, Украина и Казахстан включили нормы об исполнении приговора международного суда в свое законодательство, и на этом основании можно сделать вывод, что в этих государствах передача осужденных из международного судебного органа развивается и эти государства признали необходимость принятия лиц, осужденных международным судебным органом. Латвия и Грузия как участники Римского статута имплементировали нормы о признании и исполнении приговора суда. При этом УПК Латвии использует понятие «международный суд», не указывая конкретно, какой «международный суд» имеется в виду, что позволяет сотрудничать в данном направлении с любым международным судом, который в дальнейшем будет создан. В этом смысле УПК Украины и УПК Казахстана используют термин «международные судебные учреждения». В УПК Украины и УПК Казахстана, несмотря на ограниченный характер регламентации данного вопроса по сравнению с УПК Латвии и Законом Грузии, имеется единое производство. УПК Украины и УПК Казахстана разделяют «признание и исполнение приговоров международных судебных учреждений» и «принятие лиц, осужденных международным судебным учреждением к лишению свободы».

До тех пор, пока мы не отделим «признание и исполнение приговоров международных судебных учреждений» от «принятия лиц, осужденных международным судебным учреждением к лишению свободы» или «передачи лиц, осужденных международным судебным учреждением к лишению свободы», многие вопросы «передачи лиц, осужденных международным судебным учреждением к лишению свободы» в государство не будут решены, по крайней мере путем правовой регламентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллоев П.С. Международно-правовая помощь при сборании и проверке доказательств по уголовным делам (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации). М. : Юрлитинформ, 2016. 224 с.
2. Типовой договор о передаче надзора за правонарушителями, которые были условно осуждены или условно освобождены : принят резолюцией 45/119 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901747234> (дата обращения: 03.05.2020).
3. Абдуллоев П.С. Передача лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения (на примере постсоветских стран) // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2019. № 4. С. 27–43.

4. Абдуллоев П.С. Временная передача лиц, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы, для оказания правовой помощи в рамках международного сотрудничества постсоветских стран // Правовая жизнь. 2018. № 2 (22). С. 144–167.
5. Абдуллоев П.С. Передача лиц в Международный уголовный суд: проблемы и перспективы постсоветских стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 57–66.
6. Остроухов Н.В., Ромашев Ю.С. Международно-правовые вопросы передачи лиц в интересах правосудия // Московский журнал международного права. 2013. № 3. С. 83–90.
7. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции : хрестоматия. Москва : Юрлитинформ, 2009. 536 с.
8. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. URL: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 03.05.2020).
9. Устав Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 года по 31 декабря 1994 года. URL: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 03.05.2020).
10. Закон Грузии о сотрудничестве между Международным уголовным судом и Грузией от 16 ноября 2004 г. URL: www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/georgia-icc-law-161104.htm (дата обращения: 03.05.2020).

Transfer of Persons Sentenced to Imprisonment to Serve Their Sentences From International Criminal Judicial Bodies to Their States Within the Framework of the Criminal Procedure of Post-Soviet States

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 92–96. DOI: 10.17223/23088451/15/18

Parviz S. Abdulloev, Tajik National University (Dushanbe, Republic of Tajikistan). E-mail: 1986parviz@mail.ru

Keywords: international cooperation, transfer of persons, international judicial body, International Criminal Court (ICC), post-Soviet states, international treaties, criminal procedure laws, foreign state, criminal case.

The procedure for the transfer of convicts from an international judicial body to the state in the post-Soviet space is still in the formation. Most post-Soviet states do not have rules on this type of transfer, or even on the execution of a sentence of an international judicial body. Latvia, Georgia, Ukraine, and Kazakhstan have rules for the enforcement of sentences of international courts; thus, these states are developing the transfer of convicts from an international judicial body, they have recognised the need to accept persons convicted by an international judicial body. Latvia and Georgia, as participants in the Rome Statute of the International Criminal Court, implemented the rules on recognition and enforcement of ICC sentences. Although the Criminal Procedure Law of the Republic of Latvia uses the concept “international court”, it is not known which “international court” it is, this allows cooperation in this area with any international court that will be created in the future. In this sense, the Criminal Procedure Code of Ukraine and the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan use the term “international judicial institutions”. The codes of Ukraine and Kazakhstan, despite the limited nature of the regulation of the transfer issue in comparison with the laws of Latvia and Georgia, have unified proceedings. These codes separate “recognition and execution of sentences of international judicial institutions” and “acceptance of persons sentenced to imprisonment by an international judicial institution”. Until “recognition and execution of sentences of international judicial institutions”, “acceptance of persons sentenced to imprisonment by an international judicial institution”, “transfer of persons sentenced to imprisonment by an international judicial institution” are separated, many issues of the “transfer of persons, sentenced to imprisonment by an international judicial institution” to the state will not be resolved, at least by legal regulation.

References

1. Abdulloev, P.S. (2016) *Mezhdunarodno-pravovaya pomoshch' pri sobiraniy i proverke dokazatel'stv po ugolovnym delam (po materialam Respubliki Tadjikistan i Rossiyskoy Federatsii)* [International legal assistance in collecting and verifying evidence in criminal cases (based on materials from the Republic of Tajikistan and the Russian Federation)]. Moscow: YurLitinform.
2. Docs.cntd.ru. (2020) *Tipovoy dogovor o peredache nadzora za pravonarushitelyami, kotorye byli uslovno osuzhdeny ili uslovno osvobozhdeny. Prinyat rezolyutsiyey 45/119 General'noy Assamblei OON ot 14 dekabrya 1990 g.* [Model Treaty on the Transfer of Supervision of Offenders Conditionally Sentenced or Conditionally Released. Adopted by the UN General Assembly Resolution 45/119 of December 14, 1990]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901747234> (Accessed: 03.05.2020).
3. Abdulloev, P.S. (2019) *Peredacha lits, stradayushchikh psikhicheskimi rastroystvami, dlya provedeniya prinuditel'nogo lecheniya (na primere postsovetских stran)* [Transfer of persons suffering from mental disorders for compulsory treatment (on the example of post-Soviet states)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. 4. pp. 27–43.
4. Abdulloev, P.S. (2018) *Vremennaya peredacha lits, sodержashchikh pod strazhey ili otbyvayushchikh nakazanie v vide lisheniya svobody, dlya okazaniya pravovoy pomoshchi v ramkakh mezhdunarodnogo sotrudnichestva postsovetских stran* [Temporary transfer of persons in custody or serving a sentence of imprisonment to provide legal assistance in the framework of international cooperation of post-Soviet states]. *Pravovaya zhizn'*. 2 (22). pp. 144–167.
5. Abdulloev P.S. Transfer of Persons to the International Criminal Court: Problems and Perspectives of Post-Soviet Countries. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 4. pp. 57–66. (In Russian).
6. Ostroukhov, N.V. & Romashev, Yu.S. (2013) International-legal Aspects dealing with Transfer of Persons for the Interest of Justice. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava – Moscow Journal of International Law*. 3. pp. 83–90. (In Russian).
7. Volevodz, A.G. & Volevodz, V.A. (2009) *Sovremennaya sistema mezhdunarodnoy ugolovnoy yustitsii: khrestomatiya* [The modern system of international criminal justice: An anthology]. Moscow: YurLitinform.
8. UN. (2020) *Statute of the International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991*. [Online] Available from: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (Accessed: 03.05.2020). (In Russian).

9. UN. (2020) *Statute of the International Criminal Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Genocide and Other Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Rwanda and Rwandan Citizens Responsible for Genocide and Other Such Violations Committed in the Territory of Neighbouring States, between 1 January 1994 and 31 December 1994*. [Online] Available from: <http://www.un.org/ru/law/ictt/charter.shtml> (Accessed: 03.05.2020). (In Russian).
10. ICRC. (2020) *Law of Georgia on Cooperation of Georgia With the International Criminal Court*. [Online] Available from: www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/georgia-icc-law-161104.htm (Accessed: 03.05.2020). (In Russian).

УДК 343.325

DOI: 10.17223/23088451/15/19

Н.А. Кудратов

**К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ СЕПАРАТИЗМА
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Исследуются вопросы криминализации сепаратизма в уголовном законе Республики Таджикистан. Рассматриваются посягательства на территориальную целостность и территориальную неприкосновенность Таджикистана как основу национальной безопасности. Предложена структура сепаратизма (особенно его объективная сторона) как преступления. Принимая во внимание доктрину уголовного права, нормы Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», предложено криминализировать сепаратистскую деятельность в УК РТ.

Ключевые слова: государство, территориальная неприкосновенность, территориальная целостность, сепаратизм, публичное оправдание, финансирование.

Территория является основным признаком каждого суверенного государства. Конституция Республики Таджикистан в ст. 7 провозглашает, что территория Таджикистана неделима и неприкосновенна. Обеспечение суверенитета, независимости и территориальной целостности Таджикистана является одним из обязательств государства. Кроме этого, в ст. 100 Конституции Республики Таджикистан указывается, что территориальная целостность государства неизменна. Принимая во внимание эти нормы и принципы, Уголовный кодекс Республики Таджикистан (далее – УК РТ) установил ответственность за деяние, направленное на нарушение территориальной целостности и неприкосновенности государства.

В УК РТ нормы, направленные на охрану территориальной целостности и неприкосновенности государства, не сконцентрированы в какой-либо одной самостоятельной (специальной) главе и не объединены по признакам общности родового объекта. В основном эти виды преступлений закреплены в главе 29 УК РТ: измена государству (ст. 305); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 306); публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан (ст. 307); шпионаж (ст. 308); вооруженный мятеж (ст. 313). Но, к сожалению, указанные статьи не отражают в достаточной мере некоторые особо важные вопросы, касающиеся проблем защиты территории Таджикистана от незаконного деления и нарушения неприкосновенности. С целью защиты территориальной целостности и неприкосновенности государства представляется необходимым установить уголовную ответственность за сепаратизм на законодательном уровне.

Установление уголовной ответственности за сепаратизм имеет ряд оснований.

**Социально-политические основы установления
уголовной ответственности за сепаратизм**

Закон РТ «О безопасности» определил национальную безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов страны от реальных, потенциальных внутренних и внешних угроз. Анализ законодательных предписаний подтверждает принадлежность

территориальной целостности и неприкосновенности Таджикистана к основам национальной безопасности (безопасности государства). Особое место среди них занимают реальные и потенциальные угрозы территориального характера:

1) во внешнеполитической сфере – угрозы посягательства на суверенитет государства и ее территориальную целостность, территориальные претензии со стороны других государств (Кыргызстан, Афганистан, Китай);

2) в сфере государственной безопасности – угрозы посягательства со стороны отдельных групп (ИГИЛ, ПИВТ) и лиц на государственный суверенитет, территориальную целостность;

3) во внутривнутриполитической сфере – возможность радикализации и проявлений экстремизма, а также угроза проявлений сепаратизма в отдельных регионах Таджикистана (например, в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (Памир));

4) в военной сфере и сфере безопасности государственной границы Республики Таджикистан – незавершенность договорно-правового оформления государственной границы РТ с соседними государствами (с Кыргызстаном);

Основными угрозами для нарушения территориальной целостности и территориальной неприкосновенности Таджикистана является нынешняя ситуация в соседних государствах – Кыргызстане и Афганистане. Протяженность границы между Таджикистаном и Афганистаном составляет 1 400 км, а между Таджикистаном и Кыргызстаном – около 970 км. После распада Советского Союза кыргызско-таджикская граница остается одной из последних неопределенных границ, где отчетливо ощущается наследие СССР в новой Евразии. За 25 лет независимости Кыргызстану и Таджикистану удалось разграничить 519 из 978 км их общей границы, в то время как оставшиеся 459 км в густонаселенных низменностях являются предметом взаимных претензий и включают 58 отдельно спорных участков.

Это наследие в настоящее время дает основания для противоречивых территориальных претензий: Таджикистан настаивает на восстановлении «исторической справедливости», как это отражено на картах 1924–

1927 г., которые показывают, что многие оспариваемые земли раньше принадлежали Республике Таджикистан, в то время как Кыргызстан поддерживает карты 1958 г., созданные после нескольких волн переселения. Дискурс часто связывает проблему с намерениями «разделяй и властвуй» советских планировщиков, которые оставили нечеткие и неподходящие границы в качестве постсоветского наследия, не рассматривая аргументы, стоящие за постоянными пересмотрами границ советской эпохи. В настоящее время это настоящая головоломка, в которой нет очевидного территориального решения, справедливого для всех сторон, что привело к многочисленным инцидентам в сфере безопасности и едва позволило избежать вооруженного конфликта [1].

В некотором смысле проблемы на таджикско-кыргызской границе не новы. Эти земли были подвержены конфликтам в 1936, 1938, 1969, 1975 и 1989 гг. Разногласия по поводу земли привели к открытым столкновениям, таким как конфликт между Ак-Сай и Ворух в 1975 и 1989 гг., когда спор о воде перерос в насилие с использованием камней, сельскохозяйственных инструментов и огнестрельного оружия. Фактор этнической принадлежности усилился в период ранней независимости, так как возросла связь населения с национальными государствами. М. Ривз отмечает, что «в этой конкретной части бассейна Ферганской долины этническая принадлежность стала настолько заметной, как повседневная “практическая категория”» [2].

Национально-патриотические ценности год за годом укрепляются, и споры о пастбищах и использовании воды истолковываются как вопрос национального выживания. По сравнению с началом 2000-х гг. этнические различия приобрели более негативный оттенок, и местные субъекты все чаще воспринимают повседневные конфликты в этническом аспекте. Проблемы, которые изначально возникают как бытовые деревенские споры, принимают характер этнической поляризации и заканчиваются такими аргументами, как «это наша историческая земля» и «вы не имеете права быть здесь». Такие призывы создают эмоциональный резонанс, вызывают чувство патриотизма и позволяют мобилизовать большую группу избирателей для защиты «территориальной целостности» даже в мелких спорах.

Несмотря на то, что межгосударственная конфронтация отнюдь не неизбежна, напряженность вокруг анклавов и оспариваемых территорий, вероятно, сохранится в будущем, и риск проявления сепаратизма высок.

Нормативно-правовые основы установления уголовной ответственности за сепаратизм

Целостность и неприкосновенность территории Таджикистана нормативно признаны приоритетными национальными интересами, которые обеспечивают основы национальной безопасности РТ. Это фундаментальные, основополагающие атрибуты, обеспечивающие само существование таджикского народа, его уникальную самобытность и единство, а также реализацию им его исключительного права на развитие на соответствующем пространстве независимого, суверенного,

демократического, правового и социального государства.

Анализ уголовного законодательства показывает, что целостность и неприкосновенность территории в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны не рассматриваются действующим уголовным законодательством. Однако уголовно-правовая защита территориальной целостности и неприкосновенности государства как составная часть конституционного строя и безопасности РТ является основной задачей уголовного законодательства, которое закреплено в ст. 2 УК РТ.

В законодательстве РТ легального определения терминов «территориальная целостность» и «территориальная неприкосновенность» не существует. Кроме того, в Законе РТ «О безопасности» наряду с этими терминами законодатель использует термин «территориальная неотчуждаемость», который является синонимом территориальной целостности, что приводит к путанице в определении сущности этих терминов.

В течение десятилетий аспекты международного права и публичного права в понятиях «территориальная целостность» и «территориальная неприкосновенность» были в центре внимания представителей юридической науки. И сегодня, несмотря на относительную разработанность, необходимо рассмотреть различные аспекты проблем территориальной целостности и территориальной неприкосновенности, которые возникают в обществе и государстве, сквозь призму изменений и современных представлений о политической системе и государстве.

При решении вопроса о соотношении понятий территориальной целостности и территориальной неприкосновенности в международном праве традиционно считается, что «территориальная целостность» и «территориальная неприкосновенность», хотя и не являются тождественными, но настолько взаимосвязаны, что практически всегда сопровождают друг друга, в результате чего зачастую объединяются в единый «принцип целостности и неприкосновенности территории». Принцип территориальной целостности и неприкосновенности государства выступает общепризнанным принципом международного права, а потому его содержание трактуется через категорию международно-правовых обязанностей, определенных международными договорами, обычными и другими нормами международного права.

В научной литературе указывается, что принцип территориальной неприкосновенности можно другими словами назвать принципом запрещения применения силы против территории государства; это общепризнанный принцип международного права (норма *ius cogens*) [3, с. 26]. Как справедливо отметила Л.И. Волова, соблюдение требования неприкосновенности государственной территории является условием сохранения ее целостности. Разница заключается в том, что при нарушении неприкосновенности территории не всегда преследуется цель отторгнуть ее часть [4, с. 30–31].

В связи с этим мы не можем согласиться с позицией Л.В. Мошняги, что территориальная неприкосновенность является составной частью территориальной це-

лостности [5, с. 80–83]. Все – наоборот. Семантически «целостность» означает состояние внутреннего единства объекта (единое целое), его относительную автономность, независимость от окружающей среды, а «неприкосновенный» – это такой, который закон охраняет от посягательств со стороны кого-либо, или такой, который нельзя портить, уничтожать, унижать его значимость, важность и т.д. [6]. На наш взгляд, территориальную целостность и территориальную неприкосновенность следует рассматривать в качестве характеристик состояния территории государства как социальной ценности. Целостность характеризует состояние территории государства с точки зрения его пространственных параметров (единство и неделимость), а неприкосновенность – состояние того же объекта с точки зрения внешних условий, в полной мере отражающее социальную ценность этого объекта. Фактическое нарушение неприкосновенности территории государства выражается в нарушении указанных внешних условий и может иметь своим следствием нарушение целостности или другое общественно-опасное последствие для территории государства. Таким образом, территориальная целостность выступает частью более широкого понятия – территориальной неприкосновенности как состояния защищенности от любых посягательств, в том числе и посягательств, которые причиняют вред единству и неделимости территории или создают угрозу причинения такого вреда.

Анализ вышеизложенных точек зрения показывает, что в понятие территориальной целостности исследователи вкладывают различный смысл в зависимости от того, какие стороны этого явления они хотят осветить.

Таким образом, на основе анализа Конституции Республики Таджикистан, международных документов и теорий международного, конституционного права можно предложить следующее понятие территориальной целостности государства: «Территориальная целостность государства проявляется в единстве, нерушимости, неделимости, устойчивости и стабильности территории, на которую распространяется суверенитет государства». Указанные критерии являются качественными характеристиками государства. Сохранение территориальной целостности и неприкосновенности государств от внешних и внутренних угроз является как внутригосударственной, так и международной проблемой. Основное условие существования государства – его территориальная целостность.

Неприкосновенность территории государства – это его защищенность от попыток вооруженного или невооруженного вмешательства. В широком смысле неприкосновенность территории государства – это предохранение его территории от любого посягательства извне; никто не должен покушаться на территорию государства с целью полного или частичного ее занятия или оккупации, проникать в его наземное, подземное, воздушное пространство против воли властей данного государства.

Необходимо отметить, что целостность и неприкосновенность территории Таджикистана как приоритетные национальные интересы обеспечивают основы существования Республики Таджикистан, требуют осо-

бой уголовно-правовой защиты в виде установления уголовной ответственности за посягательство на территориальную целостность и территориальную неприкосновенность Таджикистана (сепаратизм). Криминализация посягательства на территориальную целостность и территориальную неприкосновенность Таджикистана, исходя из нынешней ситуации Таджикистана относительно вопросов делимитации и демаркации государственной границы, является целесообразным и своевременным.

Республика Таджикистан как член ШОС 30 января 2002 г. ратифицировала Шанхайскую конвенцию «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». В указанной Конвенции дефиниция «сепаратизм» определена как какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, и перечисленные деяния должны криминализироваться в уголовном законодательстве стран – участниц ШОС.

В юридической и политической науке консенсуса по вопросам определения дефиниции «сепаратизм» не существует.

Феномен сепаратизма можно наблюдать на протяжении всей истории человечества. Аристотель обнаружил, что каждый город образует часть единственного, но сегментарного общества, которое, хотя и не было государственным само по себе, но было достаточно сильным, чтобы создать препятствие для полного развития государственных форм в городе как высшем субъекте [7, р. 32]. Могущественные империи древнего и средневекового мира были построены, а затем разрушены из-за раздоров между отдельными нациями. В наше время деструктивный характер сепаратизма стал экспоненциально более опасным. Такие движения могут спровоцировать вооруженные конфликты, территориальную дезинтеграцию, экономический застой и нанести ущерб международной безопасности. Нации больше не являются в значительной степени изолированными друг от друга, проблемы одной нации могут быстро влиять на соседние нации, целые регионы и даже порождать глобальные последствия.

Согласно мнению некоторых исследователей, сепаратизм – это создание государства путем применения силы или угрозы силой, без согласия бывшего суверена. В то же время признается, что отделение может быть достигнуто мирными средствами, но для этого необходим международный акт, политические или правовые акты о выходе территории из существующего государства [8, с. 54].

Другие авторы разделяют мнение о том, что сепаратизм является законным и нелегитимным движением одновременно. Он всегда нелегитимен с точки зрения государства, вступает в противоречие с официальным законодательством и легитимен, пробуждая сострадание к «слабым народам, над которыми господствуют могущественные государства», оправдывая его как адекватный ответ на действия государства через реали-

зацию исторического права на самоопределение. Современные подстрекатели сепаратизма используют международное право в отношении права человека на самоопределение в качестве основного оправдания своих движений. В этой связи даже краткий анализ закона применительно к рассматриваемой ситуации (ситуациям) показывает, что многие сепаратистские группы умышленно неверно интерпретируют закон в попытке оправдать свои истинные цели [9]. Принцип самоопределения не допускает изоляции от государства и не может использоваться в качестве инструмента территориальной и политической дезинтеграции суверенных государств. Этот принцип является основополагающим и имеет международно-правовые прецеденты, определяемые многочисленными печально известными случаями.

Н.В. Явкин пишет, что «сепаратизм – это стремление к отделению, сам процесс отделения или обособления со ставкой на полное автономное существование и развитие. В общественном развитии это, как правило, стремление к обособлению у национальных меньшинств в многонациональных государствах, направленное на создание самостоятельных государств или национально-государственных автономий» [6, с. 39].

Учитывая чрезвычайную социальную, экономическую и политическую опасность, которую представляет собой явление сепаратизма, многие государства бывшего СССР активно криминализируют сепаратистские действия, которые могут угрожать жизни их граждан, а также дестабилизировать мир и процветание, например Российская Федерация, Украина, Грузия, Казахстан, Беларусь, Узбекистан и др.

Главная трудность, когда речь заходит о криминализации сепаратистских действий, заключается в том, чтобы найти способ защитить стабильность и суверенитет нации, сохраняя при этом твердую приверженность защите прав человека. Любое расширение сферы криминализации сепаратистских действий в государстве не должно противоречить демократическим нормам и международным соглашениям по правам человека, участникам которых являются отдельные государства [10].

В настоящее время УК РТ не криминализирует общие сепаратистские действия, за исключением тех, цель которых достигается с помощью насильственности (ст. 306 УК РТ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и ст. 313 УК РТ «Вооруженный мятеж»). Здесь возникает один важный вопрос: а если сепаратизм имеет ненасильственный характер? На этот вопрос УК РТ неспособен ответить. Данная слабость нынешнего УК РТ является лазейкой для сепаратистов, которая позволяет им безнаказанно осуществлять сепаратистские действия мирным путем.

Парламент Республики Таджикистан – Маджлиси намоёндогон Маджлиси Оли РТ – не смог эффективно имплементировать нормы Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» в УК РТ.

Для нашего исследования особое значение имеют доктринальное исследование и анализ зарубежных законодательств в области уголовной ответственности за сепаратизм и разработка структурных элементов новой статьи УК РТ – посягательство на территориальную

целостность и территориальную неприкосновенность Республики Таджикистан (сепаратизм).

В научной правовой литературе предложены различные варианты криминализации сепаратизма. Например, Е.П. Сергун предлагает дополнить УК РФ ст. 279¹ «Сепаратизм». Согласно его предложению, «Сепаратизм – это действия, направленные на осуществление выхода субъекта РФ или его части из состава РФ в нарушение территориальной целостности государства, не обусловленные намеренным попранием Российской Федерацией конституционных и общепризнанных на международном публично-правовом уровне принципов равноправия и самоопределения этносов (народов), проживающих на территории РФ» [8, с. 54]. Позиция Е.П. Сергуна созвучна положениям Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», однако, на наш взгляд, данное определение не полностью охватывает все действия, которые связаны с сепаратизмом.

Е. Кара к объективной стороне сепаратистских действий относит: организацию и проведение сепаратистских референдумов, публичные призывы к осуществлению сепаратистских действий, включая выпуск, сохранение и распространение сепаратистских материалов (без подстрекательства к насилию), публичное оправдание сепаратизма, финансирование сепаратистских действий, использование политических лозунгов с сепаратистским содержанием, оказание поддержки иностранным государствам или организациям в осуществлении сепаратистских действий и т.д. [10]. Позиция Е. Кара охватывает более широкий круг действий, которые относятся к сепаратизму, и данную позицию мы можем взять за основу определения сепаратизма как преступления.

Практика уголовных законодательств государств бывшего СССР, особенно РФ, Украины, Казахстана, Кыргызстана и др., свидетельствует о том, что они восприняли опасность сепаратизма и для его предупреждения криминализовали его в своих уголовных кодексах. Например, ст. 280.1. УК РФ (публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ), ст. 110 УК Украины (посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины), ст. 180 УК Казахстана (сепаратистская деятельность), ст. 311 УК Кыргызстана (сепаратистская деятельность) и др.

Анализ содержания указанных статей позволяет нам выделить следующие их особенности:

а) сепаратизм направлен на нарушение территориальной целостности государства;

б) объективная сторона сепаратизма заключается в пропаганде или публичных призывах к нарушению унитарности и целостности государства, а также неприкосновенности и неотчуждаемости ее территорий; в дезинтеграции государства; в умышленных действиях, совершенных с целью изменения границ территории или государственной границы; в публичном призыве и распространении материалов с призывами к изменению границ территории или государственной границы;

в) способ совершения преступления как квалификационный признак установлен в УК РФ, им является

совершение сепаратизма с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет);

г) наравне с общим субъектом УК Казахстана и УК Украины предусматривают и специальный субъект. Им являются: лицо с использованием своего служебного положения; лидер общественного объединения; лицо, которое является представителем власти.

В научной литературе некоторые специалисты, например М.А. Рубащенко, выступают против использования термина «сепаратизм» в уголовных кодексах. Наиболее серьезный аргумент против введения в уголовно-правовую терминологию «сепаратизма» заключается в том, что при отсутствии его определения в уголовном законе его использование будет входить в противоречие с международными обязательствами государств (РТ, РФ, Украина и др. – *Н.К.*) в сфере соблюдения прав человека (в частности, относительно freedom of expression – свободы слова, и legal certainty – правовой определенности) и прогнозируемо приведет к нарушению их на практике под предлогом необходимости обеспечения абстрактной безопасности. С другой стороны, вводить это понятие с одновременным предоставлением ему определения также не кажется оправданным ввиду того, что действующий УК и так уже максимально широко предусматривает все общественно опасные формы той деятельности, которую называют сепаратизмом, маневрируя на тонкой грани между свободой и необходимостью обеспечения безопасности, предоставляя правоприменителю возможности для распространительного или ограничительного толкования тех или иных положений с учетом мировых стандартов прав человека и используя при этом устойчивую терминологию. История доказывает, что попытки построить демократическое государство недемократическими методами в конечном итоге часто приводит к установлению недемократических (авторитарных или тоталитарных) правовых режимов. Неоправданным видится применение этого понятия и органами предварительного расследования при формулировке обвинения, а также в судебной практике – при формулировке судом мотивировочной и тем более резолютивной части приговора, особенно при отсутствии какой-либо определенности понятия.

Что касается научных исследований, несмотря на то, что явление сепаратизма часто приобретает формы преступной или иной противоправной деятельности и приводит к тяжелым последствиям, безусловно, его можно и нужно исследовать. Однако следует осторожно подходить к авторским формулировкам и суждениям. Наука выступает одновременно и флагманом, и неким образцом, а потому может и должна оказывать серьезное влияние на формирование правового сознания всех слоев населения – как рядовых граждан, так и журналистов, политиков и т.п. В связи с этим следует

поддерживать практику тех ученых, которые взвешенно подходят к уголовно-правовой терминологии, выделяя «уголовно-наказуемые формы сепаратизма» как подкласс более широкого явления сепаратизма, а не отождествляя его с соответствующими уголовными преступлениями [11, с. 100–101].

Выводы

В целях защиты суверенитета и территориальной целостности Республики Таджикистан представляется целесообразным укрепить национальную правовую базу путем переоценки эффективности уголовных норм в отношении действий сепаратистов. Исходя из этого, принимая во внимание доктрины уголовного права, нормы Шанхайской Конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», УК РФ, УК Украины, УК Кыргызстана, УК Казахстана и трансформации нормы гл. 29 УК РТ относительно вопросов защиты территориальной целостности и территориальной неприкосновенности Таджикистана от сепаратистской деятельности, предлагаем дополнить УК РТ новой статьей следующего содержания:

Статья 306¹. Посягательство на территориальную целостность и территориальную неприкосновенность РТ (сепаратизм)

1) Сепаратистская деятельность, т.е. деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части территории или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем;

2) организация и проведение сепаратистских референдумов либо пропаганда или публичные призывы к осуществлению сепаратистских действий (любым способом), включая выпуск, сохранение и распространение сепаратистских материалов либо использование политических лозунгов с сепаратистским содержанием;

3) публичное оправдание сепаратизма;

4) финансирование сепаратистских действий;

5) оказание поддержки иностранным государствам или организациям в осуществлении сепаратистских действий и т.д.;

б) те же действия, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо представителем общественного объединения, либо группой лиц или группой лиц по предварительному сговору...

Таким образом, наличие уголовной ответственности за сепаратизм станет адекватной реакцией государства на те события, которые сегодня развиваются и будут развиваться в государстве, и проявлением социального регулирования общественных процессов средствами уголовно-правовой науки. Наряду с этим эффективность уголовно-правового регулирования предотвращения сепаратизма значительно повысилась бы при криминализации сепаратизма в УК РТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Matveeva A.* Divided we fall... or rise? Tajikistan–Kyrgyzstan border dilemma // Cambridge Journal of Eurasian Studies. 2017. № 1. DOI: 10.22261/94D4RC.

2. Reeves M. Materialising state space: 'Creeping Migration' and territorial integrity in southern Kyrgyzstan // *Europe-Asia Studies*. 2009. № 61 (7). P. 1284–1287.
3. Остроухов Н.В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации на постсоветском пространстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 62 с.
4. Волова Л.И. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве. Ростов н/Д : Изд-во Ростов.ун-та, 1981. 192 с.
5. Мошняга Л.В. Уголовная ответственность за преступления против конституционных основ национальной безопасности Украины : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2011. 20 с.
6. Явкин Н.В. Проблема обеспечения единства и территориальной целостности государства в условиях борьбы народов за самоопределение : дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2004. 220 с.
7. Hinsley F.H. *Suveranitate*. Chişinău : Ştiinţa, 1998. 200 p.
8. Сергун Е.П. «Сепаратизм» как возможный состав преступления в российском уголовном праве // *Правовая культура*. 2013. № 2 (15). С. 53–58.
9. Крылов А.Б. Сепаратизм в странах Востока. М. : Наука, 1992. 174 с.
10. Reflections on the legality of criminalization of separatist actions within the republic of Moldova. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=678634> (дата обращения: 10.01.2020).
11. Рубашченко М.А. Проблеми використання поняття «сепаратизм» у сфері кримінального права // *Вісник Асоціації кримінального права України*. 2017. № 2 (9). С. 88–104. DOI: 10.21564/2311-9640.2017.9.165710

On the Criminalisation of Separatism in the Criminal Law of the Republic of Tajikistan

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 97–102. DOI: 10.17223/23088451/15/19

Nekruz A. Kudratov, Tajik State University of Commerce (Dushanbe, Republic of Tajikistan). E-mail: nek-kudratov@mail.ru

Keywords: states, territorial integrity, separatism, public justification; financing.

In order to protect the sovereignty and territorial integrity of the Republic of Tajikistan, it seems appropriate to strengthen the national legal framework by reassessing the efficiency of criminal norms in relation to the actions of separatists. Based on this, taking into account the doctrines of criminal law, the norms of the Shanghai Convention on the Fight Against Terrorism, Separatism and Extremism, the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Code of Ukraine, the Criminal Code of the Kyrgyz Republic, the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, and the transformation of the norms of Chapter 29 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan on issues of protecting the territorial integrity of Tajikistan from separatist activities, the author proposes to supplement criminal law with a new norm that criminalises (1) the violation of the territorial integrity of the state, including the separation of a part of its territory or the disintegration of the state by force; (2) the organisation and conduct of separatist referenda or propaganda or public calls for separatist actions (by any means), including the release, preservation and dissemination of separatist materials or the use of political slogans with separatist content; (3) the public justification of separatism; (4) the financing of separatist actions, the support of foreign states or organisations in carrying out separatist actions, etc. Thus, criminal liability for separatism will become an adequate state response to the events that are developing and will continue to develop in the state and a manifestation of social regulation of public processes by means of criminal law science. The efficiency of the criminal law regulation of separatism prevention would significantly increase with the criminalisation of separatism in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan.

References

1. Matveeva, A. (2017) Divided we fall . . . or rise? Tajikistan–Kyrgyzstan border dilemma. *Cambridge Journal of Eurasian Studies*. 1. DOI: 10.22261/94D4RC
2. Reeves, M. (2009) Materialising state space: 'Creeping Migration' and territorial integrity in southern Kyrgyzstan. *Europe-Asia Studies*. 61 (7). pp. 1284–1287.
3. Ostroukhov, N.V. (2010) *Territorial'naya tselostnost' gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave i ee obespechenie v Rossiyskoy Federatsii na postsovetском prostranstve* [The territorial integrity of states in modern international law and its ensuring in the Russian Federation in the post-Soviet space]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
4. Volova, L.I. (1981) *Printsip territorial'noy tselostnosti i neprikosnovennosti v sovremennom mezhdunarodnom prave* [The principle of territorial integrity and inviolability in modern international law]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
5. Moshnyaga, L.V. (2011) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv konstitutsionnykh osnov natsional'noy bezopasnosti Ukrainy* [Criminal liability for crimes against the constitutional foundations of national security of Ukraine]. Abstract of Law Cand. Diss. Kharkov.
6. Yavkin, N.V. (2004) *Problema obespecheniya edinstva i territorial'noy tselostnosti gosudarstva v usloviyakh bor'by narodov za samoopredelenie* [The problem of ensuring the unity and territorial integrity of the state in the conditions of the struggle of peoples for self-determination]. Political Science Cand. Diss. N. Novgorod.
7. Hinsley, F.H. (1998) *Suveranitate*, Chişinău: Ştiinţa.
8. Sergun, E.P. (2013) Separatism as a Potential Corpus Delicti in the Russian Criminal Law. *Pravovaya kul'tura*. 2 (15). pp. 53–58. (In Russian).
9. Krylov, A.B. (1992) *Separatizm v stranakh Vostoka* [Separatism in the countries of the East]. Moscow: Nauka.
10. Cara, E. (2018) Reflections on the legality of criminalization of separatist actions within the Republic of Moldova. *Studia Securitatis*. 1. pp. 105–113. [Elektronnyy resurs]: [Online] Available from: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=678634> (Accessed: 10.01.2020).
11. Rubashchenko, M.A. (2017) The Problems of Using the Concept of "Separatism" in the Criminal Law Sphere. *Visnik Asotsiatsii kriminal'nogo prava Ukraïni – Herald of the Association of Criminal Law of Ukraine*. 2(9). pp. 88–104. (In Ukrainian). DOI: 10.21564/2311-9640.2017.9.165710

А.Б. Скаков

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ И ПРОБАЦИИ

Проведен анализ уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики, реализуемой в Казахстане в области исполнения лишения свободы. В связи с наличием ряда существенных недостатков обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правовой регламентации процесса исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, по прогрессивной системе. Предлагается организация единого подхода в формировании уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: уголовная политика, гуманизация, лишение свободы, наказания, альтернативные лишению свободы, прогрессивная система исполнения лишения свободы, условия содержания, поведение осужденных.

В процессе реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г. (утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858) выявлен ряд проблем в области законодательства и правоприменительной деятельности государственных органов, требующих скорейшего разрешения. Учитывая данное обстоятельство, Республика Казахстан предприняла шаги по совершенствованию законодательства в сфере системы уголовных наказаний, их исполнения, а также наметила мероприятия по реорганизации уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы. В течение 2014 г. были приняты, а с 1 января 2015 г. вступили в законную силу новые Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы, в которых предусмотрено существенное расширение правового положения осужденных, что соответствует общей направленности деятельности государства в области уголовной политики в сторону ее гуманизации.

При подготовке указанных законов принималась во внимание необходимость дальнейшего совершенствования системы видов уголовных наказаний в целях повышения их эффективности в процессе профилактики преступлений. Кроме того, законодателем решалась прикладная задача сочетания уголовно-исполнительного воздействия с уголовно-правовым, под которым профессор В.И. Селиверстов понимает «...воздействие на осужденного карательных правоограничений, составляющих содержание наказания и, как правило, закрепленных в нормах уголовного законодательства» [1, с. 191–192].

В настоящее время, по прошествии более 5 лет с момента вступления в силу Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов, можно наблюдать как положительные, так и отрицательные результаты их реализации.

К числу недостатков, на наш взгляд, следует отнести следующее.

Во-первых, для эффективного исполнения лишения свободы по прогрессивной системе до настоящего времени, к сожалению, не определены и не созданы правовые и материальные условия. Здесь следует отметить, что отсутствует соответствующая современным научным достижениям система критериев оценки поведения осужденных, что существенно влияет на обос-

нованное применение тех или иных институтов прогрессивной системы исполнения лишения свободы. Определение степени исправления осужденных только по количеству вынесенных им поощрений, на наш взгляд, не в полной мере отвечает требованиям применения институтов прогрессивной системы (институт изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения; институт изменения условий содержания путем перевода в исправительное учреждение другого вида; институт замены наказания и институт условно-досрочного освобождения). В правоприменительной практике деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы наблюдается профанация важнейшего процесса исправления лиц, лишенных свободы, их социальной адаптации и реабилитации, что приводит к ее сбою. Так, например, улучшить свои условия содержания могут приспособленцы и лицемеры, о чем предупреждал профессор А.Е. Наташев [2–4].

Во-вторых, процедура применения институтов прогрессивной системы слишком усложнена. Как правило, практически все элементы указанной системы (за исключением института изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения) может назначать только суд. Учитывая загруженность судов, думается, не стоит ждать от них эффективного применения прогрессивной системы. Кроме того, отсутствие в Уголовно-исполнительном кодексе законодательно утвержденного понятия «прогрессивная система» также препятствует единообразному его толкованию.

В-третьих, в уголовно-исполнительном (пенитенциарном) законодательстве наблюдаются коллизии и пробелы в правовой регламентации процесса исполнения наказаний в виде лишения свободы и других видов наказания, в частности применения мер поощрения и взыскания в отношении различных категорий лиц, осужденных к разным видам наказания. Так, например, в законодательстве не регламентируется процесс снятия взыскания у лиц, осужденных к общественным и исправительным работам.

В-четвертых, до настоящего времени не созданы необходимые материальные условия для надлежащего исполнения лишения свободы, ареста, исправительных работ и ограничения свободы. В частности, при испра-

вительных учреждениях средней, максимальной и чрезвычайной безопасности¹ (колонии общего, строгого и особого режима соответственно – сноска автора) не созданы льготные условия содержания, которые должны располагаться за их пределами. Только в этих условиях, когда вставшие на путь исправления осужденные полностью выводятся из-под негативного влияния криминальной субкультуры, можно будет говорить о высокой эффективности институтов прогрессивной системы и об успешной социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Кроме указанных, существует ряд других проблем, выявленных в ходе применения уголовного и уголовно-исполнительного (пенитенциарного) законодательства, которые нами не выделены отдельно в связи требованиями, предъявляемыми к статьям.

Говоря о положительных результатах действия нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, следует отметить высокий потенциал институтов прогрессивной системы. Уже сейчас наблюдается значительное снижение численности осужденных к лишению свободы, содержащихся в исправительных учреждениях. По данному критерию Казахстан с 3-го места в мире перешел на 97-е по числу осужденных на единицу населения. В местах лишения свободы наблюдается оздоровление социальной обстановки в коллективах осужденных, постепенно нейтрализуется негативное влияние криминальных авторитетов на них. Повышается эффективность процесса социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Особенно этот процесс активизировался после принятия Закона Республики Казахстан «О пробации», который так же, как и Уголовно-исполнительный кодекс, к сожалению, не лишен недостатков. Так, согласно ч. 1 ст. 13 названного закона, «...досудебная пробация применяется на добровольной основе в отношении подозреваемых, обвиняемых», что, на наш взгляд, недостаточно обоснованно. Вызывает сомнение положение нормы о добровольности применения досудебной пробации, предусматривающей строгий пробационный контроль в отношении испытуемого. Другой значимой проблемой, которая в дальнейшем, несомненно, понизит эффективность досудебной пробации, является отсутствие в перечне субъектов вышеназванного контроля самостоятельного процессуального лица – свидетеля, ведущего асоциальный образ жизни (наркомания, алкоголизм, токсикомания, проституция, бродяжничество и т.д.). По нашему глубокому убеждению, все лица указанной категории, оказавшиеся в сфере уголовного судопроизводства, должны в обязательном порядке подвергаться пробации. Спорным является и положение ч. 5 ст. 13 исследуемого закона, предусматривающее

прекращение досудебной пробации в случае прекращения уголовного дела производством. Думается, прекращение уголовного дела в отношении лица, ведущего антиобщественный образ жизни, не является препятствием для продолжения досудебной пробации. Этим самым мы обеспечим высокий уровень профилактики преступности.

Говоря о приговорной пробации, следует констатировать то, что она, по нашему мнению, также не лишена недостатков. Так, согласно ч. 1 ст. 15 исследуемого закона, данному виду пробации подлежат только две категории лиц: осужденный к ограничению свободы и осужденный условно. Почему законодатель не включил в данный перечень лиц, осужденных к другим видам уголовного наказания (штраф, общественные работы, обязательные работы, арест), – неясно.

Не все однозначно и в содержании ст. 16 закона, регламентирующей пенитенциарную пробацию. Так, в ч. 2 указанной статьи говорится о том, что «ресоциализация осужденного осуществляется с момента его прибытия в учреждение уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы в соответствии с требованиями уголовного-исполнительного законодательства Республики Казахстан». В то же время ч. 3 данной статьи содержит положение, согласно которому «в отношении осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы, которому до отбытия срока наказания остался один год, ресоциализация осуществляется службой пробации совместно с администрацией учреждения уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы в форме оказания социально-правовой помощи». Возникает уместный вопрос: кто осуществляет пенитенциарную пробацию осужденного с момента его прибытия в исправительное учреждение до периода, когда остался один год до отбытия им срока наказания? Из содержания ч. 3 ст. 16 закона следует, что это не служба пробации. В то же время пробационная деятельность выходит за пределы функциональных обязанностей администрации исправительного учреждения. В случае возложения исполнения пробации на администрацию возникают вопросы организационного (выезд сотрудников за пределы исправительных учреждений) и административного (расширение штатов) характера.

Исполнение постпенитенциарной пробации также не лишено недостатков. В перечне наказаний, содержащихся в ст. 17 исследуемого закона, после исполнения которых возможно применение постпенитенциарной пробации, отсутствуют общественные работы, исправительные работы, арест. Неурегулированность данного вопроса может негативно отразиться на пробационном процессе, проводимом с лицами, оказавшимися в сфере уголовного судопроизводства.

Отмечая в целом положительные тенденции в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы, следует все же обратить внимание на вышеуказанные недостатки, устранение которых, безусловно, положительно отразится на исправлении осужденных, их социальной адаптации и реабилитации. Именно желание повысить эффективность институтов прогрессивной системы, а также совершенствовать пробацию осужденных позволяет нам внести на рассмотрение

¹ Следует согласиться с мнением профессора В.А. Уткина, являвшегося международным экспертом по проекту Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан и предложившего дополнить словом «мер» названия исправительных учреждений, а именно: исправительное учреждение минимальных мер безопасности, исправительное учреждение средних мер безопасности, исправительное учреждение максимальных мер безопасности и исправительное учреждение чрезвычайных мер безопасности.

научного сообщества некоторые рекомендации и предложения.

Как ранее отмечалось, значительная часть элементов прогрессивной системы уже реализована как в казахстанском, так и в российском законодательстве и правоприменительной практике. Из традиционно выделяемых форм прогрессивной системы в уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрено постепенное *изменение условий содержания* осужденных как *внутри одного исправительного учреждения*, так и *путем перевода в исправительное учреждение другого вида*. В уголовном законодательстве закреплена возможность *замены наказания более мягким или более строгим его видом*, а также *условно-досрочное освобождение* осужденных.

В наиболее общем виде прогрессивную систему можно определить как организацию исполнения наказания, при которой в зависимости от поведения осужденного условия отбывания им наказания изменяются в сторону улучшения или ухудшения.

Следует отметить, что в действующих в настоящее время казахстанском и российском уголовно-исполнительных кодексах термин «прогрессивная система» не используется.

Вместе с тем в настоящее время он гораздо чаще встречается в специальной литературе, нежели в правовых актах. Естественно, разные авторы вкладывают в него различный смысл. Отсутствует и общепринятая дефиниция термина «прогрессивная система».

В этой связи в данной статье излагается авторское понимание прогрессивной системы. Как нам представляется, прогрессивную систему можно охарактеризовать как единый институт, состоящий из нескольких самостоятельных, включающих нормы различных отраслей права.

Действительно, такие элементы прогрессивной системы, как изменение условий содержания осужденных в пределах одного исправительного учреждения и перевод в исправительное учреждение другого вида обладают специфическими особенностями, не говоря уже о замене наказания в процессе отбывания и условно-досрочном освобождении, что позволяет рассматривать их как отдельные самостоятельные институты.

Согласно теории, к признакам правового института относят:

- наличие совокупности норм, имеющей собственную структуру;
- своеобразие юридической конструкции данной совокупности норм, ее внешнее обособление и обеспечение самостоятельного регулятивного воздействия на определенный участок общественных отношений;
- отраслевую чистоту норм [5].

Самостоятельный характер институтов, являющихся структурными элементами прогрессивной системы, казалось бы, должен служить препятствием для объединения их в единую систему, тем более что первые два имеют уголовно-исполнительную природу, а два последних – уголовно-правовую.

Между тем правовые институты могут образовываться не только в рамках одной отрасли. Тесная взаимосвязь уголовного и уголовно-исполнительного (пе-

нитенциарного) права¹, с помощью которого обеспечиваются реализация значительной части предписаний уголовного законодательства и достижение стоящих перед ним задач, позволяет говорить о формировании межотраслевых институтов. В данном случае единые цель, правовые последствия, основания применения входящих в прогрессивную систему элементов дают возможность рассматривать ее как единый институт, имеющий межотраслевой характер.

Другим важным вопросом, который следует рассмотреть, является значение эффективной реализации институтов прогрессивной системы для предупреждения преступности как в условиях изоляции от общества, так и после освобождения от наказания.

Большинство ученых-пенитенциаристов, изучавших значение институтов прогрессивной системы в профилактике правонарушений среди осужденных, отмечают их высокий потенциал в предупреждении преступности. Действительно, широкомасштабное применение структурных элементов прогрессивной системы путем изменения условий содержания в зависимости от поведения осужденных существенно улучшает дисциплинарную практику исполнения лишения свободы.

Сделанный нами вывод подтвердился проведенным на базе исправительных колоний Чимкентской области Казахской ССР в конце 80-х гг. прошлого века всесоюзным экспериментом.

Здесь следует отметить, что в Российской Федерации была предпринята попытка замены прогрессивной системы как способа исполнения лишения свободы методом «социального лифта», под которым понимается механизм изменения социального статуса индивида в структуре общества. Однако в силу того, что применение «социального лифта» не было научно обосновано и не адаптировано к специфическим условиям деятельности уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, реализация этой идеи потерпела неудачу. По мнению автора, использование метода «социального лифта» изначально было обречено на неудачу в силу того, что, хотя внешне он и похож на прогрессивную систему, но при этом не обладал всеми необходимыми свойствами и средствами, например мерами уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия на лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, характерными и необходимыми для карательно-воспитательного процесса, проводимого с осужденными.

¹ По мнению автора, понятия «уголовно-исполнительное право» и «пенитенциарное право» тождественны друг другу и поэтому в тексте они указаны как равнозначные. В переводе с латинского языка «пенитенциарное» означает исправление, искупление, раскаяние. В таком случае «пенитенциарное право» можно заменить «исправительным правом», что полностью соответствует цели исполнения уголовных наказаний (уголовно-исполнительное право) – исправлению лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. С такой трактовкой уголовно-исполнительного (пенитенциарного) права не согласна Ю.А. Головастова, которая считает, что «замена термина “пенитенциарное” на “уголовно-исполнительное” право приведет к сужению сферы регулируемых общественных отношений, складывающихся в сфере исполнения и отбывания форм реализации уголовной ответственности. Вне сферы правового регулирования останутся наказания, не связанные с изоляцией от общества, а также иные меры уголовно-правового характера» [6, с. 24].

Таким образом, учитывая изложенное, нами предлагается следующее определение прогрессивной системы: «Прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону либо расширения, либо ограничения объема его прав».

Другим ключевым моментом, уже в применении институтов прогрессивной системы, является определение степени исправления осужденного. Надо сказать, что эта проблема является весьма сложной, многоаспектной и сама по себе вполне может стать предметом самостоятельного изучения [7, с. 36–46].

Прежде всего речь пойдет об изменившемся подходе законодателя к формулировкам, определяющим степень исправления осужденных.

Дело в том, и это вполне естественно, что авторы, ориентировавшиеся на ранее действовавшее законодательство, исходили именно из старых формулировок и пытались наполнить их новым содержанием, например показать, что означает формулировка «доказал свое исправление», т.е. как, собственно, оно доказывается (тем более что в законодательстве было на это прямое указание – примерным поведением и честным отношением к труду).

Так или иначе, можно констатировать, что практически общепризнанной стала следующая классификация осужденных. Положительно характеризовавшиеся подразделялись на *вставших на путь исправления*, *твердо вставших на путь исправления* и *доказавших свое исправление*. Отрицательно характеризовавшиеся – на не вставших на путь исправления и злостных нарушителей режима [8, с. 59].

Здесь возникает одно обстоятельство. Как уже говорилось, вышеприведенная классификация осужденных по степени исправления создавалась с учетом норм ранее действовавшего законодательства. Трех классификационных групп (вставшие на путь исправления, твердо вставшие на путь исправления, доказавшие свое исправление) вполне хватало для того, чтобы «соответствовать» определенным институтам прогрессивной системы. Большого, собственно говоря, и не требовалось.

Сейчас, похоже, необходима более «дробная» классификация. Иными словами, теперь требуется разграничивать по степени исправления большее число категорий осужденных.

Попробуем обосновать это утверждение. Раньше речь шла именно о трех возможных правовых последствиях достижения той или иной степени исправления: перевод на улучшенные условия содержания в рамках одного ИУ – для вставших на путь исправления; перевод в ИУ другого вида – для твердо вставших на путь исправления; условно-досрочное освобождение либо замена наказания более мягким (степень исправления для применения этих институтов устанавливалась одинаковая, что, заметим, подвергалось справедливой критике специалистами [9, с. 23]) – для доказавших свое исправление.

Очевидно, следует исходить из того, что *определенной степени улучшения правового положения осужденного* должна соответствовать *конкретная степень исправления*. В противном случае возникает неразрешимая коллизия между стимулирующими положительное поведение нормами. В новом законодательстве Казахстана (УИК РК принят 5 июня 2014 г.) предусмотрено уже шесть степеней улучшения правового положения осужденных: 1) перевод на обычные, 2) облегченные и 3) льготные условия отбывания наказания в рамках одного исправительного учреждения, 4) перевод в учреждение иного вида, 5) замена наказания более мягким, 6) условно-досрочное освобождение.

Не исключено, что именно со сложностью выделения такого большого количества степеней исправления и связано отсутствие сколько-нибудь системного подхода законодателя к формулированию оснований применения различных институтов прогрессивной системы. По нашему мнению, в новом законодательстве этот подход даже менее систематичен, чем в ранее действовавшем.

Приведем, на наш взгляд, довольно яркий пример. Перевод на льготные условия содержания возможен для доказавших свое исправление осужденных; условно-досрочно могут быть освобождены, как уже отмечалось, лица, не нуждающиеся в полном отбывании наказания. Внешне формулировки вроде бы разные, а по сути, как мы считаем, абсолютно идентичные. В самом деле, если осужденный исправился, то зачем дальше заставлять его отбывать наказание?

Из приведенного примера видно, что законодатель пытается разграничить степени исправления, применяя внешне различные, но по существу одинаковые формулировки. Вот здесь-то и возникает упоминавшаяся нами выше коллизия. Осужденные, достигшие одинаковой, в сущности, степени исправления, могут в равной мере претендовать как на льготные условия отбывания наказания в том исправительном учреждении, в котором они ранее находились, так и на условно-досрочное освобождение. Это вряд ли справедливо, поскольку условно-досрочное освобождение – явно более «льготная» мера.

Было бы более целесообразным отразить в законе уже существующую классификацию осужденных по степени исправления. Правда, для этого потребуются, как видно из вышеизложенного, более дробная градация. При этом следует учитывать, что классификация осужденных по степени исправления – не самоцель. Она направлена, прежде всего, на решение сугубо практических задач, а именно – на определение возможности применения институтов прогрессивной системы. Нецелесообразно определять степень исправления, исходя из чисто умозрительных соображений, а затем ждать, пока законодатель прислушается к этим соображениям. Недопустимо также ставить «...классификационные группы в зависимости от объема изменения условий отбывания наказания. Было бы более правильным вначале определить эти группы, исходя из основного критерия их формирования – степени исправления, а затем уже устанавливать необходимые для каждой группы условия отбывания наказания» [10, с. 37].

Именно вышеупомянутые обстоятельства, на наш взгляд, побудили законодателя прибегнуть к цифровому обозначению степеней положительно характеризующихся осужденных. Однако законодателем были определены только три положительные степени поведения осужденных, соответствующие условиям содержания в пределах одного учреждения (обычные условия, облегченные условия и льготные условия). Другие институты прогрессивной системы, применение которых возможно при достижении определенной положительной степени поведения осужденных, не нашли своего воплощения в новом законодательстве Казахстана.

Такое деление может принести практическую пользу в том случае, если данная классификация будет закреплена в инструкции по воспитательной работе, а степень исправления будет отражаться в характеристиках осужденных. Поскольку характеристики осужденным даются периодически либо по мере необходимости (например, в случае представления к условно-досрочному освобождению, помилованию и т.п.), то в них можно будет в случае нужды вносить необходимые коррективы. Но несомненно, что они окажут помощь во многих случаях оценки степени исправления осужденных.

Следует отметить, что для реализации данного предложения необходимо попытаться связать классификационные группы с уже действующим законодательством. Более того, такой шаг просто необходимо сделать, поскольку без него сильно затрудняется применение уже действующих институтов прогрессивной системы. Так, в настоящее время у органов правосудия имеются сложности в оценке поведения осужденных при условно-досрочном освобождении. У судей возникает обоснованный, на наш взгляд, вопрос: как оценивать поведение осужденного, не имеющего в течение длительного времени как взысканий, так и поощрений? Этот вопрос связан с установлением законодателем правила о возможности применения институтов прогрессивной системы только при наличии определенного количества поощрений. На наш взгляд, при отсутствии в течение длительного времени взысканий у осужденного его поведение следует рассматривать как положительное. Именно данного результата государство стремится достигнуть при реализации уголовно-исполнительной политики. Здесь уместно указать на позицию профессора В.А. Уткина, который отмечал, что «исправление как цель наказания предполагает два взаимосвязанных аспекта: формирование у осужденного субъективной готовности сознательного добровольного соблюдения норм уголовного закона; формирование в его личности объективных качеств, свойств, способствующих ответственному законопослушному (уголовно-законопослушному) поведению» [11, с. 41].

Авторы, не связывающие определение степени исправления положительно характеризующихся осужденных с реализацией входящих в прогрессивную систему элементов, ограничиваются меньшим числом классификационных групп, следуя закреплённым в законе предпосылкам. В частности, предлагается в основу деления осужденных положить такой традиционный критерий, как степень отражения позитивных

сдвигов в направленности их личности, и различать следующие группы: «осужденные, становящиеся на путь исправления», «положительно характеризующиеся осужденные» и «не нуждающиеся для своего исправления в полном отбывании назначенного судом наказания» [8, с. 16–17]. Полагаем, воспроизведение содержащихся в Уголовно-исполнительном кодексе формулировок не способно внести ясность в систему градации осужденных, связать ее с существующими стимулирующими мерами и обеспечить индивидуализированный подход к каждому осужденному. Поэтому сформулированный нами вариант деления осужденных на группы представляется более предпочтительным.

Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что при предложенной нами более подробной классификации возникают дополнительные сложности в плане определения критериев отнесения осужденных к той или иной группе. Попросту говоря, задача состоит в том, как определить, если так можно выразиться, степень «интенсивности» положительного поведения. Нетрудно заметить, что как в ранее действовавшем, так и в ныне действующем законодательстве какие-либо объективные критерии при формулировании оснований применения институтов прогрессивной системы не используются. Исключение, пожалуй, составляет лишь одно из условий перевода на облегченные условия содержания в пределах одного исправительного учреждения: в этом случае говорится об отсутствии взыскания за нарушение установленного порядка отбывания наказания. Такую формулировку можно, на наш взгляд, признать достаточно удачной. Здесь, по крайней мере, есть какая-то ясность. Было нарушение и, соответственно, взыскание за него, перевод невозможен, и наоборот. Наличие же взыскания – показатель объективно зафиксированный. Это препятствует в определенной мере произвольной оценке поведения осужденного. Но, повторим, это единственное исключение из общего правила. В целом же при определении степени исправления приходится по-прежнему руководствоваться оценочными понятиями.

Так или иначе, определение критериев степени исправления осужденных – задача весьма непростая. Впрочем, она и всегда была непростой. В литературе даже высказывалось предположение, что в перспективе она будет решаться с помощью более точных, возможно, математических методов [12, с. 87–88]. Но математические методы слишком формальны. Кроме того, на наш взгляд, пока далеко не полностью используются даже привычные юридические критерии. Так, не в полной мере учитывается отношение осужденного к применяемым к нему мерам воздействия (в первую очередь отношение к труду). В этой связи профессор А.Я. Гришко отмечает: «При переводе осужденного на льготные условия отбывания наказания, при условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания... учитывать решение вопроса трудоустройства, личное участие осужденного в этом решении, его отношение к труду» [13, с. 64].

Кроме того, в качестве примера можно привести закрепление в законодательстве понятий «злостный

нарушитель установленного порядка отбывания наказания», «лицо, систематически нарушающее установленный порядок отбывания наказания» и «нарушитель установленного порядка отбывания наказания». В данном случае законодатель предпринял попытку выделить объективные критерии степени исправления.

Возникает вопрос: почему бы не попытаться применить подобный подход и к определению степени исправления положительно характеризующихся осужденных? На наш взгляд, было бы вполне разумным соотносить ту или иную степень исправления с соответствующим «набором» поощрений. Вероятно, правда, что здесь не должно, а возможно, и не может быть, столь жесткой формализации, как при признании злостным нарушителем режима. Однако сама по себе постановка вопроса представляется вполне правомерной.

Учитывая положительный опыт применения институтов прогрессивной системы при исполнении лишения свободы, следует, на наш взгляд, всесторонне изучить вопрос исполнения наказаний, альтернативных ей, по данному процессу. В частности, при исполнении штрафа должны быть созданы три уровня условий содержания для осужденного к данному наказанию: строгие, обычные и облегченные условия содержания. При вступлении приговора в законную силу осужденный помещается в обычные условия содержания, а именно: проживает дома без права покидать административную территорию пробационного контроля без санкции службы пробации с запрещением посещать питейные и увеселительные заведения и т.д. Осужденный может выходить из дома, но не далее 1 километра, если проживает в городе, и не далее 500 метров – в сельской местности. При положительном поведении осужденный переводится в облегченные условия содержания, что предполагает автоматическое снятие всех ограничений. Перевод осужденного в названные условия предполагает также наступление у последнего права на досрочное снятие пробационного контроля, но не ранее 3 месяцев нахождения на данном этапе. В случае нарушения условий пробационного контроля осужденный оказывается в строгих условиях содержания, предусматривающих запрет свободного передвижения, за исключением посещения места работы и учебного заведения. В обычных условиях осужденный содержится 6 месяцев. В случае положительного поведения он может быть переведен на облегченные условия содержания, но не ранее 3 месяцев с начала отбывания наказания в обычных условиях. Перемещение осужденных из одних условий в другие не должно быть скачкообразным. Вопрос о переводе решает наблюдательная комиссия, созданная при службе пробации. Срок пробационного контроля – 1 год, и он может быть продлен еще на 1 год при злостном невыполнении требований службы пробации.

Здесь уместно отметить, что как исполнение всех видов уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, так и правовая регламентация процесса социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, должны входить в предмет уголовно-исполнительного (пенитенциарного) права. Иными словами, исполнение нака-

заний и иных мер уголовно-правового характера и процесс пробации должны регулироваться уголовно-исполнительным законодательством. С данной позицией согласны не все ученые [14, с. 28–29]. Так, профессор В.А. Уткин считает, что «общественные отношения, связанные с постпенитенциарной адаптацией (ресоциализацией) освобожденных от наказания не являются уголовно-исполнительными и представляют собой предмет формирующегося в России социального законодательства» [15, с. 12].

Возвращаясь к исполнению уголовных наказаний по прогрессивной системе, следует отметить, что применение ее правовых институтов возможно и для других наказаний, альтернативных лишению свободы.

Резюмируя все изложенное, нам хотелось бы в заключение сделать некоторые краткие выводы.

Во-первых, представляется, что правильным было бы сформулировать следующее определение прогрессивной системы: «Прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону либо расширения, либо ограничения, объема его прав».

Во-вторых, что в действующем законодательстве с установлением общего правила о различных условиях отбывания наказания в пределах одного исправительного учреждения прогрессивная система приобрела вполне законченный вид и может считаться основой всего карательно-воспитательного воздействия на осужденных.

В-третьих, в настоящее время существует настоятельная потребность в более дробной классификации положительно характеризующихся осужденных. При этом каждой положительной степени поведения осужденных должны соответствовать определенные условия содержания и институт прогрессивной системы, а именно: при достижении 1-й положительной степени осужденный содержится в обычных условиях исправительного учреждения (институт изменения условий содержания в пределах одного исправительного учреждения); при 2-й положительной степени – переводится на облегченные условия содержания; при 3-й положительной степени – переводится на льготные условия содержания; при достижении 4-й положительной степени – переводится в учреждение другого вида; при 5-й положительной степени применяется институт замены наказания; при 6-й положительной степени возможно условно-досрочное освобождение осужденного.

В-четвертых, необходимо освободить суд от функций изменения процесса исполнения наказания, возложив ее на наблюдательные комиссии, созданные при исправительном учреждении. Суд будет только назначать вид наказания, а исполнение его решения должно быть возложено на Комитет уголовно-исполнительной системы (ФСИН России) и наблюдательную комиссию. В этом случае комиссия коллегиально решает вопрос о применении институтов прогрессивной системы, вплоть до института условно-досрочного освобождения.

В-пятых, назначение и исполнение пробации также решается наблюдательной комиссией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиверстов В.И. Проблемы дифференциации уголовно-правового воздействия на осужденных, отбывающих лишение свободы: научное издание // Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления: итоги теоретического исследования. М. : Юриспруденция, 2019. С. 190–198.
2. Наташев А.Е., Стручков Н.А. Основы теории исправительно-трудового права. М. : Юрид. лит., 1967. 191 с.
3. Наташев А.Е. Неприемлемость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961. С. 245–251.
4. Наташев А.Е. Основные вопросы кодификации исправительно-трудового законодательства // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук. 1962. № 14. С. 204–209.
5. Аванесов Г.А. Прогрессивная система отбывания лишения свободы / под ред. Н.А. Стручкова; МООП СССР, ВНИИ охраны обществ. порядка. М., 1970. 87 с.
6. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система / под науч. ред. В.И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2019. 212 с.
7. Астемиров З.А. О сущности и критериях исправления осужденных // Вопросы исправления и перевоспитания заключенных. Ростов н/Д, 1966. С. 20–26.
8. Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказаний по действующему советскому уголовному праву : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 1965. 36 с.
9. Чужмаитов Д.С. Теоретические основы системы исполнения наказаний по законодательству Республики Казахстан. Алматы : Баспа, 1999. 342 с.
10. Михлин А.С. Дискуссионные вопросы замены неотбытой части наказания более мягким // Проблемы освобождения осужденных от отбывания наказания : сб. науч. тр. / ВНИИ МВД СССР; под ред. Н.А. Стручкова. М., 1983. № 67. С. 30–35.
11. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2018. 240 с.
12. Бажанов О.И. Прогрессивная система исполнения наказания. Минск : Наука и техника, 1981. 167 с.
13. Гришко А.Я., Оводкова Л.С. Деятельность прокуратуры и Уполномоченного по правам человека по обеспечению прав и законных интересов лиц в местах принудительного содержания. Рязань : Академия ФСИН России, 2015. 132 с.
14. Российское уголовно-исполнительное право : учебник : в 2 т. / Ю.А. Кашуба, В.Б. Малинин, В.Н. Орлов и др.; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М. : МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2010. Т. 1: Общая часть. 344 с.
15. Уткин В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть. Томск, 1995. 94 с.

On the Development Prospects for Criminal Sentence Enforcement and Probation

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 103–110. DOI: 10.17223/23088451/15/20

Aidarkan B. Skakov, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: aidarkan@mail.ru

Keywords: criminal policy, humanization, imprisonment, sentences alternative to imprisonment, progressive system of imprisonment enforcement, detention conditions, convicts' behavior.

The criminal law and penal policies implemented in the field of imprisonment enforcement in Kazakhstan are analysed. In connection with a number of significant shortcomings, the necessity of the further improvement of the legal regulation of enforcing sentences alternative to imprisonment through the progressive system is justified. A unified approach in the formation of criminal and penal laws is proposed. The progressive system is a complex interdisciplinary institution of criminal and penal law with several independent institutions. When applying these institutions, the convicts' legal statuses change depending on the degree of their correction: the scope of their rights can either be expanded or reduced. Currently, there is an urgent need for a more detailed classification of positively characterized convicts. Certain conditions of detention and a certain institution of the progressive system must correspond to each positive degree of convicts' behavior, namely: in the first positive degree, the convict is held in the usual conditions of a correctional institution (the institution of changing the conditions of detention within one correctional institution); in the second positive degree, the convict is transferred to lighter conditions of detention; in the third positive degree, the convict is transferred to preferential conditions of detention; in the fourth positive degree, the convict is transferred to an institution of a different kind; in the fifth positive degree, the institution of the substitution of punishment is applied; in the sixth positive degree, parole is possible.

References

1. Seliverstov, V.I. (2019) Problemy differentsiatsii ugovovno-pravovogo vozdeystviya na osuzhdennykh, otbyvayushchikh lishenie svobody [Problems of differentiation of the criminal law impact on convicts serving a prison sentence]. In: Seliverstov, V.I. (ed.) *Otbyvanie lisheniya svobody osuzhdennymi za ekonomicheskie i (ili) dolzhnostnye prestupleniya: itogi teoreticheskogo issledovaniya* [Serving a prison sentence by convicts for economic and (or) official crimes: Results of a theoretical study]. Moscow: Yurisprudentsiya.
2. Natashev, A.E. & Struchkov, N.A. (1967) *Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava* [Fundamentals of the theory of corrective labor law]. Moscow: Yurid. lit.
3. Natashev, A.E. (1961) [The unacceptability of the “progressive system” of serving a prison sentence]. *Problemy razvitiya sovetskogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva* [Problems of the development of Soviet corrective labor law]. Conference Proceedings. Saratov: Saratov Law Institute. pp. 245–251. (In Russian).
4. Natashev, A.E. (1962) *Osnovnye voprosy kodifikatsii ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva* [The main issues of codification of corrective labor laws]. *Uchenye zapiski Vsesoyuznogo instituta yuridicheskikh nauk*. 14. pp. 204–209.
5. Avanesov, G.A. (1970) *Progressivnaya sistema otbyvaniya lisheniya svobody* [A progressive system of serving a prison sentence]. Moscow: USSR Research Institute of the Ministry of the Interior.
6. Golovastova, Yu.A. (2019) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiyskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema* [Penal law as a branch of Russian law: subject, method, sources, system]. Moscow: Yurisprudentsiya.

7. Astemirov, Z.A. (1966) O sushchnosti i kriteriyakh ispravleniya osuzhdennykh [On the nature and criteria for the correction of convicts]. In: Astemirov, Z.A. (ed.) *Voprosy ispravleniya i perevospitaniya zaklyuchennykh* [Issues of correction and re-education of prisoners]. Rostov-on-Don: Molot. pp. 20–26.
8. Tkachevskiy, Yu.M. (1965) *Osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniy po deystvuyushchemu sovetскому уголовному pravu* [Exemption from serving sentences under the current Soviet criminal law]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
9. Chukmaitov, D.S. (1999) *Teoreticheskie osnovy sistemy ispolneniya nakazaniy po zakonodatel'stvu Respubliki Kazakhstan* [The theoretical foundations of the system for the enforcement of sentences under the laws of the Republic of Kazakhstan]. Almaty: Baspa.
10. Mikhlin, A.S. (1983) Diskussionnye voprosy zameny neotbytoy chasti nakazaniya bolee myagkim [Discussion issues of replacing the unserved part of the punishment with a softer one]. In: Struchkov, N.A. (ed.) *Problemy osvobozhdeniya osuzhdennykh ot otbyvaniya nakazaniya* [Problems of the release of convicts from serving sentences]. Is. 67. – Moscow: USSR Research Institute of the Ministry of the Interior. pp. 30–35.
11. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugovolnykh nakazaniy: kurs lektsiy* [Problems of the theory of criminal punishments: Lectures]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Bazhanov, O.I. (1981) *Progressivnaya sistema ispolneniya nakazaniya* [Progressive punishment enforcement system]. Minsk: Nauka i tekhnika.
13. Grishko, A.Ya. & Ovodkova, L.S. (2015) *Deyatel'nost' prokuratury i Upolnomochennogo po pravam cheloveka po obespecheniyu prav i zakonnykh interesov lits v mestakh prinuditel'nogo sodержaniya* [Activities of the Prosecutor's Office and the Commissioner for Human Rights to ensure the rights and legitimate interests of persons in places of detention]. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
14. Eminov, V.E. & Orlov, V.N. (eds) (2010) *Rossiyskoe ugovolno-ispolnitel'noe pravo. V 2-kh t.* [Russian penal law. In 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Moscow State Law Academy. pp. 28–29.
15. Utkin, V.A. (1995) *Kurs lektsiy po ugovolno-ispolnitel'nomu pravu. Obshchaya chast'* [A course of lectures on criminal law. General part]. Tomsk: Tomsk State University.

А.А. Трефилов

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В КНЯЖЕСТВЕ ЛИХТЕНШТЕЙН

В Лихтенштейне существует достаточно консервативный уголовный процесс, не подверженный быстрым и частым изменениям. УПК 1913 и 1988 г. достаточно близки по своему содержанию. Так, оба кодекса предусматривают участие в производстве по делу следственного судьи – независимого должностного лица, относящегося к судебной власти и осуществляющего предварительное следствие по уголовному делу. При этом он не выполняет ни функции защиты, ни функции обвинения. Несмотря на дискуссии, при разработке и принятии действующего УПК отказа от этого традиционного института не произошло. Рассмотренные особенности уголовного процесса Лихтенштейна позволяют сделать вывод, что он весьма близок к австрийскому и швейцарскому (правда, с учетом упразднения в Швейцарии в 2011 г. следственных судей, за исключением военного и ювенального судопроизводства).

Ключевые слова: правовая система, Лихтенштейн, исторические формы уголовного процесса, состязательно-обвинительный, инквизиционный (розыскной) и смешанный уголовный процесс, Уголовно-процессуальный кодекс, инквизиция, судебная система, правоохранительные органы.

Правовая система Лихтенштейна: между Францией, Германией, Австрией и Швейцарией

Поскольку Лихтенштейн достаточно поздно сформировался в качестве независимого государства и длительное время на его современной территории действовало право других стран (Франкское королевство, Священная Римская империя, Австро-Венгрия), сначала необходимо кратко рассмотреть развитие княжества, а затем перейти непосредственно к истории его уголовного судопроизводства.

Нынешняя территория Лихтенштейна изначально входила в Рецию – самую западную провинцию Римской империи, затем оказалась в составе Франкского королевства, а после этого стала частью герцогства Швабии, существовавшего в X–XII вв. В 1236 г. данные земли вошли в состав Священной Римской империи. В 1342 г. возникает графство Вадуц, которое было частью более крупной территориальной единицы – Верденберга, куда также входили нынешний швейцарский кантон Санкт-Галлен (St.Gallen) и австрийская земля Форарльберг (Forarlberg).

Датой основания независимого Княжества Лихтенштейн традиционно считается 23 января 1719 г., когда указом императора Карла VI княжество Шелленберг и графство Вадуц были объединены в Лихтенштейн (Liechtenstein), первым главой которого стал Антон Флориан фон Лихтенштейн. С этого момента начинается формирование собственной правовой системы княжества.

Окончательно Лихтенштейн стал независимым государством в 1806 г., после распада Священной Римской империи. Император Наполеон не вторгся на территорию княжества, в связи с чем французское право в дальнейшем не оказало заметного влияния на его развитие (например, в отличие от соседней Швейцарии и ее кантонов Юра, Женева, Невшатель, Во и Вале). Став членом Рейнского Союза, созданного Наполеоном в 1806 г., Лихтенштейн достиг «полного суверенитета», хотя принц Иоганн I не подписывал его учредительных документов. Согласно официальному сайту «300 лет Лихтенштейна» (<https://www.300.li>), в 1809 г. отмена

феодалного землевладения, а также правовая, земельная, финансовая, церковная, муниципальная и другие реформы, хотя и встретили сопротивление внутри страны, но способствовали ее постепенной модернизации.

В 1815 г. Лихтенштейн вошел в состав Германского союза (1815–1866) и находился в нем вплоть до его распада в 1866 г. Участие в Венском конгрессе (1815) и добровольное вступление данное объединение государств свидетельствуют о наличии у княжества суверенитета. В 1868 г. Лихтенштейн распустил свою армию и объявил о вечном нейтралитете, который неукоснительно соблюдался в ходе двух мировых войн и действует по сей день.

9 ноября 1818 г. десятый по счету князь Лихтенштейна Иоганн I даровал государству первую в его истории Конституцию, тем самым исполнив свое обязательство перед Германским союзом, но большинство ее положений имело декларативный характер. Согласно официальному сайту «300 лет Лихтенштейна», тем самым «княжество впервые получило полноценную письменную Конституцию, однако ее действие ограничивалось поздним абсолютизмом и она не предоставляла населению существенных прав». Под влиянием революционных движений принц Алоиз II издал конституционные переходные положения от 7 марта 1849 г., однако Указ от 20 июля 1852 г. возвратил страну в прежнее положение. Лишь 26 сентября 1862 г. вступила в силу вторая Конституция, имевшая более прогрессивный характер. Она положила конец абсолютизму в Лихтенштейне: князь продолжает воплощать всю полноту государственной власти, но теперь он связан Конституцией. Без парламента больше не могут быть приняты законы или взиматься налоги. Однако Ландтаг до принятия следующего Основного закона не имел никакого влияния на правительство. 24 октября 1921 г. вступила в силу третья Конституция, действующая и по настоящее время с последующими изменениями и дополнениями. С тех пор «носителем государственной власти являются князь и народ».

До завершения Первой мировой войны Лихтенштейн состоял в торгово-экономическом союзе с Австрией (с 1852 г.) и испытывал влияние ее уголовного и

уголовно-процессуального законодательства, однако агрессивная политика данной империи заставила княжество переориентироваться в своей внешней политике более миролюбивого соседа – Швейцарию. В 1919 г. они подписали договор, согласно которому последняя принимала на себя функцию представления интересов Лихтенштейна на консульском и дипломатическом уровнях; кроме того, между ними начал складываться валютный и таможенный союз, оформившийся к 1924 г.

Во время Второй мировой войны Германия так и не вторглась в Лихтенштейн. По сути, союз с Швейцарией позволил княжеству избежать Аншлюса в 1938 г. и не оказаться вместе с Австрией в составе третьего рейха. Несмотря на нейтралитет Лихтенштейна, многие культурные ценности и семейные реликвии в данный период на всякий случай для обеспечения сохранности были перевезены в Лондон.

После Второй мировой войны княжество имело конфликтные отношения с социалистическими странами – Чехословакией и Польшей, которые с одобрения СССР конфисковали активы правящей династии, находившиеся на территории Богемии, Моравии и Силезии (сельскохозяйственные земли, дворцы, конюшни и иная недвижимость). Попытки их возврата предпринимаются и в настоящее время. В период холодной войны долгое время подданным Лихтенштейна был запрещен въезд на территорию Чехословакии (ЧССР).

После Второй мировой войны княжество испытывало серьезные экономические трудности и даже распродавало произведения живописи и другие коллекции, однако вскоре, благодаря низким налоговым ставкам и практически полному отсутствию коррупции, Лихтенштейн начинает превращаться в мощный финансовый и деловой центр. В 1978 г. княжество вступило в Совет Европы, в 1990 г. – в ООН, в 1991 г. – в Европейскую ассоциацию свободной торговли и Европейскую экономическую зону, в 1995 г. – во Всемирную торговую организацию.

Состязательно-обвинительный уголовный процесс

Изначально на территории, где сейчас находится Лихтенштейн, господствовал состязательно-обвинительный процесс. В период пребывания в составе франкского королевства действовала Салическая правда (*Lex Salica*) 507–511 гг. – источник раннефеодального средневекового французского права, составленный при Хлодвиге I (481–511) из династии Меровингов. Она предполагала:

1) отсутствие разделения процесса на гражданский и уголовный – дела в суде рассматривались по одним и тем же правилам;

2) открытие судопроизводства по требованию лица, которому причинена «обида», или его родственников (аккумуляционный принцип);

3) движение дела по стадиям преимущественно по воле и усмотрению частных лиц;

4) систему различных ордалий, испытаний (в том числе кипяток), ритуальных и очистительных присяг, судебных поединков, которым придавалось доказательственное значение при разрешении дела;

5) отсутствие четко структурированной системы правоохранительных органов в современном понимании данной категории – профессионализация уголовно-процессуальных функций на тот момент времени отсутствовала.

В целом Салическая правда и другие памятники раннефеодального права Франции не оказали заметного влияния на последующее развитие лихтенштейнского уголовного судопроизводства.

Инквизиционный уголовный процесс

После вхождения нынешней территории Лихтенштейна в состав Священной римской империи на нее распространяется действие общеимперского законодательства. Наиболее известным и авторитетным источником уголовного и уголовно-процессуального права данного периода являлась Каролина 1532 г. – *Peinliche Halsgerichtsordnung Kaiser Karls V* (старонем.), *Constitutio Criminalis Carolina* (лат.). С введением в действие этого правового акта связывают переход уголовного процесса от состязательно-обвинительного к инквизиционному типу. Отныне:

1) судопроизводство по делам о преступлениях против церкви, против государства, против жизни (если потерпевшего убили) начиналось и без заявления частных лиц в силу публичного начала уголовного процесса;

2) дело могло переходить от одной стадии к другой *ex officio* (*von Amtes wegen*);

3) возникает профессионализация уголовно-процессуальных функций и формируется система правоохранительных органов;

4) устанавливается теория формальной оценки доказательств, предполагавшая определенные стандарты доказанности и высокое значение признания вины для разрешения уголовного дела по существу.

Важным источником изучения средневекового уголовного процесса является «Молот ведьм». Данное произведение, написанное отчасти в научно-публицистическом стиле, отчасти языком закона, представляет собой не только самую известную и авторитетную в средневековой Европе работу по демонологии (авторами предпринята попытка классифицировать нечистую силу, даются различные советы по борьбе с ней и т.д.), но и свод практических рекомендаций по ведению уголовного процесса, относящихся к следственным действиям, мерам принуждения и т.д.

С 1598 по 1670 г. на территории Лихтенштейна велась полномасштабная «охота на ведьм» в форме религиозного геноцида, в результате которого более ста человек погибли от пыток и были сожжены на костре. По утверждению профессора Йозефа Бюхеля (*Josef Büchel*) в монографии «История общины Тризен», кульминация данного явления приходится на 1648–1651 гг., последние процессы состоялись в 1675–1676 гг. и также в 1679–1680 гг. [1, с. 909].

Подробное описание данных событий мы находим также в романе Марианны Майдорф (*Marianne Maidorf*) «Ведьма из Тризенберга» (*Die Hexe vom Triesenberg*). Книга повествует о так называемых «Тризенбергских процессах над ведьмами» (*Hexenprozesse in Triesen*) –

пожалуй, наиболее мрачной странице из истории Лихтенштейна. В 1598 г., во время первой известной «охоты на ведьм», местные жители сообщили властям о подозрительном поведении женщины из города Шаан, которая ночевала в Тризене и была обвинена в ночном колдовстве. Известно и о том, что жители этого же города подозревали также крестьянку Нэсу Агнес (Nesa Agnes) в наведении порчи на скот. Согласно историческим документам, датированным 1648–1651 гг., некая Грета (Greta) под пытками призналась в любовной связи с дьяволом и его слугами, в договоре с сатаной, в участии в сборище ведьм и в колдовстве, связанном погодой (Wetterzauber) [1, S. 909].

Профессор Манфред Тшайкнер (Manfred Tschaikner) в монографии «Преследование ведьм в Тризене» (Hexenverfolgen in Triesen) приводит драматическое описание судебного процесса над Катариной Гасснерин. Она была приговорена вместе со своими соучастниками к смертной казни за колдовство и поклонение дьяволу. 4 декабря 1680 г. нотариус Йохан Конрад подал жалобу и возражение на приговор, постановленный в данном судебном процессе. Вскоре шестеро осужденных – Катарина Гасснерин и Георг Нигг из Тризена, Петер Оспельт, Мария Оспельтин и Мария Шлегин из Тризенберга, Кристина Вагнерин из Шаана – перед казнью мечом отказались от сделанного ранее признания в связях с дьяволом и заявили, что умирают невиновными и с чистой душой. Местный пастор Валентин фон Крисс попросил суд Вадуца о пересмотре сурового приговора, однако смог собрать в своем приходе залог для отсрочки казни только одной Катаринины Гасснерин. Тем самым он спас ей жизнь. Вскоре было получено заключение авторитетных ученых из университета Тюбингена (немецкий город в земле Баден-Вюртемберг), свидетельствующее о ее невиновности. В результате она, избежав казни, еще несколько месяцев провела в тюрьме, пока в начале июня 1681 г. не сбежала отсюда. Больше о ней ничего не известно. Приговоры в отношении других осужденных приведены в исполнении палачами-инквизиторами 21 декабря 1680 г. [2, S. 20–22].

Профессор Артур Брунхардт (Arthur Brunhart) в книге «Плиты лихтенштейнской истории...» (Bausteine zur liechtensteinischen Geschichte...) повествует о пасторе Валентине фон Криссе, который участвовал в производстве по делу Катаринины Гасснерин. В декабре 1680 г. он пришел к выводу о ее невиновности и смог предотвратить казнь [3, S. 113–154]. В результате пастор вступил в конфликт с духовенством, после чего сам оказался в списке преследуемых лиц. По приказу епископа Ульриха де Монта на несколько месяцев ему пришлось покинуть свой приход. Пастор подал императору Священной Римской империи Леопольду I (1658–1705) жалобу на преследование ведьм: он обращал внимание на то, что в Вадуце действует юстиция, причиняющая ущерб верноподданным, и призывал главу государства приехать и увидеть беззакония своими глазами. Данную жалобу также подписали пять жителей графства, которые вынужденно бежали вместе пастором. Жалоба попала императору лично в руки, и вскоре он назначил специального комиссара фон Кемп-

тена для расследования указанных обстоятельств. Последний повелел прекратить судебные процессы над ведьмами. В результате приговоры 1679 и 1680 гг. были отменены.

Противники «охоты на ведьм» и потомки осужденных за колдовство впоследствии потребовали возмещения материального и морального ущерба, а также наказания виновных инквизиторов. Они не достигли поставленных целей, но народная память сохранила предание о мстителях, живших в ущелье Лавена, которые долгое время убивали судей, палачей, инквизиторов и тех, кто с ними сотрудничал. Деятели юстиции при таинственных обстоятельствах стали внезапно исчезать. «Охота на ведьм» в Лихтенштейне окончательно завершилась в конце 1681 г., когда император Священной Римской Империи Леопольд I отменил инквизицию.

Смешанный уголовный процесс

Возникновение современного смешанного уголовного судопроизводства в Лихтенштейне традиционно связывают с принятием Уголовно-процессуального кодекса от 31 декабря 1913 г. В пояснительной записке (Vernehmlassungsbericht) от 7 сентября 2006 г., подготовленной Правительством, утверждается, что этот правовой акт составлен преимущественно по австрийскому образцу [4, S. 1]. Кодекс действовал 75 лет.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс Лихтенштейна после многолетней подготовки был принят 18 октября 1988 г. Данный кодекс хотя и расширил права стороны защиты, но не изменил смешанного типа уголовного процесса, который предполагает тайное, несостязательное предварительное производство и гласное состязательное рассмотрение дела по существу. Данный кодекс также достаточно стабилен и не претерпел каких-либо серьезных концептуальных изменений за прошедшие 30 лет, кроме введения главы об альтернативах уголовному преследованию, а также главы о порядке привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. В целом он по-прежнему испытывает заметное влияние австрийского законодательства. В пояснительной записке (Vernehmlassungsbericht) от 8 мая 2009 г., подготовленной правительством Лихтенштейна, на официальном уровне утверждается, что готовящаяся реформа уголовного процесса княжества связана с изменениями Уголовно-процессуального кодекса Австрии, вступившими в силу 1 января 2008 г.

Особенности уголовного процесса Лихтенштейна

К процессуальному праву в Лихтенштейне в настоящее время относятся уголовно-процессуальное право (основной источник – УПК от 18 октября 1988 г.), гражданское процессуальное право (основной источник – ГПК от 10 декабря 1912 г.), административное процессуальное право (основной источник – Закон об общем судопроизводстве по административным делам от 21 апреля 1922 г.) и конституционное процессуальное право (основной источник – Закон о Конституции

онном суде от 27 ноября 2003 г.). Обращает на себя внимание, что все НПА, кроме последнего, уже достигли более или менее почтенного возраста, в связи с чем можно констатировать устойчивость и стабильность процессуального законодательства княжества.

Вопрос о сущности уголовного процесса и отрасли права, которая его регулирует, в Лихтенштейне не находится в центре внимания научной доктрины. Она сосредоточена на проблемах судопроизводства, имеющих в первую очередь практический (прикладной) характер. Нам не удалось найти ни одной подготовленной в Лихтенштейне статьи теоретической направленности по данному вопросу.

Вместе с тем можно утверждать, что сущность уголовного процесса как государственно-правовой деятельности, направленной на борьбу с преступностью, в данном княжестве существенно не отличается от той, которая сформировалась в соседних Австрии, Швейцарии и других странах континентальной Европы.

Стадиями уголовного процесса Лихтенштейна по УПК 1988 г. являются:

- 1) дознание;
- 2) предварительное следствие;
- 3) подготовка дела к судебному разбирательству;
- 4) рассмотрение дела по существу в суде первой инстанции:
 - общий порядок;
 - производство перед единоличным судьей;
 - упрощенное производство перед единоличным судьей в отношении уголовных нарушений и определенных уголовных проступков;
- 5) апелляция;
- 6) ревизия;
- 7) исполнение приговора;
- 8) возобновление уголовного судопроизводства.

Современный уголовный процесс Лихтенштейна обладает следующими основными особенностями:

- 1) отсутствие самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела в российском значении данной категории;
- 2) принципиальное сохранение следственного судьи, обуславливающее отсутствие судебного контроля в предварительном производстве. Дознание и следствие являются не альтернативными, а последовательными формами предварительного расследования; каждая из них факультативна, но хотя бы одна должна иметь место обязательно (как и в Швейцарии);
- 3) дифференциация потерпевшего (*die geschädigte Person*) и жертвы (*das Opfer*), т.е. лица, физической, психической или сексуальной неприкосновенности которого вред причинен непосредственно преступлением;
- 4) отсутствие суда присяжных и народного элемента в составе суда; последний представлен только коронным элементом («княжеские судьи»);
- 5) апелляция, ревизия, жалоба – основные способы пересмотра приговоров и иных актов по уголовным делам.

Укажем также на основные отличия уголовно-процессуальных кодексов Лихтенштейна – старого 1913 г. и нового 1988 г.:

1) новый УПК регламентирует производство по привлечению к ответственности юридических лиц (§ 357a-357g), старый УПК, основываясь на материальном уголовном праве, напротив, исходил из того, что уголовно-правовое воздействие может быть направлено только на физическое лицо;

2) новый УПК с учетом правовых позиций ЕСПЧ прямо закрепляет принцип запрета провокации преступления (§ 2a), старый – нет;

3) новый УПК, развивая альтернативы уголовному преследованию и опираясь на принцип целесообразности, содержит главу IIIa «Об отзыве уголовного преследования после уплаты денежной суммы, после выполнения общественно полезных работ, после истечения испытательного срока и после внесудебного возмещения». УПК 1913 г. не предусматривал данный институт;

4) новый УПК отказался от суда шеффенов, который имел место по старому УПК (§ 169). Ныне установлен только профессиональный состав суда первой и последующих инстанций;

5) терминологическое различие: старый кодекс официально назывался «Закон о введении в действие Уголовно-процессуального кодекса», а УПК являлся его составной частью (подписан в Вене князем Йоханном и главой правительства Леопольдом Фрайхерром фон Имхофом 31 декабря 1913 г), новый – «Уголовно-процессуальный кодекс» (подписан в Вадуде наследным принцем Хансом-Адамом и главой правительства Хансом Брунхартом 31 декабря 1988 г.).

Развитие сотрудничества России и Лихтенштейна по вопросам уголовного судопроизводства

В советское время существовали лишь формальные отношения СССР и Лихтенштейна. Долгое время они оставались напряженными из-за того, что в ночь на 2 мая 1945 г. в поисках убежища вооруженные остатки 1-й Русской национальной армии (РНА) германского вермахта под началом генерал-майора Б.А. Хольмстона-Смысловского (1897–1988) в количестве 462 человек пересекли границу между третьим рейхом и Лихтенштейном. По итогам переговоров в трактате «Wirtschaft zum Löwen» им было предоставлено убежище в княжестве. СССР неоднократно и настоятельно требовал экстрадиции нацистских преступников с целью суда над ними, однако безрезультатно. Часть из них, поверив на слово обещаниям советских властей, попытались вернуться в СССР, однако они были расстреляны еще на территории Венгрии.

Советские власти не смогли убедить Лихтенштейн в необходимости экстрадиции в соответствии с нормами международного и внутригосударственного права. Барон Эдуард Фальц-Фейн утверждал в мемуарах, что «Лихтенштейн отказался производить экстрадицию, мотивировав это отсутствием юридической силы Ялтинского соглашения на территории княжества». Тем самым Лихтенштейн стал единственным государством, противостоявшим советским требованиям об экстрадиции нацистских преступников. Через 2,5 года фашисты и их пособники, несмотря на со-

вершенные в годы войны преступления против мира и безопасности человечества, получили возможность эмигрировать из княжества, а сам Хольмстон-Смысловский уехал в Аргентину и занимал должность советника президента Перона в 1948–1955 гг.

Согласно сайту Министерства иностранных дел РФ, дипломатические отношения между Россией и Лихтенштейном были официально установлены 30 января 1994 г. С тех пор российский посол в Швейцарии по совместительству аккредитован и в Лихтенштейне. 11 июля 2006 г. в Вадуце открыто почетное российское консульство. Швейцарское посольство, находящееся в Москве, представляет интересы Лихтенштейна в России. 30 января 2019 г. министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров направил министру иностранных дел, юстиции и культуры княжества Лихтенштейн Аурелии Фрик поздравительное послание по случаю 25-летия установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Княжеством Лихтенштейн. В послании дана «высокая оценка российско-лихтенштейнского взаимодействия, базирующегося на принципах доверия, уважения и взаимного учета интересов», подтверждена «готовность российской стороны к дальнейшему расширению связей между двумя государствами как в двустороннем формате, так и на ключевых международных площадках» (см.: <http://www.mid.ru>).

Сотрудничеству между двумя государствами способствует Третий европейский департамент МИД России (Австрия, Венгрия, Лихтенштейн, Польша, Словакия, ФРГ, Чехия, Швейцария), а также Департамент иностранных дел Министерства иностранных дел, юстиции и культуры княжества Лихтенштейн (информация о делении департаментов на отделы на официальном сайте данного органа не представлена).

Осуществляются контакты между правоохранительными и налоговыми органами России и Лихтенштейна, происходят обмены запрашиваемой информацией. В рамках «Эгмонтской группы» (Лихтенштейн поддержал вступление в нее России в 2002 г.) развивается сотрудничество между ведомствами финансового мониторинга двух стран. На дипломатическом уровне поддерживаются контакты между ними в рамках международных организаций (ООН, ОБСЕ, Совет Европы).

Важнейшим направлением сотрудничества правоохранительных органов России и Лихтенштейна является противодействие легализации преступных доходов. По утверждению авторитетной газеты «Liechtensteiner Volksblatt», «немецкая разведывательная служба всегда уделяла большое внимание сделкам между лихтенштейнскими банками и преступными организациями из России... В Лихтенштейн во время распада СССР были переведены в огромных количествах его валютные и золотые запасы». Однако «последние разведывательные данные указывают, что княжество потеряло свою привлекательность для русской мафии и даже обозначился отток ее капиталов оттуда». Другой скандал связан с опубликованной в российской газете «Версия» информацией о том, что в 2000 г. «аэропорт Домодедово продали в Лихтенштейн за миллион дол-

ларов». Авторы ставят под сомнение законность приватизации и последующей продажи аэропорта в пользу зарегистрированной в княжестве компании «Ист Лайн». В том же выпуске газеты утверждается, что правящий Князь Ханс-Адам II дал полиции указание организовать тщательную проверку данных сведений.

Договора о правовой помощи по уголовным делам между Россией и Лихтенштейном в настоящее время не имеется (как и с Швейцарией), однако вопрос о его заключении ранее поднимался на уровне межправительственных комиссий. Сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства между данными государствами осуществляется на основе принципа взаимности, а также ратифицированных ими международных правовых актов, в частности Европейской конвенции о выдаче 1957 г. (вступила в силу в отношении Лихтенштейна 26 января 1970 г., России – 9 марта 2000 г.) и Европейской конвенции о правовой помощи по уголовным делам 1959 г. (вступила в силу в отношении Лихтенштейна 28 октября 1969 г., России – 10 декабря 1999 г.).

Выводы

Рассмотрев историю Княжества Лихтенштейн и его правовых институтов, можно заключить, что правовая система Лихтенштейна долгое время находилась под влиянием соседних государств и нередко заимствовала их правовые институты. Как и в большинстве континентальных европейских правовых порядков, уголовный процесс Лихтенштейна, исторически развиваясь, совершил переход от состязательно-обвинительного к инквизиционному типу, а затем к смешанному. Его эволюция близка к той, которую можно обнаружить в соседних правовых порядках: в Германии, Швейцарии и Австрии.

В Лихтенштейне существует достаточно консервативный уголовный процесс, не подверженный быстрым и частым изменениям. УПК 1913 и 1988 гг. достаточно близки по своему содержанию. Так, оба кодекса предусматривают участие в производстве по делу следственного судьи – независимого должностного лица, относящегося к судебной власти и осуществляющего предварительное следствие по уголовному делу. При этом он не выполняет ни функции защиты, ни функции обвинения. Несмотря на дискуссии, при разработке и принятии действующего УПК отказа от этого традиционного института не произошло.

Рассмотренные особенности уголовного процесса Лихтенштейна позволяют сделать вывод, что он весьма близок к австрийскому и швейцарскому (правда с учетом упразднения в Швейцарии в 2011 г. следственных судей, за исключением военного и ювенального судопроизводства).

Важным шагом на пути развития международного сотрудничества России и Лихтенштейна по вопросам уголовного судопроизводства (экстрадиция, получение доказательств, исполнение запросов о правовой помощи и т.д.) могло бы стать заключение международного договора по данному вопросу (в условиях его отсутствия данные государства опираются на начала взаимности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Büchel J. Geschichte der Gemeinde Triesen. Triesen, 1989. Band 2.
2. Tschaikner M. Hexenverfolgen in Triesen. Neue Erkenntnisse über die Hexenprozesse der Frühneuzeit // Triesen. Informationen und Mitteilungen aus der Gemeinde. 1998. 30 Jahrgang, Ausgabe 125, Januar. S. 20–22.
3. Brunhart A. Bausteine zur liechtensteinischen Geschichte. Studien und studentische Forschungsbeiträge : 3 Bände. Zürich, 1999. Band 2. S. 113–154.
4. Vernehmlassungsbericht der Regierung des Fürstentums Liechtenstein betreffend die Abänderung der Strafprozessordnung, des Jugendgerichtsgesetzes und des Rechtshilfegesetzes (Reform der Untersuchungshaft). 2006. 7 September.

The Development of the Criminal Procedure in the Principality of Liechtenstein

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2020, no. 15, pp. 111–116. DOI: 10.17223/23088451/15/21

Aleksandr A. Trefilov, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Keywords: legal system, Liechtenstein, historical forms of criminal procedure, adversarial, inquisitorial and mixed criminal procedure, Criminal Procedure Code, Inquisition, judiciary, law enforcement bodies.

The legal system of Liechtenstein had long been influenced by the neighbouring states and often borrowed their legal institutions. As in most continental European legal orders, the criminal procedure of Liechtenstein, historically evolving, developed from the adversarial to the inquisitorial type, and then to the mixed one. Its development is close to the one in the neighbouring Germany, Switzerland and Austria. Liechtenstein has a fairly conservative criminal procedure, not subject to rapid and frequent changes. The Criminal Procedure Codes of 1913 and 1988 are quite close in content. Thus, both codes provide for the participation in the proceedings of an investigating judge, an independent official belonging to the judiciary and conducting a preliminary investigation in a criminal case. However, this judge performs neither the function of defence, nor the function of prosecution. Despite the discussions, during the development and adoption of the current Criminal Procedure Code, this traditional institution was preserved. The considered features of the Liechtenstein criminal procedure allow concluding that it is very close to Austrian and Swiss, taking into account the abolition of investigating judges (except in military and juvenile proceedings) in Switzerland in 2011. An important step towards the development of international cooperation between Russia and Liechtenstein on criminal proceedings (extradition, obtaining evidence, execution of requests for legal assistance, etc.) could be the conclusion of an international treaty on this issue (in the absence of this, these states rely on the principle of reciprocity).

References

1. Büchel, J. (1989) *Geschichte der Gemeinde Triesen*. Band 2. Triesen: Selbstverlag.
2. Tschaikner, M. (1998) Hexenverfolgen in Triesen. Neue Erkenntnisse über die Hexenprozesse der Frühneuzeit. *Triesen. Informationen und Mitteilungen aus der Gemeinde*. 125. 30 Januar. pp. 20–22.
3. Brunhart, A. (Hg.) (1999) *Bausteine zur liechtensteinischen Geschichte. Studien und studentische Forschungsbeiträge*. 3 Bände. Band 2. Zürich: Chronos Verlag. pp. 113–154.
4. Ressort Justiz. (2006) *Vernehmlassungsbericht der Regierung des Fürstentums Liechtenstein betreffend die Abänderung der Strafprozessordnung, des Jugendgerichtsgesetzes und des Rechtshilfegesetzes (Reform der Untersuchungshaft)*. 7 September 2006. [Online] Available from: https://www.llv.li/files/srk/pdf-llv-rk-vernehmll_2006_reform_der_untersuchungshaft.pdf.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЛЛОЕВ Парвиз Саъдуллоевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры судоустройства и прокурорского надзора, заместитель декана юридического факультета Таджикского национального университета, г. Душанбе. E-mail: 1986parviz@mail.ru

АНТОНОВ Антон Геннадьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург. E-mail: antonovanton1@mail.ru

АНДРЕЕВ Семен Петрович – адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации, майор полиции, г. Санкт-Петербург. E-mail: antonovanton1@mail.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: raist@sibmail.com

БЕГИШЕВ Ильдар Рустамович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань. E-mail: begishev@mail.ru

БЯКИНА Светлана Игоревна – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, г. Рязань. E-mail: bjakinasvetlana@rambler.ru

ВАЛЕЕВ Марат Тагирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

ВАРДАНЯН Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и ОРД Ростовского юридического института МВД России, г. Ростов-на-Дону. E-mail: avardanyan@yandex.ru

ВАРДАНЯН Галина Акоповна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону. E-mail: avardanyan@yandex.ru

ГЕРЦЕН Полина Олеговна – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: stenwaysfiringlight@gmail.com

ГРИШКО Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород. E-mail: grishkoaleksandr@yandex.ru

КАРАКУЛОВ Тимофей Геннадьевич – судья Первомайского районного суда Томской области, г. Томск. E-mail: timofeykarakulov@yandex.ru

КИРПИЧНИКОВ Данила Владимирович – лаборант кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Краснодар. E-mail: danila667@outlook.com

КИСЕЛЕВ Александр Михайлович – старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

КУДРАТОВ Некруз Абдунабиевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Таджикского государственного университета коммерции, г. Душанбе. E-mail: nek-kudratov@mail.ru

КУЗЬМИН Станислав Иванович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства НИИ ФСИН России, г. Москва. E-mail: nii@fsin.ru

ЛЕЛЮХ Владимир Федорович – доктор социологических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, г. Новокузнецк. E-mail: institut@42.fsin.ru

ЛОЗИНСКИЙ Игорь Владиславович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: Kafedra.ups@mail.ru

МАРИНИЧЕВА Анна Юрьевна – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск. E-mail: crim.just@mail.ru

МАСЛЕННИКОВА Лариса Николаевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, г. Москва. E-mail: mln1954@yandex.ru

МУРАВЬЕВ Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Омской академии МВД России, г. Омск. E-mail: murki@list.ru

ОБЕРНИХИНА Олеся Валерьевна – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, г. Новокузнецк. E-mail: institut@42.fsin.su

СКАКОВ Айдаркан Байдекович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Академии ФСИН России, г. Рязань. E-mail: aidarkan@mail.ru

СУШИНА Татьяна Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, г. Москва. E-mail: chin2011@yandex.ru

ТРЕФИЛОВ Александр Анатольевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва. E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

УВАРОВ Олег Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, г. Томск. E-mail: institut@70.fsin.su

ЧУКАНОВА Евгения Сергеевна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, полковник полиции (Москва), evgeniya.rybina@mail.ru